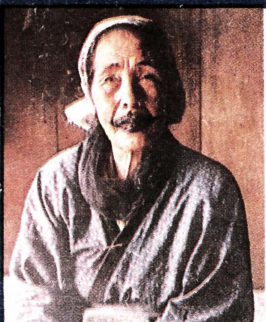

4

1990

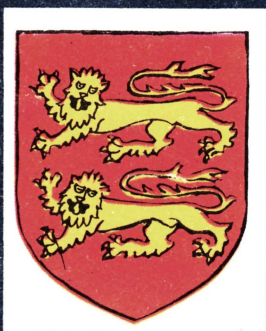

ВОКРУГ СВЕТА

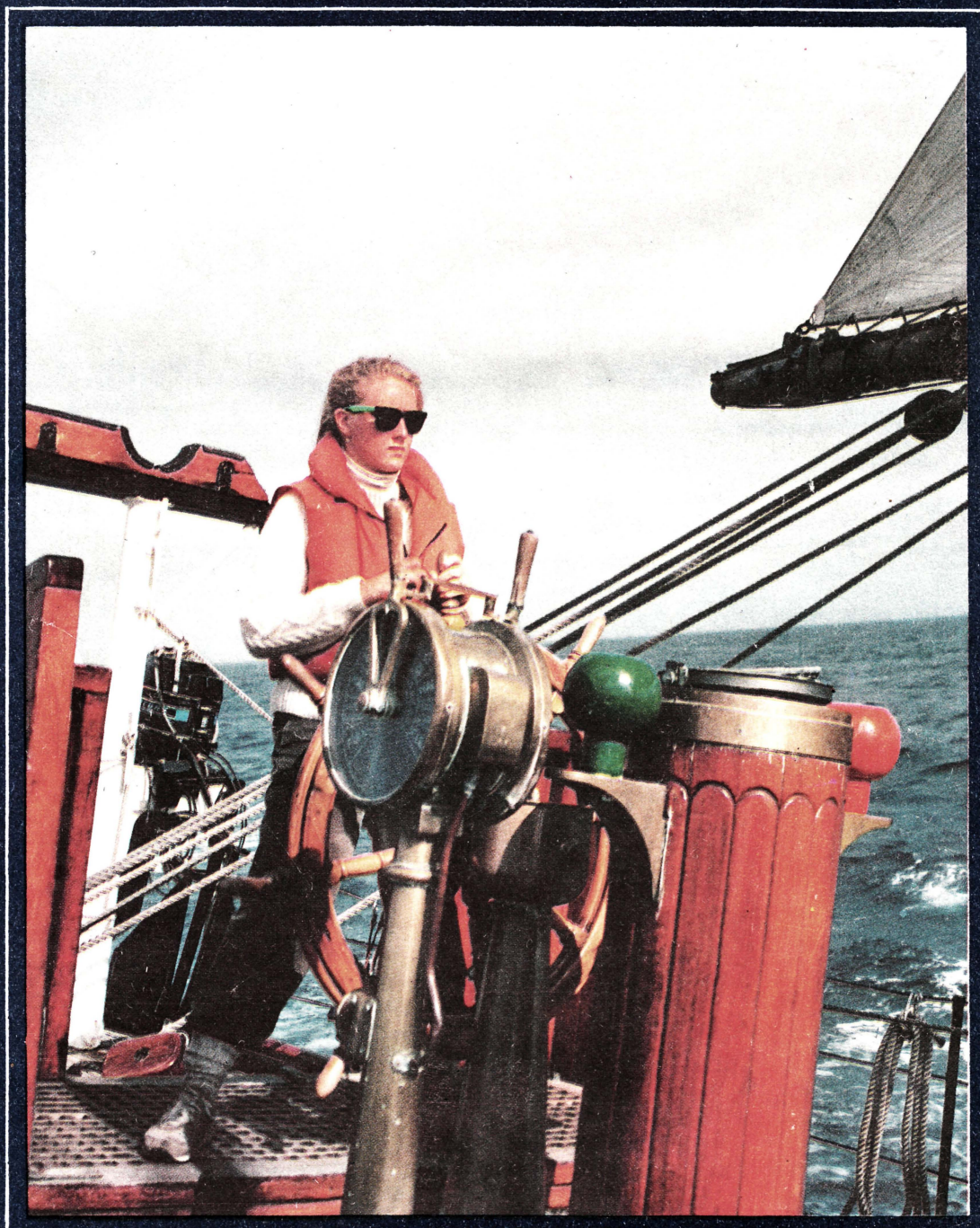
ПРИЛЕТЕВШИЕ
С НЕБЕС

ТАБАСАРАНЫ

ИДУЩИЕ ЛЬВЫ
НАСТОРОЖЕ

СМЕРТЬ
ЖДЕТ
В "СЕЛЕКТЕ"

Макетируем журнал

ПОЧТОВЫЙ ДИЛЛИЖАНС

Несколько сотен писем получила редакция в ответ на предложение к нашим читателям принять участие в макетировании журнала («ВС» № 6/89). И хотя подходы к решению этой задачи были весьма различны, оказалось, что всех откликнувшихся объединяет любовь к журналу. И за это нам хочется поблагодарить вас, дорогие друзья.

По предложениям читателей можно судить, насколько озабочены они состоянием природы, видно, как интересны для них различные факты и события из жизни народов нашей страны и других государств, как заманчиво заглянуть в историю нашей планеты. Жажда острых приключений, любовь к фантастике и неуемный интерес к труднообъяснимым наукой явлениям природы точно прослеживаются в ваших письмах.

Вот только несколько примеров предлагаемых рубрик: «Все народы Севера» (В. Ткачев, г. Елец), «Экологический дневник» (А. Горобец, Москва), «Загадочные случаи и гипотезы» (С. Колупаев, Омская обл., деревня Крапивка). Читатели просят писать о жизни знаменитых искателей приключений, авантюристов, о кладах и кладоискателях (И. Матвеевская, Московская обл., с. Петровское), о НЛО, реликтовых гоминоидах, Тунгусском метеорите (О. Коробкова, Москва), истории народов, населяющих нашу страну (О. Шаталова, г. Липецк) и о многом, многом другом.

Но как же быть с журнальной площадью? Чем поступиться? Многие из вас не нашли другого выхода, как предложить увеличить объем и даже формат. Признаемся откровенно, мы сами этого страстно желаем, но, к сожалению, на сегодняшний день это нереально. Издательско-полиграфическое объединение «Молодая гвардия» не располагает необходимым количеством бумаги и подходящим полиграфическим оборудованием. Этим же объясняется малый тираж и объем нашего приложения «Искатель». Самыми компромиссными можно признать предложения Ф. Комиссаренко (Черниговская обл., г. Семеновка) и И. Матвеевской (Московская обл., с. Петровское): «строже отбирать материал», «экономно использовать площадь журнала», что мы делали и будем делать впредь, разумеется, с учетом высказанных мнений.

Что касается командировок наших корреспондентов, то здесь новых и, может, даже в чем-то неожиданных адресов оказалось мало. Заслуживают упоминания, пожалуй, две рекомендации: постоянно действующая кругосветная экспедиция журнала (А. Крапивин, Краснодарский край, пос. Ахтарский), командировки на места недавних бедствий и катастроф (С. Вигантас, г. Шяуляй). Первая представляется пока фантастичной, но она нам понравилась, и мы приложим все силы, чтобы воплотить эту мечту в действительность. Вот только когда? Второе предложение более реально. Будем стремиться его выполнить.

На наш вопрос о том, с кем из авторов вы хотели бы встретиться на страницах «ВС», чаще всего упоминали Р. Брэдбери, А. Азимова, Р. Серлинга, Алана Милна и других писателей. Из путешественников — Т. Хейердала, Б. Гржимека.

Часть наших читателей внесла предложения, которые выходят за рамки конкурса, но тем не менее с некоторыми из них мы хотели бы вас познакомить: «ввести оценку читателями некоторых публикаций» (В. Семенов, г. Ленинград), «раз в полгода выпускать сборники на основе материалов «ВС» (Г. Дергачев, Москва), «сделать журнал исключительно литературно-художественным» (Е. Ненашев, г. Минск). Тут действительно есть над чем подумать.

По мнению редакции, самые обстоятельные письма и интересные предложения прислали:

И. Матвеевская (Московская обл., с. Петровское); А. Моев (г. Челябинск); С. Середа (г. Ростов-на-Дону); О. Коробкова (Москва).

Эти читатели награждаются дипломами и памятными призами. Поздравляем!

В № 7/89 напечатана статья кандидата географических наук В. Троцкого «Можно ли найти «Якуцк»?».

Мы, члены клуба подводного поиска «Акванавт», серьезно занимаемся изучением истории русского флота. Деятельность клуба направлена на сбор материалов о затонувших кораблях и подводный поиск этих кораблей. Вот уже три года подряд мы исследуем знаменитый фрегат «Паллада». Наш клуб был инициатором и организатором Всесоюзной экспедиции «Паллада», и в прошлом году в ней работало около 200 энтузиастов-подводников со всей страны.

Насчет «Якуцка» у нас намерения серьезные. Мы — сибиряки, и нам не безразлична история нашего края. А потому хотели более подробно узнать о судьбе дубель-шлюпки «Якуцк» и ее экипажа, а также уточнить — в каком архиве можно получить копии шканечных журналов и копии чертежей дубель-шлюпки «Якуцк».

Члены клуба подводного поиска
г. Канск,
г. Красноярск

ОТ РЕДАКЦИИ: Советуем начинать поиски с Центрального государственного архива Военно-Морского Флота в Ленинграде, где хранятся копии чертежей и шканечных журналов дубель-шлюпки «Якуцк». Желаем успехов.

Опубликованная в вашем журнале статья Т. Роцулкиной «Треугольники дьявола» заставила меня долго думать над этой природной загадкой. И вот пришла к выводу: а не являются ли такие места на нашей планете как бы «заправочными» станциями? А заправляет их своей энергией Солнце, и если в это время там оказываются корабли или самолет, то мгновенно испаряется. «Заправка» происходит каждые сутки и определенным количеством энергии, которая была «потеряна» в течение дня. Поскольку Земля вращается вокруг Солнца, то естественно, что одна станция постоянно работать не может, поэтому таких несколько.

Е. САМСОНКИНА,
Московская обл.

Читая статьи в вашем журнале об экспедициях по поиску «снежного человека», вспомнил где-то прочитанное, что если человеку понизить температуру тела до 33 градусов, то он может прожить до ста лет. Не в этом ли объяснение того феномена, что гоминоиды существуют до сих пор и их так мало?

Е. КАБАЛОВ,
Волгоградская область

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
НАУЧНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

ЖУРНАЛ ОСНОВАН
1861

ПУТЕШЕСТВИЯ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ФАНТАСТИКА

Фанские горы... Безмолвная нагменность белоснежных вершин, ледопады, ущелья-пропасти, быстрые реки, застывшие с прозрачной водой озера, заросли арчовых лесов на отвесных склонах...

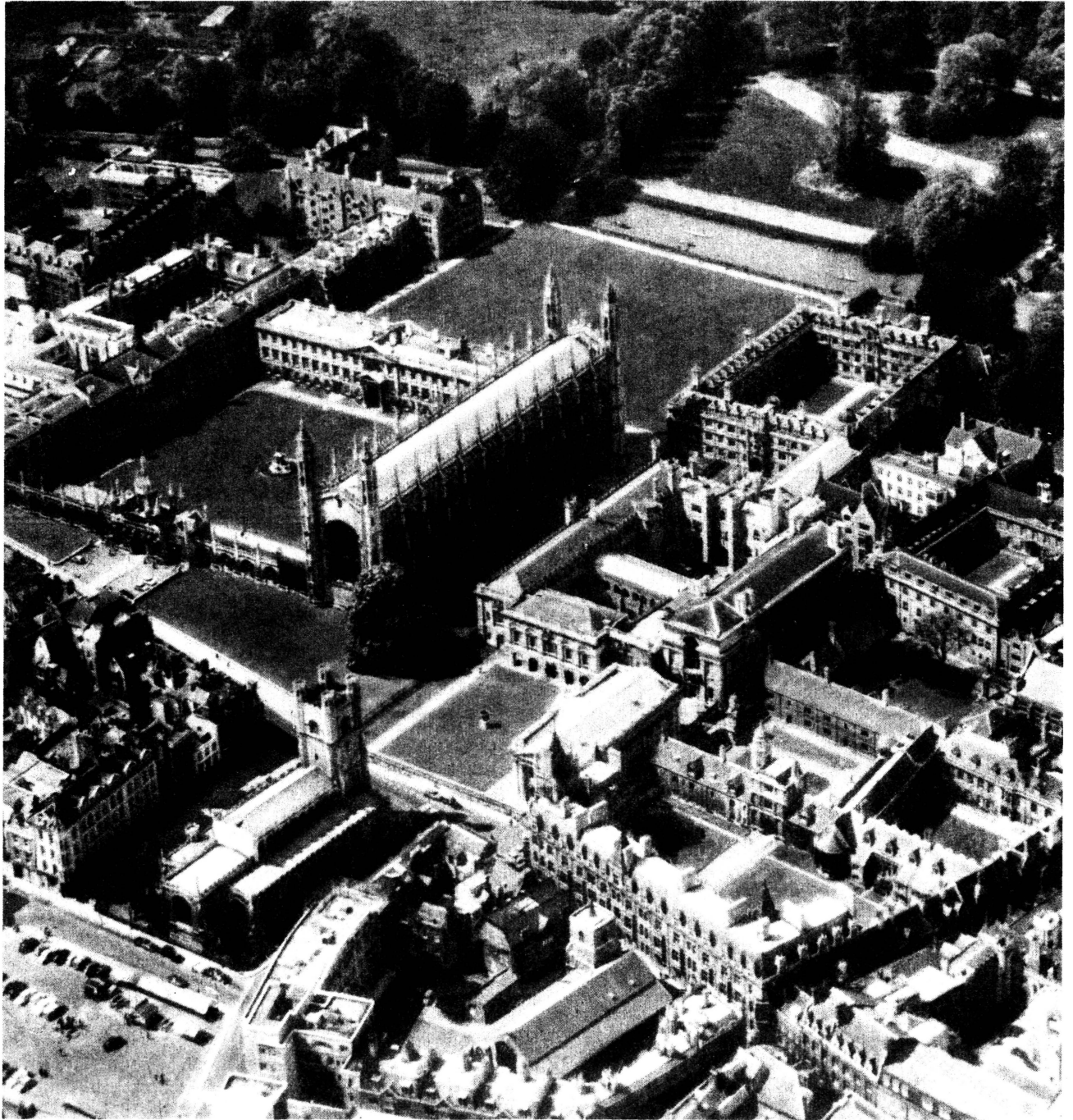
Сюда, поднявшись из Самарканда на вертолете, осенью прошлого года прибыли профессиональные гиды — представители туристских фирм Франции, Польши, США. Советская хозрасчетная фирма приключенческого туризма «СПАРТ» пригласила их познакомиться с новым маршрутом. Памятники Самарканда и Бухары, затем труднейшее восхождение на пятитысячник Энергия, форсирование горных перевалов, а в конце — сплав на плотах по бурному Зеравшану с заходом в старинный таджикский кишлак Урмитан.

«СПАРТ» — один из участников проведенного в январе нынешнего года съезда Ассоциации путешественников (см. стр. 49.)

*Владимир ПУЧКИН,
заместитель директора
фирмы «СПАРТ»*

Алексей ВАСИЛЬЕВ,
доктор исторических наук

МЕСЯЦ В АНГЛИИ, или Ненаучные открытия, сделанные в одной научной командировке

«У нас носятся с иностранцами как с писаной торбой. Их встречают, сопровождают, кормят, возят, устраивают. Для них предназначены лучшие гостиницы и рестораны, куда зачастую не пускают собственных граждан. А если нас пускают, то выкидывают при появлении на горизонте заморских пташек с любым оперением». Примерно такую тираду я в сердцах произнес, обращаясь к подмосковным березам, и понапрасну сотрясал воздух в Шереметьеве, куда прилетел после месячного пребывания в Англии. Час я ждал свой чемодан, полчаса безуспешно искал тележку для багажа, затем стоял в очереди на такси, а мимо наши гиды, кудахтая, провели к автобусу группу молодых и кудлатых английских ученых.

Месяц назад, пройдя таможенную английскую аэропорта Хитроу, я увидел мужчину с плакатом «Мистер Васильев» и подошел к нему. Он оказался таксистом, нанятым Британской академией, чтобы встретить меня и доставить в гостиницу. Он взял чемодан, поместил его на одну из тележек, стоявших рядом, и проводил меня в подземный гараж. Минут через сорок вместе с багажом, поднеси который он не считал ниже своего достоинства, он сдал меня на руки администратору маленькой гостиницы «Адельфи».

С ключом мне вручили пакет. В нем оказались 20 фунтов (расписки не потребовали), карта Лондона, более подробная, чем та, которую за рупь продают приезжим у московских вокзалов предприимчивые «кооператоры»; схемы метро и автобусных линий, расположения архивов, библиотек, востоковедных центров, где мне предстояло побывать; отчет о деятельности Британской академии; письмо с приглашением прийти для уточнения программы к госпоже Джейн Лиддон завтра в десять тридцать. Администратор, он же бухгалтер и ключник, немедленно заложил стоимость выпитой мною чашки чая в память компьютера.

Встал я рано, изучил карту — и благо не было дождя — решил пройти пешком, хотя путь предстоял неблизкий. Миновал Кромвельроуд, полную автомашин и красных двухэтажных автобусов, Гайд-парк с дикими утками в пруду и всадниками (наверное, миллионерами). Уголок ораторов, где можно залезть на табуретку и болтать (без микрофона) о мировой или гомосексуальной революции. Ломящиеся от товаров магазины Оксфорд-стрит («Все, чем до прихоти обильный, торгует Лондон щепетильный...»). Затем — Музей восковых фигур мадам Тюссо и сразу за ним Британская академия — скром-

ная трехэтажная пристройка к какому-то большому зданию.

Британская академия — эквивалент нашего Отделения общественных наук, отпочковавшаяся в начале века от Королевского научного общества, объединившего естественные науки.

«Леди и джентльмены! В отличие от вас, сосредоточенных вокруг университетов, мы, востоковеды и африканисты, находимся в рамках большой Академии наук СССР. Мы живем вместе с физиками, геологами, кибернетиками. Бывший президент нашей Академии Александров якобы говорил, что существуют естественные науки и науки... противоестественные. Так вот я (как, видимо, и вы) — представитель противоестественных, то есть гуманитарных, наук...» Мне одобрительно улыбаются. Кажется, шутку оценили, «атмосфера» создана, можно переходить к серьезному разговору. Идет ленч, по нашему обед. Насмотревшись на английские ораторские приемы по телевидению, проведя два десятка встреч и бесед, начинаешь улавливать, как нужно разговаривать с англичанами, чтобы вызвать их расположение и установить необходимые контакты.

Но это будет через три недели, а пока что я вхожу в кабинет помощника секретаря Британской академии Джейн Лиддон, изыщной молодой англичанки. За полчаса мы наметили программу моего пребывания — две недели работы в Государственном архиве по теме «Суэцкий кризис 1956 года», визиты в центры африканских и ближневосточных исследований Лондона, Оксфорда, Кембриджа, Дарема, Эдинбурга, Лидса, Йорка. Джейн выдала мне деньги на прожитые за вычетом вложенных в конверт накануне 20 фунтов. Ей же я принесу счета за ксерокопии из архива, и она примет их, округлив, к моему удивлению, до фунтов все суммы.

— Ведь считать пенсы, — заметит Джейн, — обойдется дороже по времени.

В комнате у госпожи Лиддон стоит телетайп, и поддерживать связь со мной она будет телеграммами, передавая их напрямик в гостиницу, как, впрочем, и в Москву, Нью-Дели, Токио, Хьюстон. И еще у нее установлен персональный компьютер, куда она закладывает сведения о гостях, даты, время отправления поездов, визиты, программы. Так что когда уборщик смахнет с ее стола программу моей поездки в Эдинбург и Лидс (и в Англии теряют бумажки), Джейн мгновенно найдет ее в компьютере, нажмет кнопку печатающего устройства, получит абсолютно идентичную копию и успеет передать ее в гостиницу вместе с железнодорожными билетами, расписаниями, адресами гостиниц и университетов, ксерокопиями карт городов, в которых мне предстоит побывать. «Ксерокс» установлен в соседней комнате. Получив эти

бумаги, я буду предоставлен сам себе, и никто надо мною кудахтать не будет. Впрочем, и некому. Весь обслуживающий аппарат Британской академии с ее 350 постоянными членами состоит из 18 человек.

У первой же станции метро я купил за сорок фунтов месячный проездной билет на метро и автобусы для трех зон...

Спускаешься в метро, потертое, изношенное, запутанное, но достаточно удобное, и как будто попадаешь в другой мир. Здесь, внизу, более небрежная одежда, чем наверху, — нередко просто грязное платье, больше людей с темным цветом кожи.

Метро у нас чище и быстрее. Конечно, нужна сеть погуще и стыковка с пригородными электричками удобнее. Но то, что есть, лучше английского. Впрочем, не забудем, что первая в Лондоне и в мире линия подземки была открыта в 1863 году, когда Россия только отменила крепостное право, и служит уже 125 лет.

На метро две недели я ездил в Государственный архив — серое, похожее на огромный дот, но удобное здание на берегу Темзы.

КОМПЬЮТЕР И АРХИВНАЯ ПАПКА

В Англии существует правило раскрывать архивы по прошествии тридцати лет. Некоторые, наиболее важные для безопасности страны документы, а может быть, наиболее дискредитирующие правительство, остаются закрытыми для публики еще на двадцать лет, а данные разведки — на все сто. Ни одна страна Запада не решилась пойти на столь радикальный шаг.

Меня интересовали недавно открытые для публики секретные документы, касающиеся Суэцкого кризиса 1956 года, — национализация Насером компании Суэцкого канала, англо-франко-израильская интервенция в Египте и ее неудача. Нужно ли передавать чувства историка, когда в руках у тебя оказываются подлинные протоколы заседаний так называемого египетского комитета при британском премьер-министре Идене, созданного для руководства политикой в связи с готовящимся вторжением, планы британского генштаба, отчеты о ходе военных операций, донесения дипломатов, документы канцелярии премьер-министра, его переписка с Эйзенхауэром и Булганиным. Высокомерие английского аристократа и его жалкое заискивание перед американским президентом, которого он бессовестно надул, ненависть к России и страх перед ней, трагедия и фарс последнего акта британской имперской политики...

Чтобы получить доступ в архив, я предъявил паспорт и получил пропуск без фотографии. Списав необходимые шифры источников, направился в общий читальный зал. Он был разделен стеклянной стенкой на ма-

Кембридж. Научный и учебный центр Великобритании, существующий с 1209 года. Англичане предпочитают менять не форму, а содержание, не вывеску, а суть, приспосабливают старое к новому.

люю и большую части. В малой работе те, кто пользовался диктофоном и вполголоса надиктовывал свои записи.

Уже лет двадцать таким способом я вел дневники в поездках или выписки из обработанных мною на иностранных языках книг, а после передавал кассеты машинистке. Дело утомительное, но производительность повышается в четыре-пять раз. Я считал такой метод работы собственным открытием. Очутившись в окружении вооруженных диктофонами иностранных коллег, я обнаружил, что когда-то изобрел велосипед.

Вместе с номером места мне дали радиоустройство размером с портсигар, назначение которого я понял позднее. Чтобы сделать заказ, я пошел к терминалу компьютера. На экране мерцала надпись: «Пожалуйста, наберите номер своего читательского билета». Я набрал номер и увидел надпись: «Нажмите на зеленую клавишу». После этого загорелось: «Наберите номер своего места, проверьте его правильность и нажмите на зеленую клавишу». Выполнив эти несложные операции, по совету компьютера я набрал индекс группы источников и номер папки и прочитал: «Благодарю Вас, заказ принят», и советы, что делать дальше. Как-то раз я решил похулиганить и начал набирать абракадабру. После нескольких попыток поправить меня компьютер выдал текст: «Извините, я не хочу больше с Вами работать» — и отключился.

Мое требование исполнялось в пределах получаса, и поэтому я мог спуститься на первый этаж, чтобы выпить чашку кофе. На двадцатипенсовом автомате горели надписи: «Черный кофе с сахаром», «Черный кофе без сахара», «Кофе с молоком и сахаром», «Кофе с молоком без сахара», чай в тех же вариантах, какао. Прихлебывая кофе, можно было расслабиться или почитать газету. Но вот «портсигар» в нагрудном кармане начал сигнализировать — меня предупреждали, что заказанные материалы получены. И еще: несколько раз я слышал по радио объявление: «Владелец автомашины номер такой-то, вы забыли выключить фары, можете посадить аккумулятор». И наконец, последнее. По традиции, здесь разрешено вести записи только простым карандашом, а не авторучкой. В гостинице я запасся старым лезвием, чтобы чинить карандаши, но при входе в зал обнаружил точильные машинки над большими урнами, куда падал мусор.

Через несколько дней я познакомился с заместителем директора архива, который любезно выделил сотрудника, чтобы показать мне внутренности хранилища. На полках протяженностью более ста километров хранятся примерно 50 миллионов папок с документами, самый старый из которых — XI века. Заказ компьютером с указанием ряда и номера полки передается на печатающее устрой-

во, похожее на телетайп. Служащий, сняв листок с заказом, на электрической тележке объезжает полки и грузит папки на конвейер, идущий в читальный зал.

Чтобы сделать ксерокопию нужных документов, я брал закладки, которые лежали на каждом столе, и сдавал папку с ними в соседнюю комнату. Там я платил по 26 пенсов за лист и в зависимости от объема заказа получал его через несколько часов или дней.

Я спрашивал себя, а интересны ли для широкого читателя заметки востоковеда о работе в английских архивах, и решил, что взрыв общественного интереса к нашей собственной истории и вообще к истории оправдывает их публикацию. Важны не только сами исторические сведения, но и то, как они добываются. Наши архивы по многим важным вопросам остаются закрытыми и для широкой публики, и для исследователей. Не говоря уже об архиве Министерства иностранных дел СССР — тайны за семью печатями.

ПИТОМНИКИ ИНТЕЛЛЕКТА

...Небольшой город Дарем в центре Англии с университетом, известным, в частности, современными ближневосточными исследованиями. Пожилой арабист Рой Газзард, в котором угадывалась выправка бывшего офицера, вызвался быть моим гидом по городу.

Собор, окутанный ключьями тумана, величествен и великолепен. Старейшее и прекраснейшее сооружение нормандской эпохи, с мощными колоннами, уходящими в темноту сводов, оживляла репетиция хора. В пристройке здания я не удержался и воскликнул: «Аламбра!» Англичанин оживился и стал рассказывать, что зодчего этой части собора действительно вдохновили образцы великолепной «мавританской архитектуры» Аламбры из арабской Испании. Линии замка даремского епископа напомнили мне крепости крестоносцев в Северной Сирии, а в колоннах его подземной часовни я узнал коптские мотивы. Хотя я искренне уверял моего спутника, что в архитектуре я совершеннейший дилетант, не искусствовед, а всего лишь любопытный турист, он, видимо, увидел во мне собеседника, достойного внимания. Лед холодной вежливости был сломан. Мы стали говорить о крестовых походах и Ричарде Львиное Сердце. Рой Газзард провел меня по замку, который в прошлом веке подарил университету даремский епископ. Кельи монахов превратились в общежитие, трапезная — в столовую, несколько комнат сохранили для епископа.

Рой Газзард был живым носителем и других, новейших связей Британии с Ближним Востоком. Он служил в Палестине и Адене.

— Там, в Палестине, я стал учить

Лондонский центр.

арабский, там я влюбился в арабский мир, в его культуру. После выхода в отставку не хотелось находиться среди арабов в военной форме — со своей семьей, с палатками и припасами путешествовал по Йемену, был в других арабских странах.

...В Эдинбурге, холодном, северном, неповторимом по архитектуре и горному ландшафту, также есть довольно сильные центры африканистских и ближневосточных исследований. Бывший президент Танзании Ньерере и нынешний президент Ма-

лави Банда учились в Эдинбургском университете. Сейчас сюда приезжают правове­ды из Ботсваны. Эта страна переняла систему шотландского, а не английского права, которая в средние века создавалась под воздействием голландцев. Не желая ехать в Голландию из-за незнания нидерландского языка, а в Южную Африку — по политическим соображениям, молодые юристы из Ботсваны направляются на учебу в Эдинбург.

А вот здание конюшни, переоборудованное, снабженное современными удобствами, превратилось в Центр южноафриканских исследова-

ний Йоркского университета. Того самого не особо знаменитого города Йорка (правда, собор его бесподобен!), в честь которого был назван отбитый англичанами у голландцев в Америке Новый Амстердам, переименованный в Новый Йорк — Нью-Йорк.

Встреча в Кембридже, в Центре африканских исследований, расположенном, к слову сказать, в том самом здании, где в Кавендишской лаборатории был впервые расцеплен атом, где работал великий Резерфорд и начинал свой блистательный путь наш Капица. Физики переехали в более

обширные лаборатории, а помещение передали гуманитариям, в том числе африканистам.

Меня познакомили с аспиранткой, пишущей диссертацию о северо-арабском племенном обществе. Она польстила моему самолюбию, начав разговор с моих книг, прочитанных ею по-арабски. Девушка была из аристократического семейства Рашидидов из племени шаммаров, которые оказались разгромлены после первой мировой войны, основателем современной Саудовской Аравии Ибн Саудом. Она была в джинсах и куртке, но, глядя на ее тонкие черты, я вспомнил описание битвы рашидидов с Ибн Саудом, в которой участвовали самые прекрасные девушки шаммарки и среди них, наверное, ее прабабушка. С распущенными волосами, как древнеарабские жрицы-прорицательницы, они восседали на верблюдах и криками вдохновляли на бой юношей.

Колледж Святого Антония — один из самых молодых в Оксфорде, основанный лет сорок назад на пожертвования Антуана Бесса — французского судовладельца из Адена. Услышав это имя, я который раз подумал, как тесен мир. Я когда-то был гостем генерального секретаря Социалистической партии Йемена Абдель Фаттах Исмаила, погибшего во время трагических событий в январе 1986 года. Его резиденция была расположена в бывшей вилле Бесса, построенной на живописной скале над Аденским заливом. Сейчас колледж специализируется по региональным исследованиям, и в нем учатся аспиранты не только из Англии, но и из полустотни других стран, в том числе йеменцы. Я провел здесь два семинара — по арабистике и африканистике, и меня вывернули наизнанку, заставив высказаться о проблеме формационного развития Востока, азиатском способе производства, соотношении между революцией и исламом, будущем социалистической ориентации. Под конец от усталости заплетался язык, и я забывал знакомые слова.

Ох уж эти английские колледжи! Сразу не разберешься, как они функционируют. Впрочем, и мои собеседники избегали вдаваться в детали: статус, определяющий жизнь каждого колледжа, — это толстый том документов.

Схематично дело выглядит так: в трех английских университетских центрах — Оксфорде, Кембридже и Дареме — есть факультеты, где студенты только учатся, и есть колледжи, где они, кроме того, живут и питаются. Абитуриента зачисляют сразу и на факультет и в колледж. Если факультеты специализированные, то в колледжах могут (но не всегда) находиться одновременно и физики, и египтологи. Считается, что междисциплинарное общение молодежи расширяет кругозор и приучает неординарно мыслить.

Большая часть преподавания ведется на факультетах, меньшая часть, особенно индивидуальное руководство студентами и аспирантами, — в колледжах. Преподаватели получают часть зарплаты через факультеты, часть — через колледжи. Каждые два года преподаватель имеет право на трехмесячный творческий отпуск, не считая отдыха.

Есть колледжи богатые (старые) и бедные (новые). Некоторые, существующие со средневековья, владеют собственностью, пожалованной королями или просто состоятельными людьми, иногда на несколько сот миллионов фунтов. Бюджет колледжей складывается из доходов с собственности, дотаций государства, пожертвований частных лиц и компаний, платы студентов и аспирантов. Старые колледжи порой расположены во дворцах — с бесценными скульптурами, картинами, средневековым оружием, мебелью. Студенты и преподаватели могут завтракать и обедать в трапезных, которым и по 300 и по 600 лет, а мясо на вполне современных кухнях могут разделять на дубовых столах, сохранившихся со времен нормандского завоевания. На зарплату преподавателей богатство колледжа не влияет — разве что за обедом подают не обыч-

ное столовое французское вино «Божоле», а кое-что из погребов, где хранятся напитки тридцатилетней выдержки.

Но если государство или компания уменьшает дотации или пожертвования на какой-то вид исследований или учебы, то бедные колледжи садятся на мель и вынуждены сокращать студентов и преподавателей, а богатые сами решают, куда тратить деньги — на изучение экономики или на экспедицию в Африку.

По расходам на высшее образование Англия отнюдь не среди лидеров. Сохраняя высокий интеллектуальный уровень для избранных, она проигрывает в интеллектуализации всего общества. Стремление сохранить разрыв между аристократией и «простонародьем» сидит в правящем классе. Правительство тори выборочно сокращает расходы на университеты, хотя по числу студентов на тысячу жителей Англия отстает от ФРГ, Голландии, Франции, не говоря о США и Японии. Научную, политическую, деловую элиту черпают среди выпускников, которые провели несколько лет в древних стенах городов, где удобнее ездить на велосипеде, чем на автомашине, где в парках бродят олени, где сам воздух пропитан не только сыростью и запахом

предых листьев, но многовековой культурной, научной, интеллектуальной традицией, которая не прерывалась, не уничтожалась, не истреблялась, не оплевывалась.

В Оксфорде, например, вам расскажут, что университет был основан в XII веке; что, когда король Карл I, ненадолго поселившийся здесь, а затем казненный его Кромвель, пытался получить из библиотеки Бодлена (сейчас — пять миллионов томов) домой книги, в просьбе отказали и тому и другому, так как это противоречило правилам.

Англичане предпочитают менять не форму, а содержание, не вывеску, а суть, приспособлять старое к новому, а не разрушать его безоглядно. Поэтому, не выезжая из поросших мхом стен, алхимики превратились в ядерных физиков, схоласты — в еретиков, а после — в аристократов-диссидентов, которые в роскоши колледжей готовятся «ниспровергнуть» устои современного британского истеблишмента, а на деле оттачивают идеи для его совершенствования.

О ДВЕРНОЙ РУЧКЕ И БЕРЕМЕННОЙ ГЕРЦОГИНЕ

И в малом и в большом англичане пытаются найти традициям современное применение. Всегда ли это удается?

В удобном поезде, который мчится по Англии со скоростью около 200 километров в час (впрочем, нередко и опаздывает), прибываю на нужную станцию и мечусь перед выходом, не умея открыть дверь — изнутри нет ручки. Через минуту поезд трогается, и я должен буду возвращаться назад со следующей станции. Оказывается, нужно было опустить стекло, просунуть руку и открыть дверь снаружи. Когда злость проходит, понимаю, что в этом есть свой резон — на большой скорости кто-нибудь случайно может нажать на ручку и вывалиться из вагона. Но почему в поезде, где внутренние двери распаивают фотоэлементы, чтобы пассажиру с багажом в руках удобнее было проходить, почему двери наружу не может открыть машинист?

«Почему в последних известиях у вас одна из новостей — повышение надоев молока, но в магазинах молока не хватает?» — дразнили меня англичане. «А ваша «ньюс» — герцогиня Йоркская забеременела, а рождаемость в стране падает», — отбивался я. Мои собеседники вежливо улыбались — что, мол, взять с иностранца, не понимает он, что королевская семья — наше национальное достояние. Поэтому важная новость — не только парады гвардейцев в медвежьих шапках, протокольные визиты, разрезание ленточек на

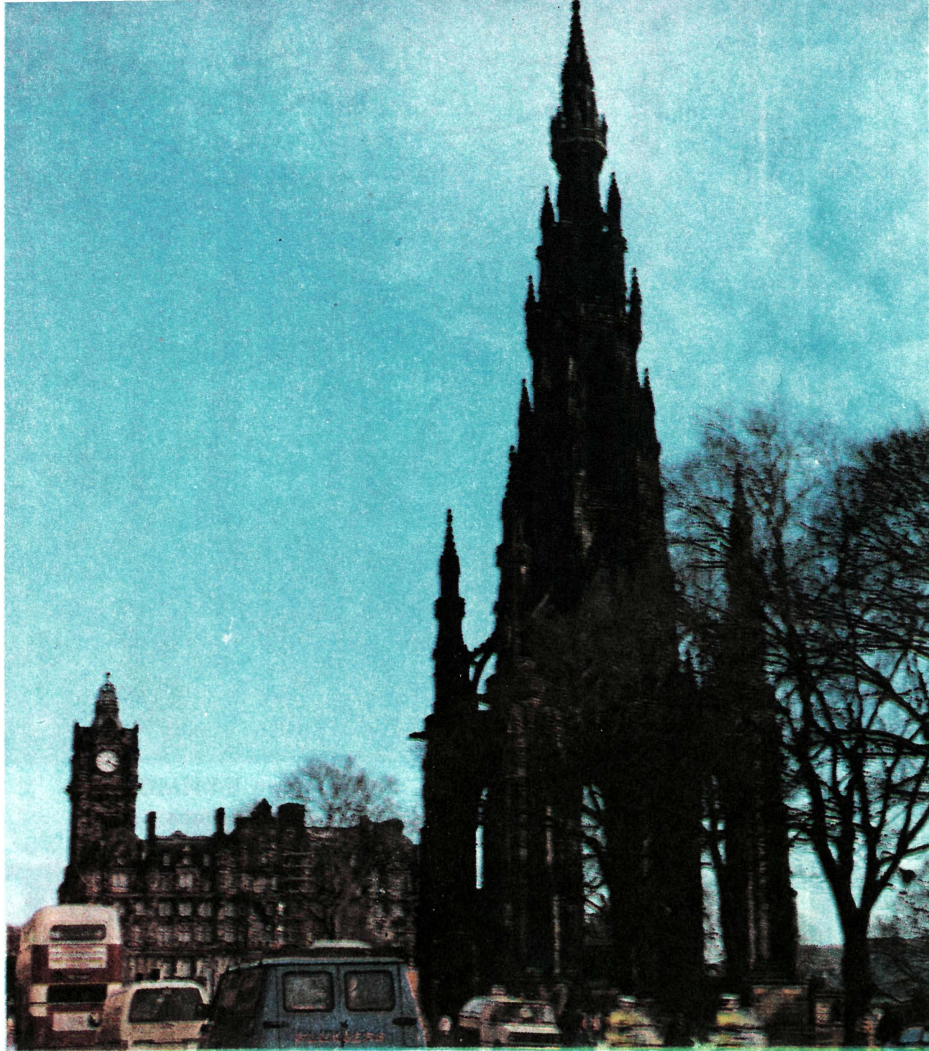
**Мемориал Вальтера Скотта
в Эдинбурге.
Фото автора.**

выставках, но и беременность снохи королевы. И льются сообщения о том, как себя чувствует герцогиня — молодая и очень привлекательная женщина, интервью с мужем, интервью с отцом, с врачом, комментарии по радио, телевидению, в газетах. Герцогиня Йоркская все же поехала кататься на горных лыжах на швейцарский курорт, позирует с известными горнолыжниками, скользит по склону в сопровождении телохранителей. И вдруг упала. «Ах, бедняжка!», и вся Англия воскликнула «Ах!». Интервью со специалистами, комментарии, фотографии... И все всерьез. Монархия — символ и центр английского истеблишмента. За ее сохранение — 90 процентов англичан.

Мои дети, как и английские, читали сказки про принцев и принцесс. Им было интересно. Они выросли и забыли про них. Английские дети выросли, но им изо дня в день показывают всамделишных принцев и принцесс, рассказывают об их прическах, причудах, платьях, вертолетах, автомашинах, занятиях, развлечениях, ссорах, любви... Обывателю до смерти интересно. Пусть он получает ту духовную пищу, которой достоин, и поменьше думает о политике, ядерном оружии, о безработице. Так что не смейте шутить по поводу беременности герцогини Йоркской.

Делом серьезным бывает и смех. «День юмора» в пользу голодающих африканцев. Остряки изощряются по телевидению, радио, с эстрады, в газетах. Многие англичане носят красные клоунские носы. Предложили красный нос премьер-министру Маргарет Тэтчер, но она отказалась. Собрали миллионы фунтов на покупку продовольствия. «День юмора» оказался эффективен. Во-первых, действительно помогли голодающим. Во-вторых, приобрели дополнительный политический капитал в Африке. В-третьих, дали многим возможность выразить свои искренние гуманные чувства. Наконец, показали обывателю: ты видишь, как люди страдают и голодают? Возблагодари бога, что ты родился англичанином.

Англия в Советском Союзе, как и в старой России, почему-то менее популярна, чем Франция. При слове «граница» у нас чаще добавляют «Париж», хотя Лондон ни в чем — ни в величии и своеобразии архитектуры, ни в накале интеллектуальной и культурной жизни, ни в развитии современной промышленности — не уступает Парижу. «Виновата» история: французская культура XVIII — начала XIX века больше выражала западноевропейскую культуру и как таковая оказала больше влияния на формирование российской культуры, литературы, интеллигенции. Величайший русский роман «Война и мир» начинается с монолога по-французски, а не по-английски. В XIX веке

Российская и Британская империи были соперниками в Азии, хотя к первой мировой войне пришли союзниками. Но русские все равно охотнее ехали во Францию и Германию, чем в Англию. Даже русская послереволюционная эмиграция в большинстве осела во Франции, Германии, США, естественно — в славянских странах, но не в Англии.

Опыт показывает, что нам, русским, советским, с американцами иметь дело как будто легче, чем с англичанами. Видимо, существуют с двух сторон какие-то трудноуловимые психологические нюансы. Однако, проведя месяц в Англии, смею утверждать, что англичане в массе — люди с высокоразвитыми человеческим и национальным достоинством, порядочностью, обязательностью, незаурядным интеллектом. А раз так, они могут быть — на основе взаимности, никогда не забывая о собственной выгоде, о своих интересах, в том числе классовых, — надежными партнерами. Чего нам еще надо?

Что же до человеческого тепла, окрашенного эмоциями, то оно возникает в более близком общении. У англичан оно неотделимо от уважения к личности и опасения оказать себя назойливым. Многие — но не

все! — англичане разделяют золотое правило этики: относись к другим так, как ты хочешь, чтобы относились к тебе. Мне уделяли внимание, когда я в нем нуждался, рассказывали о себе, ожидая ответного рассказа, приглашали в гости, опровергая распространенные легенды о «прижимистости», вежливо, «парламентски», но нередко жестко спорили, когда речь заходила о политике.

Но, как говорится, в гостях хорошо, а дома лучше. Месяц в Англии подходил к концу. Наваливалось одиночество, особенно по вечерам, когда общаешься только с телевизионным ящиком, угнетало отсутствие друзей и близких, давила маленькая комната. Пора было домой, туда, где Шереметьево не особенно приветливо встречает собственных граждан, вернувшихся из-за границы, где по телевизору последние известия передают дикторы с выражением лиц и интонацией прокуроров, а не приятных собеседников.

Моя страна — мой дом. Делать его удобнее и красивее в нашем тесном, взаимосвязанном мире можно, только оглядываясь вокруг себя, зная, что делается за забором, у ближнего и дальнего соседа.

Лондон

Михаил ЕФИМОВ

Фото автора

Тропа вокруг Горок

По фуражке с зеленым околышем я сразу узнал старого егеря. Несмотря на моросивший дождь, он поджидал меня на бетонном пятачке перед Музеем Ленина в Горках. Накинутый на плечи длиннополый брезентовый плащ делал его похожим на плакатного пограничника.

Суханов критически оглядел мою обувь и предупредил:

— Идти лесом не меньше двадцати километров...

С Александром Федоровичем мы прежде не встречались. А узнал я о нем от инженера лесопаркхоза «Горки Ленинские» Василия Анисимовича Чеханацких. Мы разговорились с ним на Большой аллее горкинского парка, в двух шагах от известного здания с белокаменным портиком-балконом. Речь шла о парке мемориальной усадьбы, открытом недавно для свободного посещения.

Василий Анисимович напомнил, что усадьба Горки, где жил и умер Ленин, возникла в начале XIX века при генерал-лейтенанте Александре Александровиче Писареве. Владелец Горок отличился в 1812 году, и его портрет занял одно из почетных мест в Военной галерее Зимнего дворца. При Писареве в усадьбе построили главный дом и флигели, разбили обширный парк. Потом в Горках неоднократно менялись владельцы, и пе-

ред революцией усадьба оказалась у вдовы Саввы Морозова, Зинаиды Григорьевны, к тому времени вышедшей замуж за градоначальника Москвы генерала Рейнбота. По ее заказу усадебный дом отреставрировал известный московский архитектор Федор Шехтель, который построил также садовый павильон и частично перепланировал старый парк. Тогда же провели в Горки телефон. Последнее обстоятельство во многом определило судьбу усадьбы. В июне 1918 года коллегия Комиссариата земледелия постановила «предоставить право пользования советским имением «Горки» для отдыха советским работникам и партийным товарищам».

Ленин впервые приехал сюда 25 сентября 1918 года, едва почувствовав себя лучше после тяжелого ранения. Владимир Ильич потом нередко бывал в этом полюбившемся ему уголке Подмосковья в 1918—1922 годах. «Горки стали постоянным пристанищем Ильича и постепенно были «освоены», приспособлены к деловому отдыху», — писала в воспоминаниях Н. К. Крупская. Близость к Москве и телефонная связь с ней позволяли не прерывать повседневного руководства страной. С 15 мая 1923 года больной уже Ленин жил в Горках почти безвыездно...

Дом отдыха Московского комитета партии находился в Горках до 1938 года. В январе 1949-го здесь открылся

музей. Теперь, подчеркнул мой собеседник, это Государственный исторический заповедник, включающий и усадьбу, и обширную территорию вокруг нее. В охранную зону входит несколько деревьев и лесных урочищ, которые неоднократно встречаются в воспоминаниях о последнем периоде жизни Владимира Ильича — Сьяновская опушка, Круглый пруд, Можжевельная поляна, Барсучий овраг, Тетеревиный ток, Горелый пенек...

— С тех пор многое, конечно, изменилось, — рассказывал мне Чеханацких. — Природа живет: растут деревья, зареживаются кустарником поляны, прокладываются новые дороги и тропы. Уйму леса извели, когда академик Лысенко держал в Горках экспериментальную базу сельскохозяйственной академии. Мы стремимся воссоздать ландшафт, который существовал в начале двадцатых годов, вырастить лес в прежних границах, улучшить породы деревьев, заново проложить исчезнувшие тропы.

Возле конторы лесопаркхоза Василий Анисимович остановился и неожиданно предложил:

— Приезжайте-ка сюда с утра. Я попрошу нашего егеря Суханова провести вас по заповеднику. Он в этих местах всю жизнь прожил и знает каждое дерево. Отец его, говорят, хаживал на охоту с Лениным.

... «Упорная теоретическая работа не делала Владимира Ильича сухим

книжным человеком,— отмечала в своих воспоминаниях Мария Ильинична Ульянова.— Ту страсть, которую он вкладывал в работу, он вкладывал в отдых, прогулки и прочее. Он любил жизнь во всех ее проявлениях, любил людей... Прогулки во все периоды жизни были для него лучшим отдыхом».

Особенно целительными были прогулки в Горках, когда Ленин поправлялся после ранения. Он выходил из усадьбы иногда с охотничьим ружьем, а чаще просто с палочкой и преодолевал за день немалые расстояния. Сказав об этом, Суханов указал рукой на огибавшее лес шоссе. С этой дороги, ведущей в соседнюю деревню Мещерино, начинались обычные маршруты Владимира Ильича. Справа за перелеском лежало широкое поле. Слева сплошной стеной стояли облетевшие уже березы, разбавленные кое-где зелеными вкраплениями сосен и сизыми зарослями ивняка.

— Это и есть Сьяновская опушка,— сказал Александр Федорович.— А там, в Мещеринском лесу, была грибная поляна, куда часто ходили обитатели Горок. Вряд ли кто распознает теперь это место. Поляна заросла соснами и почти не просматривается.

Мы свернули с шоссе и некоторое время шли без дороги по жухлой некошеной траве. В чахлах зарослях злаков и пижмы блеснуло озерцо. Вот он, Круглый пруд! Я остановился, вспоминая прочитанное.

«Шоссе, по которому мы ехали,— писал Дмитрий Ильич Ульянов,— это так называемая шоссевка. Здесь дорога на Мещерино. Рядом находится круглый пруд; отсюда мы заходили и удалялись в лес, а потом проходили на полянку, расположенную по дороге в Лукино».

Описание совпадало. Только вот до леса было еще далековато. Я сказал об этом старому егерю, и он тяжело вздохнул:

— Раньше стоял густой лес, я сам его пилил... Делалось это по приказу Лысенко. Тогда он ставил опыты с посадками квадратно-гнездовым способом. В ту пору я только-только устроился рабочим на его экспериментальную базу.

Егерю привелось пообщаться лично с академиком, у которого была привычка объезжать делянки на персональном черном ЗИЛе. Причем он всегда сидел сади, как бы прячась за спиной водителя.

— Подъехал однажды ко мне,— рассказывал по пути Суханов,— и кричит в окно, чтобы валил я пилой столетнюю липу. Когда она с треском плюхнулась о землю, Лысенко подзывает меня и спрашивает, кивая на пеня:

«Пойдет поросль?»

«Пойдет»,— отвечает.

«Одни дураки так думают! — рассердился он.— А я говорю, не пойдет! Здесь вырастет другой вид!»

Про себя я, конечно, посмеялся над экспериментом.

И точно: весной пошла липовая поросль.

Тем временем мы вышли к бетонному мосту, перекинутому через широкую магистраль, по которой пронеслись потоки автомобилей и автобусов. Когда-то здесь находилась Можжевельная поляна, о которой часто вспоминал подолгу живший в Горках Дмитрий Ильич Ульянов. Возвращаясь с охоты, Ленин здесь делал привал, а однажды подстрелил тут тетерева. Суханов помнит, как эту поляну распахивали в конце тридцатых, а в шестидесятых прокладывали автотрассу к аэропорту Домодедово.

И вновь строки из воспоминаний Д. И. Ульянова: «Раньше в Лукине была видна церковь, у нее был громадный белый купол, который виднелся отсюда как бы для ориентировки, чтобы не заблудиться в лесу. Мы всегда находили этот купол Лукина и ориентировались в направлении».

Теперь дорогу на Лукино обступали сосны, и грандиозный пятиглавый собор из красного кирпича удалось увидеть лишь в непосредственной близости. Когда-то в сельце Лукино находился женский монастырь с причудливым тройным названием — Крестовоздвиженский Флоролаврский Иерусалимский. Так назывались престолы здешних церквей, превращенных в тридцатые годы в корпус детского санатория. При этом небольшой усадебный храм Флора и Лавра и трапезная Иерусалимская церковь пострадали незначительно. А возведенный в 1896 году псевдорусский Крестовоздвиженский собор был обезглавлен. И лишь совсем недавно вновь поднялся над лесом восстановленные купола и кресты, и видны они тем, кто прилетает самолетом в Домодедово.

За кирпичной монастырской оградой лежал луг, наполовину накрытый тенью собора. Его пересекала

тропа, спускавшаяся в низину. А дальше, до самого горизонта, простиралась лесистая долина Пахры.

Мы перешли небольшой ручей.

— Здесь начинается Барсучий овраг,— сказал Александр Федорович.

— А барсуки есть?

— Нынче мало. Браконьеров много развелось.

— В заповеднике? — удивился я.— Да еще в Ленинском?

— А думаете, это останавливает?..

Тропа шла по краю оврага, потом свернула в лес. Пришлось довольно долго брести по березняку. Вдруг стволы расступились — будто Тунгусский метеорит насквозь прорезал глухой подмосковный лес. Мы остановились на широкой просеке.

— Что это?

— Коллектор,— ответил егерь.— Здесь идет трасса газопровода. Вырублен почти весь Тетеревиный ток — так называли березовое редколесье, где хорошо шла охота по тетеревиным выводкам. Меня водил сюда отец еще мальчишкой.

Родная деревня Суханова лежала поблизости. Сначала я увидел россыпь разноцветных кубиков на склоне — ульи. За пасекой сгрудились крытые шифером дома.

Ленин побывал в Богданихе несколько раз. Во всех путеводителях можно прочитать о том, что 5 сентября 1920 года крестьяне Богданихи обратились к Владимиру Ильичу с просьбой уменьшить непомерный размер продрозверстки. На следующий день Ленин писал из Горок в Подольский уездный продовольственный комитет. «Мне доставлено непосредственно следующее прошение. Я могу удостоверить тяжелое продовольственное положение деревни Богданово (Богданихи в просторечии). Прошу поэтому немедленно рассмотреть их прошение и по возможности облегчить их положение,

МОЛЧАЛИВЫЕ ТАБАСАРАНЫ

то есть по возможности уменьшить разверстку с них...»

Александр Федорович отворил калитку, и мы поднялись на крыльцо. Суханов толкнул обитую мешковиной дверь, и я увидел обшитые моленной вагонкой стены горницы с иконками в переднем углу. Между окон висели поблекшие фотографии.

Скрипнула кровать. Сидевшая на ней сухонькая старушка со сморщенным, как печеное яблоко, лицом улыбнулась мне, но ничего не сказала.

— Моя мама, — представил Суханов, снимая фуражку. — Ей девяносто два года.

Хозяин включил плитку и поставил на нее чайник. Сел, придвинув к кровати табурет.

— Евдокия Никитична, — официально произнес он. — Вот гость наш о Ленине спрашивает.

— Ну что я помню? — неожиданно звонким голосом отозвалась бабушка. — К нам в избу Ленин не заходил. Он шел сразу к Брикошину, соседу нашему. Григорий Иванович лесником был, так он Ленина на охоту и водил. Бывало, муж мой и деверь брали собак и шли с ними. А я выходила провожать до околицы.

— Вы сразу узнали Ленина?

— Думала, он огромный, — привычно начала Евдокия Никитична, — а он коротенький такой, в кожаном пиджаке, патронташ, сапоги с отворотом до колен, — она показала рукой, как был подпоясан патронташ и какие были отвороты.

— Владимир Ильич что-нибудь говорил?

— Да ничего. Обернулся ко мне и сделал вот так, — старушка подняла руку: — Прощай, мол...

Из тех, кто помнил Ленина лучше, в Богданихе не осталось никого. Отец Александра Федоровича погиб под Моздоком в сорок втором. Братья Федора Сергеевича тоже не вернулись с войны.

— А из Брикошиных жив кто-нибудь? — спросил я, вглядываясь в фотографии на стенах.

— Сам-то Григорий Иванович умер еще до войны... Прекрасный был охотник. Все его пять сыновей стали егерями — Иван, Василий, Николай, Павел и Александр, — ответил Суханов, наливая в кружки кипяток. — Все они ушли на фронт. Знаю, что в живых остались Николай и Павел. Но в Богданиху не вернулись.

Когда мы вышли на улицу, Богданиху красным светом заливало закатное солнце.

Александр Федорович остановился возле опрятной бревенчатой избы. Двор был пуст, в окошках казенные шелковые занавески.

— Из старожиллов в округе остались только я да мать, — произнес он с грустью.

Мы немного постояли перед запертой калиткой, а потом медленно двинулись назад, в Горки.

Нестерпимый зной растекался по долине. Воздух струился, как вода. И был прозрачен, как вода. Вдали виднелись размытые очертания серо-голубых хребтов, они касались такого же раскаленного серо-голубого неба и топили в солнечном свете.

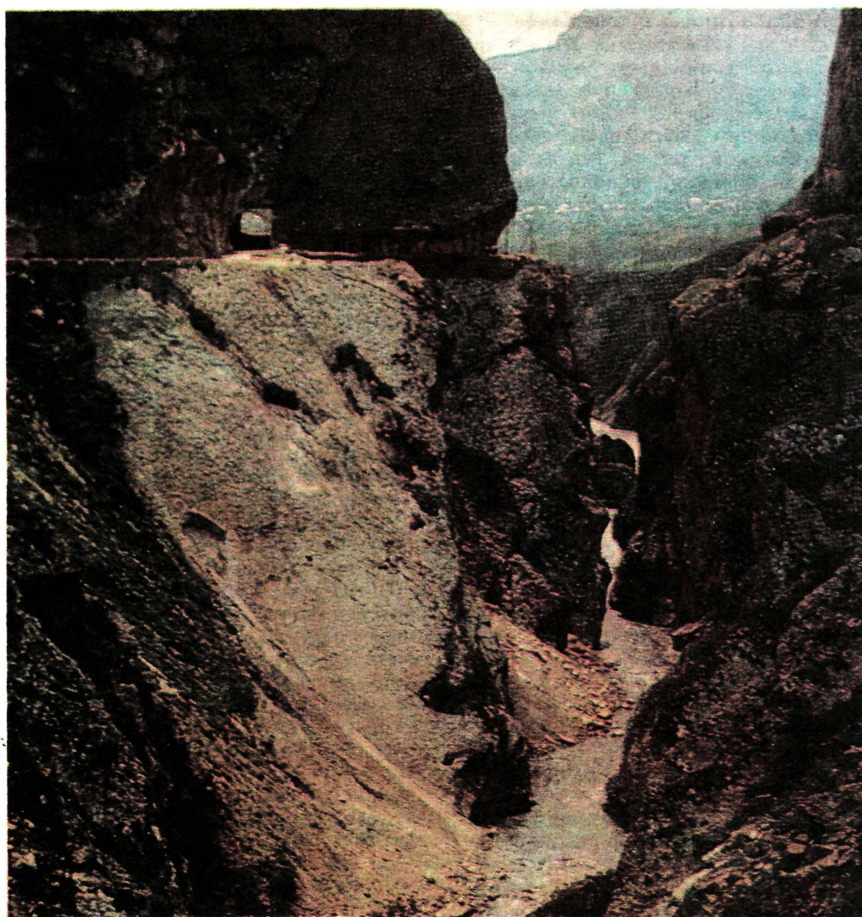
Небо. Горы. Это — Табасаран. Люди и земля. Точнее, полоска земли, уместившаяся в бассейне реки Рубас. «Рубас-чай», — поправил бы меня любой местный житель.

Табасаранов на свете всего десятки тысяч, микроскопические доли процента от населения планеты. Но не численность возмечивает народ, каждый народ велик, каждый уникален.

Еще сто лет назад на территории Российской империи проживало почти двести разных народов, сейчас их немногим более ста.

Единственная дорога когда-то связывала Табасаран с остальным миром. Дорога как дорога, таких в Дагестане было немало: на ней не всюду разъезжались две арбы, — вела она из Дербента и в Дербент. Путь недалекий, сорок километров.

Но то был всегда очень далекий путь, потому что проходил в горах, где километры мало что значат, где дорога измеряется иначе: спусками, подъемами, поворотами, перевалами и снова спусками.

Перед въездом в Хучни, там, где узкое ущелье и где проезжавшая арба всегда прижималась к скале, чтобы не сорваться в реку, на уступе горы с давних времен стоит сторожевая башня. Серая, сумеречная даже в полдень, башня великолепно сохранилась, как память о предках табасаран.

Я подолгу рассматривал башню... Есть легенда, что когда-то в ней жили семь братьев и одна сестра. Однажды подошли враги, но пройти в табасаранские земли они не смогли. Штурм башни следовал за штурмом — как волны откатывались враги. Но... сестра увидела их предводителя и полюбила его. А любовь, как известно, безрассудна. Словом, сестра предала братьев.

Там, внизу, у дороги, и похоронена сестра. И каждый прохожий табасаран плевал или бросал камень на эту могилу. Предательство было высшим грехом в горах, и об этом знал каждый.

Теперь в поселок Хучни — столицу Табасарана — провели современную дорогу. Могилы сестры больше нет. Ее подмяли бульдозеры. Проклинать стало некого. И — предательство уже не грех, за него не убивают.

— Традиции, традиции, что от них осталось? — не раз повторял мой очень гостеприимный, добрый Мугутдин Ильдарханов, у которого я нашел приют.

Мугутдин — крепкий мужчина, почтенного вида и возраста, он родился и вырос здесь, среди гор. Всю жизнь отдал Табасарану. Как и все горцы — невысокий, но коренастый; у него седая голова и (запоминающиеся) черные горящие, почти юношеские глаза. Я всегда терялся, как его называть — на «ты» или на «вы»?

Замкнутый человек. Несколько раз я пытался заговорить с ним о традициях, и каждый раз он уходил от разговора. Лишь позже, гораздо позже, я догадался, в чем дело.

Горцы, как известно, гостеприимство довели до абсолюта. В каждом доме лучшая комната, устланная коврами, — для гостя. Хозяин ребенка так не накормит, как гостя, последнее отдаст. Гость видит это, но должен молчать.

Конечно, гостей сюда хаживало издавна раньше — впрочем, как и ныне, — немного. Очень немного. Из самого же Табасарана лишь несколько человек знали, где в Дербенте базар. Особой нужды не было.

Мужчины в Табасаране ценились не за юмор, не за ремесло и даже не за умение вести хозяйство. Если у мужчины хороший кинжал, то это был хороший мужчина, настоящий мужчина. За особую любовь к холодному оружию табасараны очень почитались на Кавказе! Их приглашали, когда требовалось искусство воина. С ними всегда очень считались, не спорили, ибо аргументы в любом споре у молчаливого табасарана были в высшей мере убедительными. Почему? Пустой вопрос...

Но вот откуда у этих суровых людей такая добрая традиция гостеприимства? По-моему, возможен только один ответ: гость — пришелец из другого мира.

Меня тоже встретили по-доброму. Очень гостеприимно. Магомед Тагирович Юнусов — истинный кавказец и не по обязанности первого секретаря райкома партии говорил о районе, словно о родном человеке. У него я и познакомился с Мугутдином Ильдархановым. Но поначалу наше общение носило официальный характер — ко мне присматривались. Все-таки человек из Москвы. Ну и что, что предки из Дагестана? Московские визитеры Табасаран не жалуют. Да и знают ли вообще в Москве о Табасаране?!

Лишь когда я рассказал о себе, о своей семье, что-то незаметно потеплело в наших отношениях: я почувствовал себя гостем, а они хозяевами.

— Природа у нас замечательная, — не раз говорили мне в Хучни. — Вторая Швейцария.

Признаюсь, трудно сравнить, первую-то я никогда не видел. И никто в Хучни ее не видел, но о Швейцарии говорит каждый, значит, в их представлении все прекрасное соотносится с Табасараном.

...От Дербента трасса идет по сухой степи, через пологие предгорья. Земля унылая, пустая, скучная, высушенная. Не земля — серая глыба. Лишь низкие жесткие колючки, звенящие на ветру. А ветры дуют день и ночь — море рядом.

Потом пошел затяжной подъем, дорога приподнимается и словно сбрасывает пустые окрестности: за перевалом показываются селение, курстарники, деревья с пышной кроной — грецкий орех, пастбища-поляны шли вперемешку с распаханными полосами. Так начинается Табасаран.

Дожди летом редко балуют табасаранские земли. Оросительных каналов нет, да они и не нужны. Поля и виноградники столь малы, что им хватает едва заметного ручейка. Кое-где прямо из горы вытекают, выбиваются наружу родники.

Придорожные родники — архитектурные украшения Табасарана. Нигде они не повторяются, хотя и похожи друг на друга: выложенная камнем стена, труба, выводящая воду, и длинное каменное корыто — водопой для скота. Все просто, как в самой природе.

Каждый родник носит имя мастера, создавшего его на свои деньги. Обычно на подобное благородство людей чаще толкает возраст и желание оставить что-то после себя: «Аллах увидит, а люди вспомнят».

В Табасаране «просто так» строят и мосты, и дороги.

Около селения Улуз я видел мост, возведенный безо всякой техники и казенных средств, «просто так». Люди собрались, соединили свои

руки, и получилась своя стройка. Теперь там узкая арка, под которой глубоко внизу бьет, пенится река. На склонах — тоже внизу — деревья, целый лес. У края моста стоять страшновато: под рукой нет парапета. Лишь бордюрный камень виднеется в пыли, а за ним пространство...

— Тьфу, тьфу, тьфу, машалла! Хорошо, что у нас такие люди, которые работы не боятся, — не раз повторял Мугутдин...

А вот чего нет нигде в мире, так это моста, что я видел неподалеку от селения Кужник, — к нему не прикасалась рука человека! Впрочем, что-то похожее, говорят, есть в Америке. Но не то.

К табасаранскому естественному мосту добраться сложно, и, если бы не учителя из кужникской школы, я бы ни за что не нашел дорогу. Наконец за третьим, кажется, поворотом оказались у обрыва, перед узкой террасой. Все бы ничего, но «дорога» была с двойным уклоном: вниз и вбок. А там глубоко-глубоко вдали виднелась река.

В конце «дороги» — поляна, на ней мы оставили свой «уазик» и дальше пошли пешком. Грабы и буки нависли над тропой, прохлада леса скрашивала наш путь по выбитой каменной земле, сплошь усыпанной прошлогодними буковыми орешками. Кругом грибов видимо-невидимо — опята, моховики. Но кавказцы грибов не признают, «ухо шайтана» зовут они их.

Нам нужно было спуститься в ущелье, перейти реку и подняться на другую гору. В отдалении виднелась изящная арка, висящая над долиной, это и есть Кутакский мост, к сооружению которого человек действительно не имеет никакого отношения.

Тропа как змейка, поворот за поворотом, все ниже и ниже... Около реки сыро, под ногами чавкает, кругом трава в рост человека. В реке копошился водяной воробей, черный, мокрый, увидел нас и шмыгнул за камень. Перебравшись по поваленному дереву через реку, очень быстро и прозрачно, пошли дальше. Тропа резко взмывала вверх, пришлось карабкаться, а в двух местах — совершенно отвесные стены, метра три высотой, стояли на пути. Цепляясь за уступы, мы кое-как поднялись, и тогда перед нами открылся вход в пещеру... Я не случайно столь подробно говорю о «дороге» к мосту. Эта «дорога» зовется тропой Хаджи Мурата, того самого, знакомого со школьных лет.

Он скрывался в этой пещере. И пещера тоже зовется его именем... Небольшой зал, полумрак и стойкий запах прелых листьев. В углу, перед входом, чья-то могила.

От пещеры нужно пройти метров двести, чтобы почувствовать, как могут дрожать ноги. Сказывается высокогорье, с непривычки не хватает воздуха — этим как-то себя успокаиваешь. Но причина-то иная — есте-

ственный мост, по которому надо пройти.

Ширина Кутакского моста метра четыре-пять, длина пятьдесят три, а высота — не знаю. Где-то в глубине слышится ручей, его обступают лес. Я смотрел на него и ничего не видел, кроме моста, узкой тропы через пространство, на которую все-таки очень хотелось ступить.

«Если пойду строго по оси, пройду», — подумал я, и ноги сами понесли вперед. А кругом все то же пространство, наполненное лесом, небо и солнце... И что-то твердое под ногами. Больше ничего... Семьдесят третий шаг я уже делал по склону другой горы.

Табасаранская природа и очень однообразна, и очень многолика. Лес и горы. Но разный лес и разные горы. Всюду разные. У селения Вечрик, например, склоны пологие, там разбиты сады. Но таких пологих участков в Табасаране все-таки мало.

Селения тоже и похожи, и не похожи: где-то дома скучены на обрывистом пятачке, где-то разбросаны по склону, как в Хучни. Дома, как правило, двухэтажные, с покатою крышей, все под шифером. Глинобитных плоских крыш я не видел. Отжили они свой век. Дома в окружении садов... Какая же благодатная здесь весна!

Во дворах — хозяйственные постройки. Добротные, ухоженные, хотя сложенные из нетесаных камней, но сделаны основательно — горцам обычно не до красоты и изыска. Только пожив в этих суровых местах некоторое время, начинаешь понимать и принимать какую-то особую суровую красоту здешних дворов.

Резко заметна разница в садах — частных и казенных. Частные убранны, а в казенных — густо лежат под деревьями переспелые яблоки и груши. Коровы лениво жуют их, а овцам уже не до них, они пасутся неподалеку и глазом не ведут в сторону садов.

Не только в Вечрике (что в переводе означает «Яблоневый дом») переспелые совхозные сады. И в других селениях, и в других совхозах. На мое удивление всегда следовал один и тот же ответ: «Девать некуда. Не вывезешь».

Выращенные, а по сути невыращенные, кабачки, патиссоны, сливы оставались на щедрой горской земле.

— Третий день в совхозе нет ни литра бензина. Стоим, — в один голос заговорили люди. Они собрались в тени дерева, около конторы совхоза (он, как на грех, назывался «Восход»), когда узнали, что приехал гость из Москвы. Третий день сидели люди и молчали — жаловаться было некому. Районное начальство знало, что едва ли не во всех хозяйствах ждут горячее, но его взять неоткуда, а в Табасаране не производят.

— С фермы молоко вывезти не на чем... — бросает подошедший чело-

век и замолкает: видя мое недоумение, он понимает, что я не Госнаб и не Госплан и ничем не смогу помочь.

— Гвоздя не найдешь, — сокрушался вконец измученный директор, — не можем коровник поправить, его зимой снегом раздавило. Что будет с коровами? Ума не приложу. Триста голов.

— Нам зарплату не платят! — кричит кто-то.

— Даже соли купить не можем, — слышу старческий голос...

Честно говоря, жаль, что я не Госплан и не Госнаб, иначе, кланусь здоровьем, не был бы Табасаран в глухом экономическом болоте.

Постепенно выясняется, что такие, как «Восход», маломощные совхозы и определяют лик экономики района. Совхозики не могут даже дать людям работу. Вот почему каждый второй мужчина в селениях Табасарана рождается безработным и умирает безработным. Разумеется, никаких пособий по безработице никому и в голову не приходит платить.

Но даже те, кто работает в совхозике, мало пользы приносит стране, хоть и трудятся на совесть. Иза страх потерять драгоценную работу! Но что толку в рабском труде на совхозных «плантациях», если урожай созрел только для коров?

Лишь в последнее время наметились перемены, которых ждали долги семьдесят лет, — в поселке Хучни открылся филиал конденсаторного завода. А это значит, что теперь уже не всем табасаранским мужчинам придется подаваться на заработки.

Табасараны на пять-шесть месяцев ездили в Ставропольский край, а то и в Казахстан, сезонничать. Им доставались самые тяжелые, трудные работы — то, за что местные жители отказывались браться. Стричь камыш, выгрести навоз...

Не год, не два — всю жизнь тысячи людей радовались своей единственной возможности прокормить семью.

Сейчас и этот источник дохода табасаранцев начал иссякать. Хозрасчет ударил по сезонникам — их сокращают первыми. И печально известные события в Узени тоже заделали табасаранов. Словом, из Казахстана приезжают беженцы, а им нужна работа, крыша и еще многое, чего здесь нет.

Десятилетиями в Табасаране не поощрялось строительство. Даже частный дом, за свои собственные деньги, поставить было проблемой. Не разрешали. Не давали. Запрещали. Только сейчас вдруг сказали: «Можно».

И за последние четыре года люди построили столько, сколько не строили за четыре прошедших десятилетия. Но государственное строительство ведется по-прежнему ни шатко ни валко.

Очень хочется рассказать о строи-

тельстве в горах. О том, как всё селение от мала до велика приходит помогать своему селянину, которого все с гордостью называют «новостроем». О просторных и красивых домах, которые предпочитают иметь табасараны. О практичности и удобстве их быта. О традициях, которые соблюдаются при строительстве. Даже о полосатых бумажных треугольниках, их вешают на окна и двери нового дома, когда уже готова крыша — оказывается, лучшее средство от нечистой силы... Но все это, увы, тема другого рассказа.

В каждом селении, около каждого дома я видел детишек, очень симпатичных и очень чужацких. Все они были чем-то заняты — то ли работой по дому, то ли по хозяйству. Встречал я их и на пыльных улицах — старшие, младшие и совсем маленькие копошились рядом с курами, утками, индюшками...

Не забуду девчужечку лет шестисеми, нечесаную, немытую, она шла в галошах на босу ногу — кстати, самая распространенная обувь в селениях Табасарана, — платье цвета лилового, кофточка драная. Но одежда — пустяк! В ушах девочки сияли огромные пластмассовые серьги, розовые, такие блестящие... Маленькая модница величественно шагала по селению.

До сих пор перед глазами и другая дорожная картинка. Река внизу, орлы тоже внизу. На краю обрыва сидит бабушка, укутанная в черный платок горянка, у нее на руках внучек — бутуз, будущий горец. Они сидят как две половины одного «я» и любуются своим Табасараном, лучше которого нет на всем белом свете...

Дорожные воспоминания, им нет конца. А привел я их, чтобы сказать, во всем Табасаранском районе только каждому двадцатому ребенку есть место в детском саду. Остальные девятнадцать — на улице.

О школах тоже много не расскажешь. Почти все одинаково запущенные. Едва ли не каждая четвертая в аварийном состоянии. Лишь в Хучни, пожалуй, лучшая школа в районе — там спортзал. В прошлом году построили. Но ни о каких компьютерах, лингафонных кабинетах, конечно же, не знают даже в Хучни. Нет простейших наглядных пособий, нет книжек на табасаранском языке, хотя в школе теперь преподается и табасаранский.

Действительно, очень непростая социальная обстановка в районе: в Табасаране, в котором едва ли не самая высокая рождаемость в Российской Федерации, лишь недавно построили родильный дом. Единственный! Появилось родильное отделение при больнице, которую больницей-то с большой натяжкой можно назвать.

Табасаран даже с ближневосточными или африканскими странами, бывшими колониями, уже не сравнишь... Почему в таком бедственном

положении оказался древний табасаранский народ?

Мне трудно согласиться с первым секретарем, что в районе отсутствуют национальные проблемы. Есть они! А суть их точно, на мой взгляд, выразил житель далекого селения, старик, с которым мы вспоминали традиции Дагестана. Прошлые и современные.

— Был даргинский Дагестан, теперь аварский.

Так думает не только этот старик...

Оказывается, табасараны никогда не держали штурвал власти в республике, они не были той национальностью, которая вдруг присваивает себе право говорить от имени всего Дагестана. Поэтому-то и сидели они все семьдесят лет на голодном пайке. Не случайно Табасаран едва ли не самый отсталый район Дагестана. Вот где я увидел корень национальной проблемы и района, и республики... Случайностей в судьбе народов не бывает!

Табасараны — мусульмане. Сунниты. Жители же равнинного Дагестана, как правило, шииты¹. Когда-то на равнине решили закрыть в горах мечети. И закрыли! Так табасараны лишились духовной основы, посоха. Ведь ислам — это не только религия, но и правила жизни. Это — обычаи и традиции, по которым веками строился мир горцев.

Закрыли мечети. Уничтожили духовенство. Кто выиграл? Никто. Кто потерял? Все.

В селении Гуриг я был в бывшей мечети, самом красивом и, наверное, самом древнем здании. Оно стоит на возвышении, сложенное из тесаного камня, с резным кружевом орнамента. Здание выдержало все землетрясения, на которые так щедрь горы.

Простейшее приспособление спало мечеть: в стенах были уложены широкие доски. И все.

Однако у горцев не нашлось ничего, чтобы спасти мечеть от городского человека в шляпе, который семьдесят лет развешает по Дагестану. И всюду командует.

В мечети этот человек устроил ткацкий цех, и женщины вот уже только десятилетия приходят сюда, чтобы в полумраке молитвенного зала ткать ковры. Знаменитые табасаранские ковры, перед которыми, говорят, блекнут даже персидские. Тысячи долларов за ковер. Такова цена на мировом рынке.

«Валютный цех»! Я попал сюда волею случая. Незадолго до этого совершенно, как говорится, случайно познакомился с очень приятным человеком. Городским. И без шляпы!

¹ Сунниты и шииты — последователи двух направлений ислама. Шииты признают только Коран и отвергают устные предания (сунны), они также не признают первых трех халифов и их наследников.

С министром местной промышленности Дагестана Абедином Набиевичем Алиевым. Он, как выяснилось, недавно в этой должности и сейчас объезжал селения, где есть ковровые цеха, — знакомился с хозяйством. О лучшем попутчике я и мечтать не мог.

Абедин Набиевич меньше всего внешне походил на традиционного министра. Я увидел сравнительно молодого человека, по-спортивному подтянутого, высокого, его волосы густым черным ежиком застыли на голове, а темные брови, тоже ежиком, зависли над ясными пронзительными глазами. Под голубой сорочкой угадывалось могучее тело борца или боксера... Основательный министр эпохи перестройки.

Говорил он неторопливо, подбирая точные слова. Пустых фраз, которыми грешат порой люди его ранга, я не слышал, особенно когда говорил он с рабочими или с руководителями коврового объединения.

К сожалению, нелегкое наследство досталось перестройке и молодому министру. Ох, нелегкое. Есть в его хозяйстве просторные светлые ковровые цеха, но есть и страшные казематы, подобные тому, что я видел в селении Гуриг. Сердце задрожало! Как же работают здесь люди. Будто в рабовладельческой или средневековой мастерской. Лишь электрические лампочки принесены сюда из нашего двадцатого века.

За гроши женщины делают красоту. Ковром, сотканным из овечьей шерсти и их великоотерпения, будут любоваться где-то далеко-далеко от Табасарана, им нельзя же любоваться, но никто ведь не поверит, что его делали так же, как и много веков назад. Только при электрическом освещении.

...Пять раз в день, как и положено суннитам, обращаются к Аллаху старики табасараны. С четверга на пятницу многие ходят в пещеру Дюрка, чтобы в тишине прочесть свои долгие молитвы. Или чтобы заколоть жертвенного быка, барана... Могли бы усидеть, узнав о священной пещере?

И вот селение Хустиль, обычное на вид табасаранское селение. Узкие кривые улочки. К каменным заборам, как и во всех селениях, то здесь, то там прилеплены на просушку кизяки, которыми будут топить печи зимой. На краю селения вдоль дороги стоят сараи для сена, стены у них с отверстиями-глазницами. «Глазницы» нужны для продува, чтобы сено не гнило.

За сараями роща. В этой роще никогда не пасут скот, хотя трава там богатая. Сюда приходят паломники, здесь они забивают жертвенных животных. В двух или трех местах с ветвей деревьев спускаются веревки, на которых развешивают подвешенные туши, а мясо раздают людям. Таков мусульманский обычай.

От большого дерева начинается едва приметная в траве тропа, ее вырубали по южному склону скалы. По ней можно пройти, лишь прижимаясь к горе. И лучше не смотреть вниз. Метров тридцать-сорок спокойных ровных движений, чтобы не потерять равновесие, — и ты окажешься на площадке перед входом в пещеру.

Почему пещера стала святым местом? Ответить трудно. Есть несколько версий. По одной из них, здесь когда-то скрывался отшельник, ведущий праведную жизнь. По другой — причина в том, что вход в нее обращен к Мекке. Завываниям ветра, глухому стону, который иногда доносится из пещеры, видимо, тоже дали толкование. Словом, появилась пещера Дюрка, ее, правда, в 50-х годах попытались разрушить: забили вход, запергли молиться. Тщетно. Как только страсти улеглись, люди снова пришли к своей пещере и открыли вход.

Кто они, эти люди? Язычники? Нет. Бездомные мусульмане!

...Пройти по тропе, оказывается, лишь половина дела. Вход в пещеру тесный, как лаз. Над входом висит огромный камень, готовый в любую минуту сорваться. В какую именно? О-о, как решит Аллах. Поэтому-то не все горцы приходят сюда. Для нечестивого этот камень.

В совершенной темноте, ощупывая руками и ногами ступени деревянной подвесной лестницы, пробираться вниз. Темнота медленно уходит, уступая пространству сумеркам. Тонкий луч света пробивается из входа. Вижу зал, убранный домоткаными коврами. На полу — подушки. Нехитрые украшения на стенах и погашенные керосиновые лампы — они стоят в углу на уступе. Пахнет заброшенным домом и старой одеждой.

Уже внизу, переводя дыхание, я слез на ковер, сложив под себя ноги, осмотрелся. Зал вмещал человек тридцать-сорок. Тишина. Мир остался где-то далеко там. Какое же удобное место для раздумий! Кругом летают летучие мыши, неслышные, как тени предков.

В углу чернеет еще один вход — в другой зал. Спускаться туда сложнее — лестница с редкими ступенями и без перил. Совсем темно. Наконец ногами чувствую каменистый пол. Но ничего не вижу.

Зато когда выходишь из пещеры, в глаза ударяет ослепительный мир. Нужно постоять немного на площадке, привыкнуть, иначе не пройдешь по тропе и двух шагов.

Лишь на обратном пути я заметил на священной горе сотни веревочек и лоскутков, привязанных к кустам: горцы еще одна здешняя традиция.

...Когда я вечером рассказал Мугутдину о своих впечатлениях, он спросил:

— Не побоялся?

— Нет. Подумал: руки у меня чистые, чего бояться?

Нелегка она, дорога к храму в Табасаране.

Пожалуй, то, что я увидел в пещере Дюрка, нельзя понимать только как место паломничества. Слишком упрощенное толкование!

Сегодня многие горцы потянулись к отнятой религии. В том же селении Гуриг народ требует освободить ИХ мечеть, которую предки возвели не для ткацких станков.

Руководство коврового комбината, понимая, к чему приведет назревающий конфликт, спешит с новым заданием цеха. Его должны очень быстро построить. Но, конечно, не так быстро, как в селении Кумух.

Там, мне рассказывали, одну из крупнейших мечетей Кавказа заняли когда-то под Дом культуры. И не отдавали, объясняя тем, что у властей нет средств построить другой дом. Люди собрались и через три дня (!) принесли ключи от нового здания Дома культуры — три дня и три ночи шестьсот (!!) человек вели народную стройку... И вернули себе мечеть.

Гуриг издревле был культурным центром Табасарана. Знаменитый арабист Дагестана Юсуп родом из этого селения.

— В Табасаране не осталось культурных людей, — сказал отец Юсупа, почтенный аксакал с чистыми, как родники, глазами.

Я не удивился услышанному. Настоящему образованному на Кавказе, как и всюду на Востоке, считается только тот человек, который читает и говорит по-арабски. Мюааллим! Можно хоть пять раз быть инженером, но того уважения никогда не будет. «Э-э, что он умеет — железки крутить». Или «на счетах щелкать, какая это работа».

Когда-то на основе арабского алфавита строилась письменность Табасарана. Арабист не только читал Коран, но и первым узнавал новости из официальных бумаг и писем. Незаменимый человек. Уважаемый. Насильственная же замена арабского алфавита русским ни к чему хорошему, уверяют местные знатоки, не привела, «язык потерялся», говорят они. Арабистов же, как известно, потеряли на Колыме.

Табасаранский язык уникальный, лингвисты относят его к пяти сложнейшим в мире. Речь табасарана — это удивительные звуки: пение ветра, плеск реки и гул ущелья. Смешанные, перепутанные звуки. Есть по этому поводу такой хабар — шутка, значит.

Какой-то иностранец очень долго расспрашивал о табасаранском языке, ему не могли объяснить, вернее, воспроизвести отдельные звуки. Наконец один догадливый человек взял керамический кувшин, опустил в него три грецких ореха и стал вращать сосуд:

— Понял?

— Йес, сэр.

Так звучит табасаранский язык. И

арабской вязью лучше выразишь его музыку.

«Табасаранами рождаются, арабистами становятся». И возраст не помеха. Я познакомился с очень уважаемым человеком, который десять лет был секретарем парткома в совхозе, а потом бросил все и стал вести праведную жизнь: изучает арабский, воздерживается от земных соблазнов. От лица этого человека лучилось тепло, которого не хватает нам, цивилизованным.

Говорил я и с молодыми, вполне современными парнями, они тоже проводят время за арабскими книгами. «Так, для себя».

Заставляя забыть обычаи предков, горцам ничего не дали взамен. Даже политзанятия, которые, как известно, среди безработных не проводятся.

А вот на что оказался щедр городской человек в шляпе, так это на водку... Я всегда заходил в магазины, если они попадались на пути. Водку — пожалуйста, «сколько хочешь».

— Салам алейкум, — скажет продавец и, широко улыбаясь, добавит по-русски: — С приездом!

Покупатели, если они есть, тоже поздороваются. Продавец, правда, может тут же закрыть магазин и пригласить тебя пить чай. И никто не удивится, не возмутится, это в порядке вещей... Хозяин живет рядом, и сарай для магазина построил сам. То ли лавка частная, то ли казенная, кажется, никто не знает и знать не хочет.

— Мугутдин, а какие у вас есть праздники?

— Как у всех, Первое мая и Седьмое ноября.

— А еще?

— Свадьбы...

Потом, немного подумав, мой приятный собеседник вспоминает, что когда-то был праздник урожая. Или праздник весны — начало полевых работ. Тоже хороший праздник — с кострами. Детишки красили яйца, песни звучали в аулах... Кстати, об аулах. По-моему, красивое слово, гордое, горское слово, но когда я его произнес, меня поправили:

— «Аул» — так не говорят. Неприлично. Людей обижаешь. Скажи «селение».

— А в чем разница?

— Ни в чем.

...Был еще у табасаранов праздник черешни. Праздник сенокоса. Люди надевали лучшие наряды, люди праздновали не после торжественного доклада. Для девушек вешали качели. Для всех резали быка, одного-двух, сколько хотели, столько резали. По вечерам жгли костры...

— Валлах, не вспоминай, Мугутдин, только сердце разрываешь... Наши предки думали, что Дербент самый большой город в мире после Багдада. Они и о природе сотой доли не знали того, что знаем мы, образованные дети своего времени. Переворачивали перед костром трено-

гу, чтобы града не было. На поле оставляли несколько необрунных колосьев, чтобы новый урожай богаче был... Прошу, не вспоминай больше, Мугутдин. Хватит!

В поездке я не видел ни одного мужчины в национальной одежде. Женщины видел, мужчин — нет. Папачи теперь заменены на шляпы, как у того городского человека, сумки — на «дипломаты». Всюду европейская одежда.

Я отмечал все эти изменения, очень внимательно отмечал, ведь их еще тридцать лет назад, помнится, не было. Честное слово, беда, большая беда в доме, если твои дети становятся похожими на соседа, пусть даже сосед очень хороший человек.

Уж слишком быстро меняются обычаи, уклад жизни. Вот, к примеру, похороны, горестные минуты, которых не избежать никому. С утра в селение, где случилась беда, приходят сотни людей со всей округи. Каждого обязаны накормить, разместить. Все степенно, уважительно. Ровно в половине первого выносят покойника, мулла читает Коран, идет молитва, на ней присутствуют только мужчины. Слова молитвы — это напутствие живым. Мулла призывает людей забыть обиды на покойника, простить его грехи и долги. Он призывает стать добрее, остерегаться пороков — иначе плохо будет на том свете. Вот, пожалуй, и весь смысл религиозного обряда, которому более тысячи лет... Что в нем плохого? Что антиобщественного?

Свадьбы и те потеряли свой прежний смысл. На свадьбе теперь главный человек — бухгалтер, который заносит в тетрадь, кто сколько принес. И эту тетрадь молодожены будут всю жизнь хранить, сопоставлять, кто как к ним относится.

Заплатил деньги, вот и вся свадьба. «Где купил?», «Где достать?», «Бабки, бабки...» Обижайтесь, не обижайтесь, мне стыдно за нас, за наши новые обычаи.

Не забуду одного старика.

— Что там рай?! — воскликнул он. — Если так себя вести будем, и ворота ада перед нами закроят.

В Табристане (древнее название Табасарана) был обычай: пастух переворачивал в ножнах кинжал, чтобы волк не трогал скотину. Переверните и вы свои кинжалы, горцы, чтобы к вам не подобралась «красная баба» — ведьма, которой ваши предки пугали детей.

— Непростая ныне социальная обстановка в районе, — говорил мне Магомед Юнусов. — Люди справедливо требуют элементарного, гарантированного Конституцией. Но где взять? Мы открыли асфальтовый завод, сейчас открываем каменный карьер, делаем все, чтобы хоть как-то занять людей. Столько всего запущенного... Ваах, как это получилось, что начинать приходится с нуля...

С нуля ли?

Табасаранский район,
Дагестанская АССР

Геральдический альбом

ИДУЩИЕ ЛЬВЫ НАСТОРОЖЕ

Граждане Соединенного королевства, столь ревностно чтущие традиции, конечно, испытывают гордость от того, что герб их государства сложился при королеве Виктории, правившей с 1837 по 1901 год, а основные его элементы пережили многие столетия. У нас же есть повод поговорить о самом «образцовом» гербе, в котором можно обнаружить решительно все элементы классического герба монархии: щит, шлем, корону, нашламник, намет, щитодержатели, девизные ленты.

Рассказы о гербах принято начинать с описания щита. Не будем и мы отступать от этого устоявшегося правила. Геральдический щит может состоять из нескольких полей, образованных делением, то есть расщечен или пересечен, скошен, разделен на несколько частей. В государственном гербе Великобритании щит четверочастный¹. В его первом и четвертом полях мы видим одинаковые изображения — по три золотых леопарда на красном фоне. Второе поле золотое с двойной красной каймой, а в нем красный лев. В третьем голубом поле — золотая арфа...

Геральдические фигуры, изображающие льва и леопарда, появились еще в раннем средневековье. И не стоит напрасно искать различия между ними в зоологическом смысле. С незапамятных времен на языке геральдики львом и леопардом называют одно и то же изображение льва. Но фигуру именуют львом лишь в том случае, когда зверь стоит на задних лапах. В таком положении любое геральдическое животное называют восстающим. Может встретиться и восстающий конь, и восстающий медведь или кто-нибудь еще. Но если вы увидите в гербе льва, шествующего на четырех лапах, как на британском щите, то такую геральдическую фигуру следует называть леопардом.

Именно леопард стал эмблемой Плантагенетов — династии англий-

ских королей, правивших с 1154 по 1399 год. Основателем ее был граф Анжуйский, ставший английским королем под именем Генриха II. Название династии происходит от прозвища его отца, графа Анжуйского Жоффруа Красивого, украшавшего свой шлем веткой дрока — по-латински «*Planta genista*».

Три красных леопарда на красном фоне появились в английском гербе при Ричарде Львиное Сердце после

Государственные
флаг и герб
Соединенного
Королевства
Великобритании
и Северной Ирландии
(The United Kingdom
of Great Britain
and Northern
Ireland)

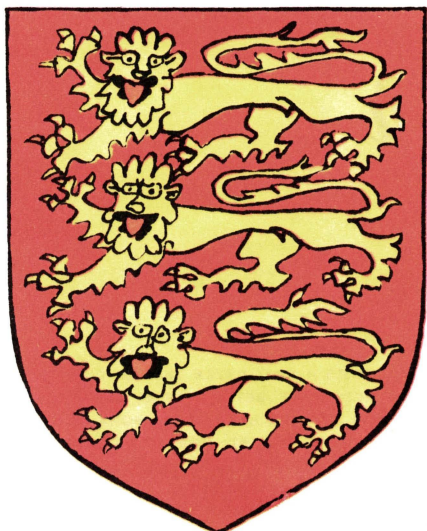
1195 года и находятся там до сих пор. Как истинные островитяне, англичане упорно придерживаются своих традиций и, быть может, поэтому общепринятых во всей геральдической науке «леопардов» именуют по-своему: «Идущие львы настороже».

Когда-то англичане всерьез претендовали на Францию, и герб Англии заранее украсился золотыми лилиями в голубом поле. То было время Столетней войны: сражения при Креси и Азенкуре, прославленные в схватках с французскими рыцарями знаменитые английские лучники, героиня Франции Жанна д'Арк... Лилии потеснили «идущих настороже львов», и тогда геральдический щит был разделен на четыре части.

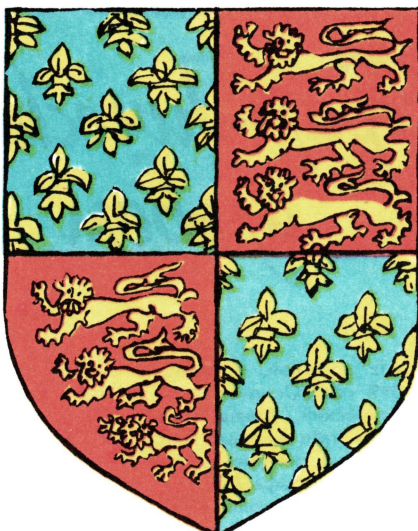
Красный восстающий лев во втором золотом поле представляет Шотландию. В XIII веке этот старинный герб графства Файфского, а также Макда-

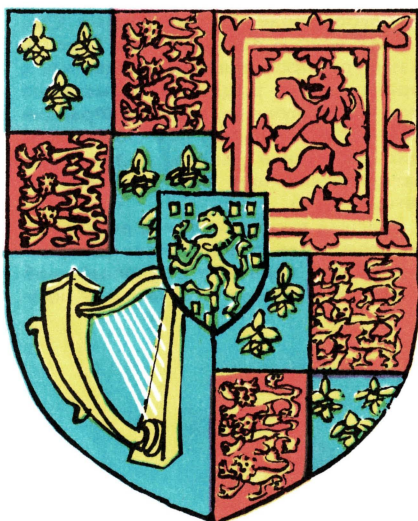
¹ Счет полей при описании геральдического щита ведется справа налево и сверху вниз, как показано на стр. 16.

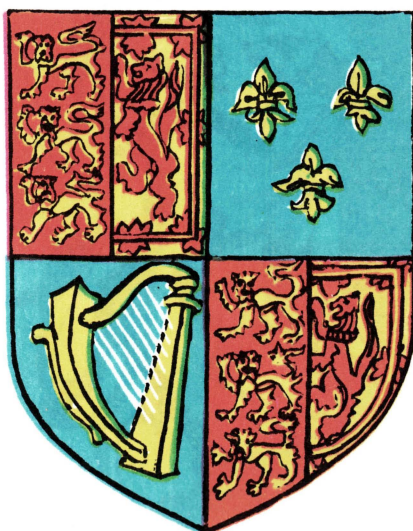
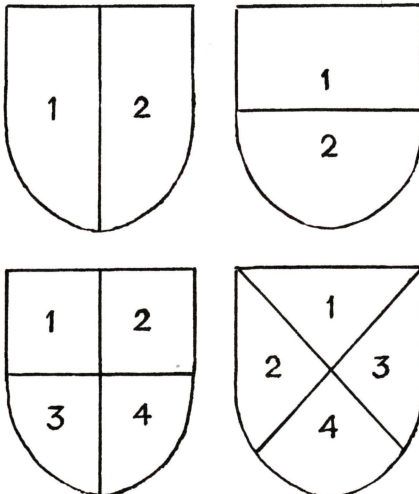
при Ричарде III в конце XII века;

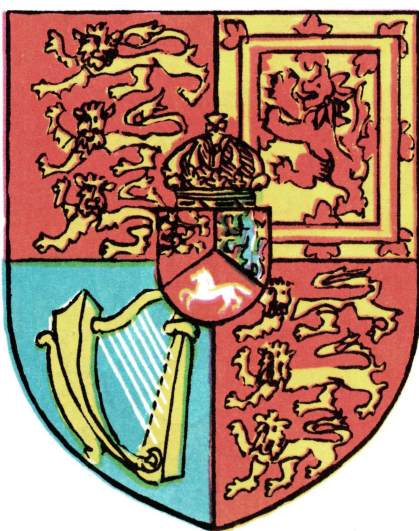
при Эдуарде III в XIV веке;

при Нассауской династии в конце XVII века;

при королеве Анне после 1707 года;

при Георге III (Ганноверской династии) с 1801 года.

фа (Макдуфа), тана Файфского и его потомков, обзавелся затейливой красной каймой. В XV веке шотландский парламент попытался было отменить кайму. Но усилия ревнителей «чистоты герба» не увенчались успехом. Кайма все-таки осталась, и в таком виде герб утвердился на геральдическом щите Соединенного королевства.

В третьем поле — золотая арфа. Как герб Ирландии она появилась еще в XV веке. Почему именно этот музыкальный инструмент стал символом? Может быть, дело тут в ритуальном музицировании ирландских государей? Или в Ирландии были особо даровитые музыканты? Трудно сказать.

В 1921 году произошло отделение Ирландии от Великобритании в качестве доминиона, через шестнадцать лет она была провозглашена «суверенным государством Эйре». Загадочная золотая арфа с серебряными струнами в голубом поле изображена сейчас на геральдическом щите этой небольшой страны, но осталась она и на британском гербе, получив новое официальное толкование как герб Северной Ирландии, подчиненной британской короне. Когда король Шотландии Иаков VI Стюарт в 1603 году вступил на английский престол под именем Иакова I, гербы Англии, Шотландии и французские лилии соединили с гербом Ирландии.

Кроме лилий, на щите успели побывать гербы сменившихся на английском престоле европейской династии — Нассауской и Ганноверской. Наконец, в XIX веке англичане установили рисунок герба, сохраняющийся до настоящего времени.

Теперь перейдем к элементам, окружающим щит. Останавливает на себе внимание великолепный золотой шлем с закрытым забралом. На нем императорская корона с нашлемником — золотым коронованным леопардом, которого в просторечии называют «британским львом». Справа и слева от шлема — золотой намет, подложенный горностаем.

Фигуры щитодержателей на протяжении веков много раз менялись. Побывали в этой роли и серебряная антилопа, и серебряный лебедь, и серебряный кабан Ричарда III, и красный валлийский дракон, указывающий на кельтское происхождение династии Тюдоров, и серебряный гончий пес графства Ричмондского. С 1603 года у щита утвердились коронованный британский лев и единорог — белая лошадь с винтообразным рогом во лбу.

В средневековой геральдике и искусстве образ единорога встречался очень часто. Это фантастическое, по нашим представлениям, животное считали символом осторожности, осмотрительности, благоразумия, чистоты, непорочности, строгости, суровости. Многие верили в его существование. Возникла даже легенда, что охотнику никогда не поймать единорога и что он покорится лишь непорочной деве. В сочинениях христианских писателей единорога упоминают как символ

Звезда, цепь и знак ордена Подвязки.

Благовещения и воплощения Христа, рожденного Девой. В средневековье единорог считался эмблемой Девы Марии, святого Юстиниана Падуанского и святого Юстина Антиохийского.

Опясывает щит голубой ремешок с пряжкой. Это — подвязка, знак высшего и старейшего английского ордена Подвязки, учрежденного королем Эдуардом III в 1348 году. Девиз, написанный на ленте по-старофранцузски, гласит: «Honi soit qui mal y pense» — «Пусть будет стыдно тому, кто дурно об этом подумает». Известная легенда рассказывает, что однажды на балу король поднял с пола подвязку, утерянную какой-то рассеянной дамой. И, следуя лучшим традициям рыцарства, учредил в укор нескромным насмешникам оригинальный

орден с назидательным изречением.

Если присмотреться, то на зеленом подножии, где стоят щитодержатели, можно заметить необычные растения. Это так называемые немые (оттого, что не выражены словами) девизы Англии, Шотландии и Ирландии.

Из учебника истории и исторических романов многим помнится война, получившая романтическое название войны Алой и Белой розы. Это событие нашло отражение в гербе. Победу, одержанную герцогством Ланкастерским (Красная Роза) над герцогством Йоркским (Белая Роза) олицетворяет двойная роза Тюдоров — у нее серебряный (белый) центр с красной окантовкой.

Каледонский чертополох стал символом Шотландии тоже отнюдь не случайно¹. Ведь живучий и колючий чертополох указывает в геральдике на стойкость, выносливость в тяжелой борьбе за существование. Шотландии пришлось в течение столетий отстаивать свою независимость — вспомните хотя бы трагедию Шиллера «Мария Стюарт» или известный роман Стефана Цвейга под тем же названием.

Два цветка на одном стебле — вот вам и Великобритания, объединившая Англию и Шотландию.

Наконец в 1801 году, когда образовалось Соединенное королевство Великобритании и Ирландии, стебель этого удивительного геральдического растения дополнил трилистник клевера. Согласно народной легенде, просветитель ирландцев святой Патрик объяснял своей пастве христианский догмат о триедином боге с помощью побегов клевера. Отсюда и трилистник.

¹ Древние римляне называли Шотландию Каледонией.

Государственные
флаг и герб
Ирландской
Республики
(Eire)

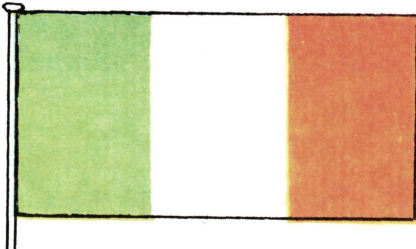
Оформление
Г. КОМАРОВА
В. НЕВОЛИНА

Внизу на ленте начертан девиз английских королей «Dieu et mon droit» — «Бог и мое право». По правде сказать, сейчас никто не может точно объяснить смысл словосочетания. Говорят, что это сокращенная фраза «Бог и мое право охраняют меня».

Впоследствии существовали и другие девизы, но в начале XVIII века надпись о боге и праве вернулась и окончательно утвердилась на своем законном месте.

К сказанному нами о гербе Ирландской Республики остается добавить следующее. Приобретя независимость от британской короны, Ирландия пользовалась то гербом с арфой, то четверчастным щитом с гербами четырех главных провинций. В первой части — золотая арфа в зеленом поле провинции Лейнстер. Во второй — герб Коннахта: рассеченный щит, на котором половина черного орла в серебряном поле, а в голубом — серебряная выходящая вправо рука с кинжалом. Третью часть щита занимал герб Ольстера (Алстера) — в золотом поле красный крест, а четвертую — герб Манстера в голубом поле три короны.

В настоящее время государственным гербом Ирландии считается щит, на голубом поле которого помещена золотая арфа с серебряными струнами.

Леонид КУЗНЕЦОВ,
корр. «Правды» — специально для «Вокруг света»

бухта ароматов

Речной трамвайчик, внешне неказистый, но вместительный, мягко коснулся пристани. Мгновенно на берег переброшены металлические трапы, и широкий поток пассажиров хлынул на борт, делясь на два рукава: первый и второй класс. Через пять минут пароходик отчалил, а на его место уже швартовался другой. Еще шесть минут плавания по бухте Виктория (днем она напоминает площадь большого города, только вместо автомобилей здесь снуют катера и лодки, тяжело и осторожно двигаются океанические суда), и мы ступили на землю острова, который дал название всему британскому владению, состоящему из самого Сянган (Гонконга), Цзюлуна (Коулун) и еще двухсот мелких островов.

Англичане, отобрав силой в 1841 году у Китая остров Сянган, что в переводе означает «бухта ароматов» — менять название не стали. Сойдя на берег, я понял, что они были совершенно правы. Тлеющие китайские ароматные палочки, французские духи, запахи, исходящие из бесчисленных харчевен и ресторанов, гарь двигателей моторок и катеров — все это создает неповтори-

мую и не передаваемую словами гонконгскую атмосферу.

— Как пройти к резиденции английского губернатора? — спросил я нескольких прохожих, решив начать путешествие по Гонконгу с его старинной части. Но кто-то не понимал по-английски, кто-то делал вид, что не слышит, кто-то неопределенно махал рукой в сторону. Однако здесь махнуть «в сторону» — все равно, что указать грибнику на лес. Только вместо деревьев — сплошная стена небоскребов. Кое-где они расступались, оставляя место потоку автомобилей и автобусов. Всюду рекламы всевозможных цветов и размеров, вывески банков, фирм, компаний на всех, пожалуй, языках мира.

Видя мое замешательство, пробегавший мимо рикша и предложил отвезти гостя. Но я не смог сесть в коляску, которую везет человек, тем более старик! Мне оставалось только одно — поймать такси.

Машина нырнула в одну из «просек» меж небоскребов, и через несколько минут я уже стоял перед резиденцией британского губернатора. Здание показалось мне неказистым, скучным и каким-то безза-

щитным по сравнению с многоэтажными красавцами вокруг. Этот особняк, хранящий спокойствие среди шумного, многоликого города, и флаг Великобритании, колышущийся на слабом ветру, невольно заставили вспомнить историю...

Говорят, что министр иностранных дел Англии лорд Пальмерстон поморщился, когда ему доложили о том, что над Гонконгом поднят флаг Ее Величества Королевы, и буркнул: «Зачем нам этот кусок камня?» Думаю, это было не так или не совсем так, ведь именно Пальмерстон в 1840 году направил Китаю ультиматум, требуя, в частности, предоставить в вечную собственность Великобритании ряд островов, включая Сянган.

Английская буржуазия в первой половине XIX века ринулась на Восток в поисках новых рынков. Особенно ее манил Китай. Товаром, который пробил брешь к китайскому прилавку, оказался... опиум. Китай сопротивлялся. Его правители старались закрыть дорогу отраве и положить конец опустошению казны. Тогда Лондон взял курс на развязывание войны.

Предлог представился очень скоро. В ответ на конфискацию китай-

скими властями 20 283 ящиков с опимумом на английских судах Англия двинула свои эскадры. В ходе «опимумных войн» (1841—1860 годы) был захвачен остров Гонконг и другие мелкие острова. Якобы для обеспечения безопасности новой колонии Британия арендовала у Китая сроком на 99 лет так называемые «новые территории»: часть полуострова Коулун и более двухсот островов.

Долгое время Гонконг был базой кораблей военно-морских сил Англии. Британский военный мундир и сегодня не редкость на улицах Гонконга. Но не униформа, а строгий костюм банкира, предпринимателя, одним словом, делового человека определяет ныне облик толпы. Это бросается в глаза любому, кто окажется в центре острова — деловой части Гонконга. На территории в тысячу квадратных километров работает 46 279 заводов и фабрик. Все они за малым исключением принадлежат чужеземцам.

ЧАСЫ С ОБРАТНЫМ ХОДОМ

На улице Натан-роуд я увидел крохотный магазинчик. Толкнул дверь. Зазвенел колокольчик... и вот передо мной мини-царство электронной и прочей техники.

Окинув взглядом потертые чехлы фотоаппаратов и миниатюрный диктофон, торчащий из нагрудного кармана, продавец понял, что перед ним не просто один из тысяч туристов, проходящих здесь ежедневно и готовых восхитаться подряд всем увиденным. Наверное, поэтому он и не стал подзывать меня к прилавку, заставленному аппаратурой всевозможного назначения вплоть до подсвечивающих устройств в виде зажималок и дамских шпилек (эти товары были выставлены под рекламноправдательным плакатиком «Каждый должен знать, верна ли ему жена»).

Продавец протянул мне часы. Я покрутил их в руке — часы как часы, довольно элегантные, но ничего особенного я в них не заметил. Загадочно улыбаясь, продавец сделал несколько круговых движений пальцем против часовой стрелки у циферблата. Затем, видя мое любопытство, продавец взял часы, легонько потряс их, и тут... секундная стрелка побежала в обратную сторону. Продавец явно наслаждался. Рассмотрев странные часы, ходящие как бы против «течения времени», я спросил, кому и зачем они нужны?

— Во первых, оригинально, — ответил продавец, — а это уже в значительной степени гарантия успеха. Люди падки на все необычное. Но кроме того, эти часы рассчитаны не на юнцов, выбрывающих себе лысину или, наоборот, отпускающих косу, а на людей серьезных — бизнесменов, крупных чиновников и тех, у кого беспоконная политическая или деловая жизнь.

— Почему именно им? — поинтересовался я.

— Вообще-то каждый нормальный человек хотел бы прожить на свете как можно дольше. Кто знает, сколько нам отпущено. На этих часах человек может сам «определить свой век». Он ставит стрелку (сначала, правда, следовало изучить довольно объемистую инструкцию, поскольку часы эти, как мне показалось, сконцентрировали в себе всю математическую и астрономическую мудрость), скажем, на цифру «100» и запускает механизм. Через год выскочит цифра «99», еще через три — «96»... Ах, как хорошо! Впереди еще 96 лет! Конечно же, ставший на цифру «100» витает в облаках. Но врачи доказали: это своего рода психотерапия, часы вселяют уверенность, спокойствие, надежду. В результате тот, кто покупает наши часы, продлевает жизнь минимум на пять лет. А за это можно и можно заплатить.

У меня на Натан-роуд — гонконгском Бродвее — возникло странное ощущение, что вещи здесь живут веселее, чем люди. Предметы, то есть дома, автобусы, улицы, ярко украсили себя, они издают гудки, поют песни, исполняют современную музыку, подмигивают огнями ночных клубов, зовут куда-то светящимися стрелками, сообщают бегущими новыми строчками о событиях в мире. Люди же делятся на две категории. Одна — это туристы, жаждущие от Гонконга развлечения и дешевых товаров. Другая — те, кто делает веселым и привлекательным мир предметов на Натан-роуд: они украшают здания, включают рекламы, варят и жарят на кухнях многочисленных кафе и ресторанов, торгуют, подметают, сидят в конторах, радуясь, что не ододел иностранный конкурент, или, наоборот, мучительно ломая голову над тем, как удержаться на краю банкротства. Но нигде в мире я не видел места, где бы существовало столь убийственное несоответствие между веселыми улицами и озабоченными лицами.

Как-то я показал Ион Тай — девушке-гиду, нанятой мной в турбюро, книгу, на обложке которой была фотография широко улыбающегося человека: все его зубы, крупные, как фасолы, и золотые, в руках золотая трубка золотого телефонного аппарата.

— Неужели такие люди есть в Гонконге?

— Это еще что! — улыбнулась девушка. — Скоро мы проедем мимо виллы господина Чау. И если хозяин дома, увидим его «роллс-ройс». Золотой! Точнее говоря, весь он покрыт золотыми пластинами. Еще выше построил четырехэтажный дворец владелец игорных заведений из Макао. Говорят, он может отлить из золота не то что автомобиль, а целый танк!

Но запретила игорных дел танков из золота не льет. Свои хоромы не

афиширует, упрятав их за стеной деревьев и густого кустарника. Он относится к той породе миллионеров с приставкой «мульти», которые, как правило, работают без лишнего шума и осторожно.

— Каждый из них настойчиво карабкается вверх, — продолжает Ион Тай. — Чем выше положение — тем дальше от моря строит господин виллу.

Позднее мой гид рассказала мне о супруге господина Чау. Эта дама из высшего общества ездит в розовом «мерседесе» с шофером в розовой униформе, когда у нее sentimentalно-лирическое настроение, и в золотом «мерседесе» с шофером в униформе золотистого цвета, когда она чувствует, что ей «следует вызвать дух Клеопатры».

Но вот что мне показалось любопытным: Ион Тай вовсе не осуждает владельцев золотых «роллс-ройсов» и «мерседесов». Более того, она восторгается ими. Сама же Тай живет в скромной, дешевой комнатке, где на лампе нет даже абажура. Как-то девушка сказала (как нечто само собой разумеющееся): «Я хотела бы быть похожей на госпожу Чау. Такое желание и у тысячи моих сверстниц. Кто знает, может, когда-нибудь и достигну вершин, если повезет, конечно...»

ХРАМЫ СЧАСТЬЯ, ПЕЧАЛИ И НАДЕЖДА

Здесь, в Гонконге, переплелись все религии и верования Запада и Востока, древние и еще «молодые». Об этом я слышал и читал задолго до приезда в страну, и, естественно, в моем плане обязательным пунктом было посещение некоторых храмов. Первым на моем пути стал храм Бога обезьян.

— Бог обезьян, — рассказывает Тай, — для нас, гонконгцев, все равно что для американцев Санта-Клаус, а для русских Дед Мороз. Особенно его любят дети. За что? Даже и не скажешь сразу. Скорее всего за озорство, за то, что он перевернул на земле все вверх тормашками. Правда, за это «высшие» боги его наказали, сослав в ад. Но и там он навел такой «порядок», что ад перестал быть адом.

В отличие от других богов Бог обезьян вынул из яйца. Благодаря своему живому уму он быстро избавился от комплекса неполноценности и от клички «волосатый крокодиленок» и превратился в Бога. Он создал на земле свое царство, но главное дело, которым занялся Бог обезьян после утверждения своей власти, — достижение бессмертия. Причем для вечной жизни он определил прежде всего себя. Исходя из того, что основное в жизни любого организма — движение (о чем сейчас настойчиво говорят многие врачи), Бог совершенствовал свои способности в этой области. Он на-

учился, например, без труда перепрыгивать с облака на облако. Кроме того, овладел искусством перевоплощения: мог становиться черепахой, молнией. И все это при веселом, озорном характере.

— И, наконец, — смеется собственному рассказу. Ион Тай, — Бог надоед всем, и тогда-то его отправили на небеса, где тамошний хозяин дал ему должность Смотрителя Заоблачных Конюшен...

В этот момент мы как раз проезжали мимо ипподрома, и Тай, отвлекшись от своего рассказа, сообщила, что гонконгцы ужасно азартны по натуре и очень любят бега. В сезон на ипподроме выигрываются и проигрываются миллионы. Лошадей покупают только самых лучших кровей. Содержат их по-царски. Каждая конюшня оборудована кондиционерами, питание и уход регулирует электроника, в зависимости от вре-

мени дня включается определенная музыка. Мы услышали звуки марша — через час начались скачки, нужно было поднять боевой дух наездников и лошадей.

Как только мы проехали конюшни земные, Тай вернулась к прежней теме:

— Бог обезьян рассвирепел, когда узнал, что ему предложили должность пусть небесного, но всего лишь конюха. В ярости он перевернул трон хозяина небес, а сам вернулся на землю со словами: «Что может быть краше деревьев и воды! Что может быть приятнее людей и их вкусных блюд!» На небесах вняли этой реплике и пригласили Бога обезьян — на этот раз — Смотрителем Райского Сада Орхидей. Но вот как-то раз небесные власти решили устроить ежегодный банкет, на который по традиции приглашались самые уважаемые обитатели заоблачных далей. И надо же было случиться так, что

про Бога обезьян забыли! Обидевшись, он проник в зал и перевернул там все вверх дном, съел все, что смог: райские фрукты, пельмени, лапшу, мясо и... пилюли бессмертия, предназначенные лишь для избранных...

Тут как раз мы услышали смех ребятишек, выходящих из храма Бога обезьян. Атмосфера в нем свободнее, чем, скажем, в католических или православных церквях. Наверное, тому причиной характер бога, в честь которого воздвигнут храм. Люди приходили сюда по различным причинам: дети — узнать о проказах любимца, взрослые надеются кто поправит здоровье, кто наладить мир в семье или поправить свое финансовое положение. К их услугам служители храма и медиумы. Выслушав посетителя, такой переводчик, закатив глаза, начинает что-то шептать на непонятном даже для Ион Тай языке.

— Это особый язык, — шепнула девушка. — Его знает только бог и этот человек. Лица больных светлеют. Одному кажется, что стал меньше хромать, другой перестал кашлять. Что это? Внушение? Психотерапия? Какой-нибудь новый, неизвестный науке способ лечения? Кто знает?

Главное торжество в храме происходит в сентябре, в день рождения Бога обезьян. Мне посчастливилось побывать на нем. Собирается множество народа. Медиум — центральная фигура праздника — начинает молиться. Он молится до тех пор, пока дух Бога обезьян не вселится в его тело. Ждать приходится довольно долго.

Но вот все, вселился! Чтобы обозначить этот священный момент, медиум опускает руки... в котел с кипящим маслом. Честно говоря, у меня от ужаса волосы на голове зашевелились. Через несколько мгновений медиум вынимает руки, и... хоть бы что! После этого он подходит к лестнице, перекладины которой усеяны острыми бритвами. Поднимается, а потом спускается вниз. Но на ступнях медиума — ни единой капли крови, на его лице — нет и тени страдания или напряжения. Затем он проходит по углям костра. Наконец, после всех этих испытаний (изрядно пощекотавших нервы публике), медиум берет крупный гвоздь и протыкает язык. Затем облизывает языком листочки бумаги и окровавленными возвращает верующим. Вот она, «фрамота», охраняющая дом, здоровье и даже способствующая успеху в бизнесе. Она гарантирует счастье. Это и своего рода индугенция, помогающая успокоить совесть после совершенных неблагоприятных поступков. Получить эти листки-послания может каждый. Есть только одно условие — внести довольно значительную сумму на содержание храма.

Тай, заметив мое замешательство, сказала:

— Не во всех храмах религиозные процедуры столь сложны. У нас есть и более «демократические» храмы, для бедных. Самый известный из них, пожалуй, храм Тин Хау — богини моря. Ей молятся коренные жители Гонконга, те, кто живет на воде в джонках, иногда больших, иногда совсем крохотных.

При подъезде к бухте Абердин из-за поворота вдруг возникает частокол голых мачт. Воды не видно! Над деревянными макушками возвышается громада плавающего ресторана (он, конечно же, для туристов). Жители поселка сюда не ходят. Они рождаются, растут, стареют и умирают в своих джонках. В джонках разводятся кур. В джонке у знахаря лечатся, в джонке у адвоката решают деловые проблемы. Только все зыбко, непрочное, бедно. От всего этого веет какой-то безысходностью.

Нас приглашают на прогулочный катер, и мы медленно движемся по необычным «улицам» города на плаву. В поселении в бухте Абердин проживает около сорока тысяч человек — те, кто, как здесь говорят, принадлежит к «расе лодок» — люди народностей танка и хокло.

Примерно за двести лет до нашей эры жил в Гонконге военачальник Лу Цун. Он поднял восстание против императора, захватил Кантон и правил им 30 лет. Когда он умер, на восставших император обрушил свой гнев. Их заставляли платить непомерные налоги, насильно забирали в армию, всячески оскорбляли. В довершение император прогнал их с земли, и жителям ничего иного не оставалось, как ютиться на своих суденышках. Лишь в XVII веке император Янг Чин проявил сострадание, разрешив «людям джонков» выходить на берег не только для того, чтобы вынести улов и заплатить подать. Однако, несмотря на распоряжение императора, люди с джонков остались презираемы и гонимы всеми. Они не имели права жениться на девушках, живущих на земле, им запрещалось поступать на государственную службу, учиться, получать «земные» профессии.

Комплекс неполноценности насаждается и по сей день. Так что к тяготам вечно кочевой неустроенной жизни постоянно примешиваются обиды и оскорбления со стороны «землян». Где же ищут утешения эти несчастные? Конечно, в религии, в патриархальных верованиях. Прежде всего у богини моря Тин Хау.

Про богиню в Абердине знают все. Она родилась на восьмой год правления императора Яен Ю (он правил в конце одиннадцатого столетия). Уже в раннем возрасте Тин Хау проявила удивительную способность: она могла предугадывать наступление шторма. Девушка умерла, когда ей исполнилось всего 20 лет. Но она успела стать настолько известной и любимой «людьми моря», что каж-

дый год в 23-й день Луны устраивается праздник в ее честь.

В этот день проводится красочный парад в бухте в честь своей покровительницы. Люди выходят на берег, чтобы посетить храм Тин Хау. Это низкое здание под плоской крышей выглядит, на мой взгляд, скромнее других храмов. Внутри душно: воздух переполнен ароматом согрет тлеющих палочек. Тысячи людей идут к храму со своими подношениями — цветами, жареной свиной, ракушками. Каждый боится опоздать, ибо дух Тин Хау по праздникам посещает храм всего на три дня.

После праздника люди прячут выходную одежду до следующего года.

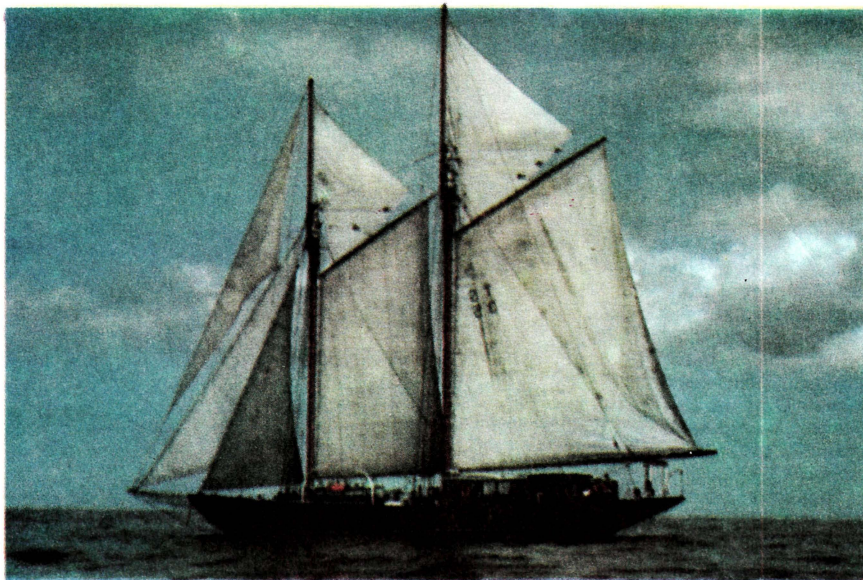
Переступив порог храма Живого Будды, я невольно замурился — кругом тысячи зеркал. По обычаю, сюда приходят люди, которые избежали смертельной опасности, излечились от тяжелого недуга, избежали петли. В знак благодарности, в виде

жертвы, они ставят не свечку и не душистую палочку, а зеркальце. Сюда, кстати, вход людям с лодок запрещен. Не законом, конечно, а обычаями.

Находясь в Гонконге, я не мог пропустить и храм Ман Мо. Ведь Ман Мо — бог чиновников, государственных служащих и писателей. В этом храме мне предложили приобрести талисманы. Те, что для чиновников, — оберегали от соблазна протянуть руку за взяткой, а для журналистов и писателей?.. От каких, интересно, бед в этом случае?

— Избавляет от дурных издателей и помогает пройти цензуру, — объяснили мне...

Ион Тай уже тянула меня за рукав, показывая на часы и объясняя, что времени в обрез — можно опоздать на речной трамвай, отбывающий из Бухты ароматов.

Мы были не первыми, кто пересек Атлантический океан под парусами. Но в этом плаваньи, организованном прошлым летом американской группой «Советско-американский парус» и советским клубом «Путешествия в защиту мира и природы», впервые люди разных национальностей шли под парусами через океан под лозунгом «Все мы в одной лодке». Встретившись на небольшой голландской шхуне «Те Вега» («Прекрасная Звезда»), интернациональная команда выдержала в течение сорока с лишним дней плавания все штормы и невзгоды и, отстояв почти сотню вахт, прибыла из Нью-Йорка в Ленинград. Люди разных убеждений нашли общий язык по главным вопросам борьбы за мир и жизнь на Земле, вместе проводили во время плавания экологические исследования — доказали, что способны жить в мире и трудиться на его благо.

Знакомство наше началось в Нью-Йорке, куда советские участники экспедиции прилетели в конце мая и откуда мы всей командой отправились в поездку на арендованном американцами автобусе по городам восточного побережья.

В. ЛЕБЕДЕВ,

участник плавания на шхуне «Те Вега»

Фото Д. МАРТЫНОВА

БЕГ РЕКИ

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДЖЕЙКА НЬЮХАУЗА — НОВОГО АМЕРИКАНЦА

В разноязыкой толпе Нью-Йорка его нельзя было не заметить. Джейк выделялся в толпе, как айсберг в океане. Не сгибаясь под грузом двух рюкзаков, он мерно вышагивал на длинных ногах, не отвлекаясь ни на секунду на пестрое мельтешенье вокруг, лишь с добродушным снисхождением поглядывал из-под соломенной шляпы сельского жителя, чтобы, не дай бог, задеть кого-либо ненароком.

Его наряд не претерпел изменений на всем протяжении нашего сухопутного путешествия. Если все прихорашивались, готовясь к встрече с чопорным Капитолием, то Джейк невозмутимо оставался в клетчатой рубашке и шортах, меняя их прохладными вечерами на джинсы и свитер. Лишь на шхуне «Те Вега» после нашего отплытия из нью-йоркского порта Джейк украсил свои узкие бедра ковбой широким кожаным рем-

нем с ножнами для шила и ножа да соломенную шляпу менял в непогоду на беретик, чтобы удобнее набрасывать на голову капюшон штормовки. Он даже ухитрился лазать по вантам в том же самом наряде, в каком разгуливал по Вашингтону.

Нас с Джейком впервые свела ночевка в пригородном двухэтажном домике, куда мы прибыли на машине Бет Груп прямо после осмотра Капитолия, где Бет трудится в канцелярии сенатора Эдварда Кеннеди. Когда втащили на второй этаж в небольшую кухню пакеты с фруктами к ужину, выяснилось, что мы попали в дом, который снимают четверо молодых служащих.

— Такой большой дом содержать одному дорого, да и зачем? — улыбнулась Бет. — Вот и живем коммуной, так дешевле и веселее.

Для сна нам отвели полупустой холл внизу, и тут я понял, зачем Джейк таскает всюду свои рюкзаки.

Из большого он вытянул спальный мешок, из маленького — туалетные принадлежности, и стал основательно устраиваться на ночлег.

Так же заботливо он вил свое гнездо на шхуне, в форпике — носовой каюте: вешал полотенца, раскладывал на полочке какие-то пузырьки и тюбики с кремом. Наши койки были рядом, и у Джейка всегда можно было одолжить все, что угодно: от бритвенного лезвия до резинового клея. Спал он нагишом под одной простыней, несмотря на холод и сырость.

Наблюдая за ним, я подумал, что такого бывалого человека надо держаться, с ним не пропадешь. «Охотник или путешественник, не иначе», — решил я.

Иногда Джейк Ньюхауз (многозначительная фамилия, не правда ли, — по-русски «новый дом») доставал из-под подушки зацеллофаненный альбомчик с фото и подолгу рассказы-

вал о себе, философски рассуждал о близких, о природе, об Америке.

В первый же вечер в Вашингтоне, заметив мое повышенное внимание к жизни «коммунаров», Джейк заявил:

— Я тоже живу в коммуне, — затем лукаво усмехнулся и добавил: — У нас в доме собрались молодые мужчины, женщины и дети — нам очень хорошо вместе...

ДОМ-КОММУНА «РИВЕРРАН»

Имя свое дом получил по названию протекающей в полукилометре речки «Риверран», которое можно перевести как «Бег реки». Лет пятнадцать назад запущенную ферму в лесной стороне штата Нью-Хэмпшир с куском земли и лесом приобрел один веселый человек, но однажды задумал пуститься в кругосветное плавание и продал ее, чтобы построить яхту, а в итоге отправился по той же Риверран на каноз.

После него партнерами по найму стали Сюзанна Кинг и Питер Гранучи, оба художники. Питеру хотелось жить на природе, где ему лучше всего удавались пейзажи и портреты. Под студию-мастерскую он купил соседский сарай и перенес его поближе к дому. После того как его картины получили награды на выставках в Бостоне и Нью-Йорке, посыпались заказы. Питер пишет картины целыми днями и еще успевает обучать в студии молодых художников.

Сюзанна Кинг до встречи с Питером золотила рамы, изготавливала багеты, а теперь построила студию на берегу речки и много рисует. Она специально написала картину перед плаванием «Те Веги» и все полученные деньги после продажи литографии вложила в это путешествие.

Сюзанна приехала в Нью-Йорк проводить Джейка. Светлоглазая, русоволосая, она участвовала в приборке на шхуне, старалась чем могла помочь путешественникам.

Так принято в доме-коммуне, где живут в согласии очень разные люди. Ведь содержать такую ферму не под силу двум художникам, и «Риверран», как терем-теремок, набит жильцами, которые все вместе выплачивают аренду за дом.

Джейка в путешествие собирали тоже всей коммуной. Особенно отличился Джеймс Хоуш — чужак даже в представлении «коммунаров», — из любви к одиночеству переселившийся из общего дома в лесное бунгало. Он подарил Джейку шапочку, собственноручно связанную из «шерсти мира»: половину ниток он заказал в СССР, а вторую половину купил в Америке — получилась великолепная «мироворческа» шапочка.

Больше всего Джейка потрясло, что персонально ему посвящали ежегодный «коммунарский» праздник весны. Пришли друзья и знакомые со всей округи со своими угощени-

ями. Устроили ярмарку-продажу разных поделок и, конечно, картин и рисунков, выручка от торговли которыми предназначалась в «фонд Ньюхауза».

Музыкальную часть подготовили жильцы-студенты, приверженные стилю «кантри».

Деби Рейни не только обучается музыке в колледже, но и сама преподает теорию музыки в детской школе. Ее главный тезис: развивать воображение у детей, убиваемое современными компьютерными играми. Мишель Минегаз и Ричард Грумбайн, прекрасные музыканты, приверженцы «зеленых», состоят в организации «Земля — на первом месте», даже сами где-то в Калифорнии подсыпали сахар в бензин, чтобы машины не могли валить и вывозить лес.

Но в центре внимания на празднике, кроме Джейка, был великолепный танцор — шотландец Крис Малкольм, или «Крис из шатра», — он построил отдельную спальню из досок, весьма напоминающую юрту.

Все эти ребята поют в университетском хоре в ближайшем городке Кин. А как они танцуют! Джейк просто обалдел, когда встретил здесь знатоков танцев «кантри», которые до сих пор популярны в его родных Аллеганских горах.

Зрители захлебывались от восторга, когда высокие, красивые танцоры попарно выстроились в две линии и ударили каблуками об пол.

А что было, когда Лукас (сын художника Питера) сел за рояль, а Джессика (дочь пианистки Деби) взяла флейту, и остальные дети, съехавшие сюда на праздник в честь дяди Джейка, тоже не ударили в грязь лицом.

Стоит сказать пару слов, откуда в коммуне дети. Разводы, брошенные дети, подростковая наркомания и проституция — боль благополучной Америки. Об этом мы не раз беседовали на шхуне. Джейк считает, что детям его друзей-«коммунаров» крупно повезло.

— В своих склоных семьях дети учатся лицемерить и ненавидеть, — чеканит Джейк свое «моралите», — из нашего дома их просто не выгонишь — только на природе и в труде может вырасти здоровый человек.

Да, эти дети из распавшихся семей, а в счастливом доме «Риверран» все «в разводе», кроме студентов и Джейка («У меня много еще дел и... сердце молчит», — признавался мне как-то Джейк в палубных сумерках на шхуне).

В «Риверран» нравятся всем детям, а их немало — у одной только Полы Ханрихан (терапевт, применяющая при лечении больных музыку, живопись; поддерживает организации, борющиеся за мир) два сына — Джо и Джон. Они с удовольствием проводят здесь целое лето или зиму, смотря по тому, как договорятся родители. И привлекает их, что уж

совсем невероятно, не только свобода, но и возможность выбрать занятие по душе. А работы здесь хоть отбавляй — «коммунары» обслуживают себя сами. Таков принцип проживания в «Риверране».

Не случайно «коммунары» выбрали для своей жизни дом над рекой: приволье, лучший воздух и вода в мире; с ночного неба смотрят звезды, и нет слепящего света автомобильных фар; и тишина, что нынче дороже золота.

Многие из жильцов не терпят спиртного (Джейк говорит, что зачастую алкоголя просто не бывает в доме, разве что пиво), есть и вегетарианцы, а остальные избегают есть говядину. Поэтому «коммунары» содержат кур и коз.

Для детей здесь широкое поле деятельности, тем более, есть еще кошки и собаки. Кто любит покопаться в земле — пожалуйста, свои огороды и цветники. На участке выращивают «чистый» продукт, без использования всякой химии.

Закупка продуктов не проблема. Мясо и консервы берутся в знакомых магазинчиках оптом и загружаются в холодильники, чтобы месяц не думать о питании, а кроме того, так дешевле получается.

Подчас дети не выдерживают однообразия — «Опять надоевшие бобы!» — и расклеивают протестующие листовки на всех стенах. Тогда устраивается сладкий детский день, обычно в среду. Кто же любит лакомства — покупает их себе сам. Джейк, например, обожает мороженое.

Когда у причала в Нью-Йорке в трюмы шхуны загрузили синие коробки с мороженым (подарок фирмы), Джейк не успокоился, пока все не съели.

Каждое второе воскресенье месяца «коммунары» собираются для обсуждения всех проблем, делаются своими бедами и радостями, разговаривают и дискуссии: о защите мира и окружающей среды; об одиночестве и наркомании; о местном самоуправлении и традициях аборигенов.

Вообще в доме «Риверран» не скучают. Здесь четкий график домашних работ: видно сразу, кто и когда моет посуду, кто пылесосит, а кто косилкой ровняет газон.

Только Джейка Ньюхауза нет в этом списке. Он один не платит за жилье и питание. Почему? У Джейка золотые руки. Он на шхуне был и за механика, и за боцмана. Ему доступно все: моментально подберет нужный болт или гайку, зашьет парус, разведет краску любого оттенка. Правда, когда Джейк заклеил мои порвавшиеся кроссовки, в его чистых и наивных глазах мелькнула тень недоумения: мол, как ты не можешь сам сделать такую чепуху?

В доме-коммуне три дня в неделю Джейк вкалывает за еду и жилье в прямом смысле. Он заготавливает и рубит дрова, благо к старой ферме прирезан участок леса под сто

гектаров. Бревна привозит из леса на грузовике сосед. Дров на зиму только припасай: две кухни в доме, на газовых плитах хозяйки готовят еду, а Джейк выступает в роли истопника. Нелегко это — в холодные дни натаскать дров на четыре печки. Но зато какая блаженная истоста овладевает по вечерам у огня, как приятно время от времени ворошить кочергой головешки и чувствовать живое тепло чугунной печки...

В долгое наше плавание через океан Джейк Ньюхауз частенько доставал альбомчик с дорогами его сердцу снимками, с удовольствием вспоминал свою коммуны и ждал встречи с ней.

Я сочувственно кивал головой и как-то спросил:

— Джейк, но у тебя есть ферма. Разве не хочется вернуться в родной дом?

ПО КАМЕННОЙ ДОРОГЕ

Джейк помнит тот день, когда он уходил с родной фермы в предгорьях Аллеганских гор, к югу от озера Эри. Отец с матерью смотрели с крыльца ему вслед, никто из них не думал, что теперь старший сын, опора в большом хозяйстве, будет лишь изредка навещать свой дом. Джейк уходил в иную жизнь по дороге, где каждый камень был знаком ему с малых лет. На ней он падал и ушибался, когда гонял мяч с кузенами, по ней отец отвел его первый раз в школу, по ней он провозжал кузину на соседнюю ферму.

— Дорога вымощена местным камнем вон с того карьера, — и узловатая ладонь отца тыкала в сторону ближайшего горного склона, — камни таскал твой прадед-шотландец, а довел дорогу до шоссе дед-голландец, чью фамилию ты носишь. Сто лет назад сюда приехали переселенцы, за несколько поколений укрепились община. Мы привыкли дружить с соседями и помогать друг другу в трудную пору. В этой земле лежат твои предки — все честные люди и работники. Будь таким же...

Отец смолоду в округе звали «сын природы». Его обычным приложением было: «дойти и рубить». Земля, ферма были его любовью, а не просто надоедной обязанностью, средством к существованию. Никто из соседей не удивлялся, что он охотно отправился на войну — чувство опасности, грозившей его ферме, послало его на фронт. Побывав в Англии и Франции, став радистом, он не соблазнился приглашениями пойти на завод, хотя промышленность переживала тогда бум. Отец вернулся в свои горы.

Все знакомые удивлялись, что отец не расширяет земельный надел, не увеличивает ферму, не вводит новую технологию, что тогда было модно. На их ферме как было сорок пять коров, так и осталось. Но зато это

была лучшая по надоям и качеству молока ферма в округе. Отец всех коров знал по кличкам и сам управлялся по хозяйству, никого не хотел нанимать. Конечно, трудилась вся семья. Задавать корм коровам, убирать навоз, доить — это было Джейку привычно с детства. Мать умела делать все по хозяйству, а когда отец уезжал на охоту, она спокойно садилась на трактор.

Но, конечно, выпадали светлые, праздничные дни. Джейк особенно любил вместе с матерью варить кленовый сироп. Он с отцом надрубал кору клена, вставлял трубочку — и через день-другой ведро было полным сока. А пока сок потихоньку капал из трубочки в ведро, Джейк заготавливал дрова для печи. Только мать в совершенстве владела секретом приготовления кленового сиропа. Надо было кипятить сок в меру, чтобы сироп не был жидким и не загустел. Если же сделать сахар, то тоже нужно было следить, чтобы он не превратился в камень. А какой заманчивый аромат плыл по дому!

Домашний кленовый сироп полюбили Джейку навсегда. Даже на шхуну он прихватил несколько пластмассовых кувшинчиков этого знаменитого сиропа, правда, из супермаркета.

— Семья наша не из бедных, но все постоянно трудились. Я привык к тяжелому фермерскому труду и с тех пор уважаю любого мастерового. — Джейк стоит на палубе и бережно трогает широченными ладонями в рубцах от судовых снастей полированные бока мачты. — Меня с детства приучили уметь зарабатывать и экономно жить. Еще больше я стал с сочувствием относиться к трудящемуся человеку, когда прочел книгу Уэндела Берри «Расселение Америки». Автор выступает против всяких торгашей и корпораций, которые раньше распродали золото и меха, а сейчас — оружие и наркотики. Берри призывает беречь землю, деревья, птиц, которые созданы для блага разумного проживания людей. Его принцип: «Быть верным земле и честным». Такими были мои родители.

С матерью Джейк ходил каждое воскресенье в протестантскую церковь. Но уже подростком его больше влекло в горы, на природу. Когда исполнилось 19 лет, встал вопрос о службе в армии. Он перечитывал библейские заповеди, и христианская мораль, единение с природой отвращали его от насилия над человеческой натурой, от подчинения и армейской казенщины. А тут еще все большее возмущение вызывала вьетнамская война.

Сумятица души требовала какого-то прояснения, выхода, и Джейк, несмотря на свою любовь к физическому труду, решил учиться дальше, в чем его поддержала семья.

Джейк со своими кузенами были представителями «здорового поколения» начала 50-х, за которым установилось название «бэби-бум».

Вместе танцевали и занимались спортивными играми, вместе записались на отделение искусства в институт технологии. Но Джейк смог выдержать в институте лишь первый год. Деревенскому парню было не по себе в ежедневной городской сутолоке. Если на ферме соседи любили встречаться, по долгу и со вкусом обсуждали все новости, то здесь он чувствовал себя чужим и никому не нужным, хотя и завел кое-каких знакомых. Бросил он учебу в один прекрасный день, когда случайно попал навстречу тысячному студенческому потоку, и никто не обратил на него внимания, никто не посмотрел в глаза. Кроме того, он понял, что призвание художника (Джейк хотел им стать) требует всех сил, полной отдачи, а он тогда не был готов к этому.

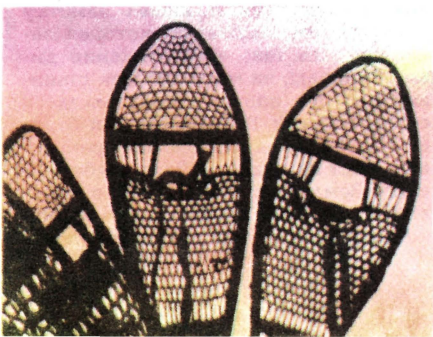
Как «совестный оппонент», в связи с нежеланием служить в армии, Джейк поступил на гуманитарные курсы в другой колледж. Но вот в 1972 году отменили закон о воинской повинности, и он, проучившись около года, уходит простым рабочим на мебельную фабрику. Однообразный труд вскоре надоедает Джейку, и он с другом отца заводит маленькую мастерскую, где столярничает, ремонтирует и строит новые дома.

За свою бродячую жизнь Джейк приобрел много профессий и, возможно, вскоре стал бы благополучным владельцем небольшого собственного дела, если бы не случай.

НА ОСТРОВЕ УРАГАНОВ

Двадцатилетний Джейк не задумывался, хочет ли быть моряком или нет. Хотя, став слесарем, он занимался мелким ремонтом на яхтах. Устроившись работать на известной в Балтиморе яхте «Леди Мэриленд» (потом Джейк будет с гордостью показывать ее нашей команде), он однажды прочитал рекламу курсов под названием, которое можно было перевести как «По дороге наружу». Есть такой английский морской термин, обозначающий путь судна из гавани в открытый океан. Недолго думая, он отправился по объявлению на побережье штата Мэн.

Курсы предлагали самый широкий выбор приключений для всех желающих обоего пола от шестнадцати лет и старше, лишь бы более-менее позволяло здоровье. Общая физическая тренировка со снарядами могучему Джейку, естественно, была ни к чему. Заинтересовали другие испытания: «соло» — новичок остается на несколько дней совсем один с запасом продуктов, где пожелает: в горах, в песках, в болоте или на острове, чтобы подумать о вселенной и своем месте в ней; походы и путешествия — морские, на каяках, пешком, от трех дней до нескольких месяцев; разные виды марафона — бег, велосипед, лыжи.

Джейк выбрал путешествие на яхте и не пожалел: учился вязать морские узлы, управляться со снастями, поднимать паруса и прокладывать курс судна. Дежурил на камбузе и с удовольствием нырял в ледяную воду.

Он овладел морским делом, а когда почувствовал, что кое-что умеет, отправился в Ньюпорт, где нашел хозяйина яхты, желающего ее перегнать во Флориду.

— Умеешь ли ты ходить по компасу? — задал единственный вопрос хозяин, скользнув взглядом по рослому Джейку, и нанял его на работу.

Это было волшебное плавание, когда им удавалось почти каждый день ловить ветер, когда ночевали на незнакомых пристанях, где с закоулков доносилась чудесная музыка, а по утрам приходили рисовать яхту художники. Дни были солнечные, ночи теплые. Джейк нежился под солнцем на палубе, и неторопливые мысли перекатывались в его голове. Он начинал понимать, что сам может в жизни выбрать подходящее дело по душе.

Во Флориде он занимался перегонять яхты в разные порты, пока не устроился на судно, где подросток учил парусному делу. Здесь он задержался почти на два года: понравилось бескорыстие общины, которая учила молодежь не только морскому делу, но и воспитывала трудолюбие и ответственность. Судно это было старой постройки, деревянное, традиционной оснастки, даже на паруса пошла настоящая парусина, а не синтетика.

Джейк чувствовал, что морские приключения все больше захватывают его, и блаженствуя как-то на пляже Мартиники, решил: «Баста, надо вернуться снова в университет, посмотреть, что происходит с миром».

Он выбрал в штате Кентукки небольшую, но известный колледж Бера, где студенты могли вечерами работать, оплачивая только проживание и еду, а учились бесплатно. Поэтому тут было много иностранцев. Джейк с любопытством присматривался к африканцам и студентам из Азии, их быту, привычкам, увлекся восточной философией.

Здесь же Джейка догнал письмо из штата Мэн с приглашением на работу инструктором на те самые курсы, где он уже побывал. С тех пор, с 1981 года, Ньюхауз возобновляет ежегодно контракт со школой на острове Ураганов и плавает три месяца вдоль побережья, поднимаясь иногда вверх по рекам. За эти годы он стал профессионалом, настоящим «морским волком».

— Зачем тебе такая хлопотная работенка: опасно да еще за салаг отвечать? — подтруниваю я над Джейком в один из свободных вечеров в форпике на «Те Веге».

Джейк недоуменно чешет свою отросшую за плавание дон-кихотскую бородашку, снова лезет в свой малый

рюкзак и вытаскивает пачку писем.

— Это от них, зеленых моих питомцев, — улыбается Джейк, — вырывают восторги и благодарят. Хочешь посмотреть?

Я перебираю листки, исписанные быстрым почерком и напечатанные на машинке, адресованные инструктору Ньюхаузу.

Карен Бекер из Флориды: «Надоело ездить в молодежные лагеря, частные и общественные, хотя они разного профиля: культурные, спортивные и т. д. Там занудная обстановка и все что-либо тебе советуют. А на острове Ураганов я была свободна и самостоятельна. Плавать под парусами — это не шутка.»

Все ребята пишут, что осточертели суэта, комфорт, однообразная жизнь, механическая работа. Теперь у них в памяти остались спуск по рекам на каяках, зимние походы на лыжах и снегоступах. Ребята похудели, перестали бояться холода и воды, могут залезть на скалы и провести ночь в одиночку в лесу. Кроме того, занимаются полезным трудом: очищают лес от мусора, следят за чистотой на острове.

Джордж Ньюбауэр, директор клубов для подростков, сообщает, как изменились ребята после плавания: «Они отдохнули и загорели, а ведь дети из бедных семей не знали таких удовольствий. Главное — некоторые бросают курить, пить, принимать наркотики. Причем курсы твои, Джейк, обходятся гораздо дешевле, чем стационарное лечение».

Мать наркомана из штата Миссури благодарит за сына, употреблявшего со школы кокаин, как, впрочем, 70 процентов детей в поселке Канзас. Парень отказался теперь от наркотиков и поступил на работу.

Ланс Уэб из Вермонта: «Морское путешествие многому научило, очень нас сблизило. Я начал ценить труд других, уважать свою семью. Мы с ребятами влюблены в океан».

Пока я перебирал письма, Джейк рассказывает, как зародилось движение «По дороге наружу».

Считается, что движение существует 25 лет. Но это только в Америке, на побережье штата Мэн. Настоящий его основатель Курт Хайнц, немецкий учитель, сидевший при фашизме в тюрьме и бежавший в Шотландию. Там он организовал школу для обучения плаванию, правилам безопасности на море для молодых матросов. Он считал, что подобные школы, приучающие молодежь к труду, самостоятельности, пробуждающие у них активность, товарищество, спасут новые поколения от пороков современного общества: бездействия, наркотиков, преступности. Он всегда был за равенство и справедливость. Однажды, когда его пригласили на соревнования по бегу между двумя шотландскими школами, Хайнц заметил, что дети одной команды босые. В этой школе учились дети бедняков. «Пусть

все снимут туфли — условия соревнования должны быть одинаковы для бедных и богатых, — распорядился он, — мы все равны от рождения...»

— На острове Ураганов новыми программами руководит Роберт Роу — очень достойный человек, бывший армейский полковник, прошедший вьетнамскую войну, а ныне активный борец за мир. — Джейк сделал паузу, усмехнулся и продолжал: — Нынешней осенью он с другими вьетнамскими ветеранами будет встречаться с вашими «афганцами». Роу дал деньги и на экспедицию «Те Веги». Он заботится о программах для ветеранов, людей потерпевших крушение в безумной гонке современной жизни. Морские приключения Роберт рассматривает как терапию для излечения стрессов, шока, психических расстройств. В центре внимания — «трудные подростки», особенно состоящие под надзором полиции или находящиеся в предварительном заключении. Им очень помогают, например, экспедиции на каноэ по болотам на полном самообслуживании, конечно, под присмотром инструкторов. Это самая эффективная и дешевая программа (требующая намного меньше денег, чем тратят на малолетних заключенных в тюрьмах) для воспитания молодых ребят. Правда, девушек, жаждущих приключений, с каждым днем все больше — их уже около половины всех участвующих в путешествиях.

Ты говоришь об опасностях. А на улице большого города их меньше? За все 25 лет существования школы погиб только один мальчишка, на реке, по собственной неосторожности. Служба безопасности у нас отменная. Я сам состою в контрольных группах, когда ребятам дается самостоятельное задание.

Джейк умоляет, вчитывается в строки писем ребят, которым он помог найти путь к здоровой, увлекательной жизни, а иногда и спас от преступлений.

Я чувствую, что он уже выходит из бухты острова Ураганов на яхте с юной командой, послушной своему капитану.

— Поднять паруса! — командует с мостика Джейк. И белоградная яхта взмывает на гребень океанской волны.

ЗЕЛЕНЕ И ГОЛУБОЕ

В одном из американских журналов путешествий я нашел заметку с портретом Ньюхауза, которая заканчивалась так: «В окружении дикой природы, на море человек становится лучше, поэтому я плаваю здесь с подростками. Вечный океан и берег штата Мэн — одно из самых прекрасных мест на планете. Важно уберечь нашу Землю от разрушений и гибели». Эти строки писались в то время, когда Джейк в 1985 году принял ре-

шение окончить университетский курс по вопросам окружающей среды и стать магистром в Антиохе, штат Нью-Хэмпшир.

С тех пор он поселился в доме-коммуне «Риверран», а для поездок в Антиох купил за тысячу долларов старенький «фольксваген», похожий на маленького жука. Вскоре первый собственный автомобиль сослужил хорошую службу. Джейк выбрал в университете программу сохранения почвы и, откликнувшись на предложение «Общества для защиты лесов штата Нью-Хэмпшир», отправился на машине составлять карты защищенных земель.

Интересна история этого общества, организованного еще в первой половине XIX столетия, как ни странно, местными бизнесменами для защиты своих владений от стихийных бедствий вроде наводнений и пожаров.

Сейчас штат делится на несколько самоуправляемых районов-графств, объединяющих в себе города, деревни, леса.

И Джейк на своем лимузине стал петлять по дорогам этих графств, чтобы нанести на «защитные» карты исторические места, красивые деревни, где сохранились национальные традиции, а также богатые почвы, редкие породы деревьев и кустарников, пущи, родники и даже болота.

Джейк составил карту исторических памятников и природных заповедных мест. Его воодушевляла мысль, что именно на их защиту конгресс штата отпустил приличную сумму денег, проведя год назад специальный закон. Но в то же время вскоре он убедился, что осуществлению хорошего дела мешают местные бизнесмены, владельцы предприятий, которым невыгодна защита окружающей среды, если это вредит их деловым интересам.

Так Джейк стал понимать, кто друг, а кто враг природы. Он убедился, что спасти землю и воду можно только всем вместе.

Ньюхаузы все умели делать своими руками, и Джейк в скором времени организует предприятие по переработке твердых отходов. Джейк настолько гордится своим первым предпринимательским шагом, что хранит в своем альбомчике фотографию, где он в позе победителя на фоне горы консервных банок держит в руках лопату.

В это же время Джейк вступает в международную лигу «Протестующих против войны» — старейшую организацию пацифистов, созданную еще в первую мировую войну. Из знакомого мне рюкзака он извлек значок и наклейки с изображением двух рук, ломающих винтовку, — эмблемой этой антивоенной организации. Они хранились вместе с антимилитаристской картой, составленной самим Джейком.

Одному Джейку ведомы пути, как он выведет, что «Центру за мир» в штате Массачусетс требуется платный работник, но он вовремя прибыл туда на своем «жуке». Вначале ему поручили составлять письма, листовки, затем он занялся газетой, а отличился Джейк в кампании, разоблачающей антисоветские идеи известного фильма «Америка», выдержанного в духе «холодной войны». Джейк и сторонники мира выступали с демонстрацией правдивых фильмов о нашей стране (например, телефильмы «США — СССР») и устраивали выступления людей, побывавших в Советском Союзе. Телекомпания вынуждена была сделать некоторые купюры в «Америке», выбросив особенно лживые куски.

Только после этого он приступил к составлению карты штата Массачусетс, где со свойственной ему догадливостью запечатлел все компании, имеющие контракты с ядерной промышленностью. Особым знаком Джейк помечал предприятия, заключившие контракты на сумму свыше 200 тысяч долларов. Хотя конгрессмены этого штата считаются либеральными, выступают за мир, но по карте Ньюхауза вышло, что Массачусетс является третьим штатом в стране по ядерному производству. Это Джейк не преминул изложить в отдельной брошюре, которую также прихватил с собой в океан.

Пожалуй, антивоенное выступление Джейка Ньюхауза на шхуне было самым впечатляющим.

СТИХИ КУЗИНЫ

Книжечку стихов Катлин Тенпас «Ферма на холмах» Джейк не раз листал в свободную минуту в нашей каюте. Может быть, эту кухню провозжал Джейк в юности по каменной дороге на соседнюю ферму, где она и сейчас живет с мужем и детьми? Катлин пишет о своем деревенском детстве, о холмистых полях, где она

держала на ладони золотистые зерна и заблудилась в «полевых тоннелях кукурузы». Есть у нее стихотворение о старухе, пекущей хлеб, чей выцветший свитер знают все много лет, у которой умер муж и некому поправить упавший забор и вспахать землю. Увядание. Тяготы труда земледельца. Но в городе жизнь дороже. Разорение. И хочется стать рыбой и уплыть из этого тоскливого мира.

Возможно, это поэтический мир и только? Уже в конце плавания я снова спросил Джейка, не хочет ли он вернуться в предгорья Аллеганов.

— Конечно, там моя земля, мои корни. Отец уже умер, матери стало тяжело, часть фермы она продала зятю. Рядом живет бабушка, тетки — все будет рады моему приезду, — Джейк покачал головой и жестко отвел рукой свои же доводы, — но что там буду делать я?

В родных местах проблема не с защитой природы, а с поисками работы. Два года назад Ньюхауз заходил в свой бывший колледж и говорил об охране окружающей среды с директором.

— Мы все обрадовались бы строительству любого предприятия — лишь бы людям предложили работу, — ответил тот.

В США многие районы, конечно, богатеют, а некоторые, в том числе и родина Ньюхауза, являются «карманами бедности». Здесь часть хозяйств разорилась, мелкие фермеры обанкротились.

Переселение в родные места прервет связь Джейка с его деятельностью по защите мира и природы, невозможной станет работа инструктором на острове Ураганов.

В Новой Англии, где выше плотность населения и его образованность, Джейку и его друзьям легче осуществлять свои идеи по улучшению окружающего мира.

— Я мечтаю о своей земле, хочу построить по своим проектам коттедж, — задумчиво говорит Джейк, — но исполнятся ли мои мечты? Коммуна «Риверран» тоже прекрасна для жизни: вокруг нетронутая красота, сохранились дикие звери, но главное — собрались хорошие люди, близкие мне по духу. Там мой второй дом...

Когда на шхуне «Те Вера» объявили вечер поэзии, я заметил, как Джейк тщательно готовится к нему: надел свежую рубашку, побрился, даже поодеколонился. Очень торжественный, он направился в кают-компанию и, дождавшись затишья, прочел любимое свое стихотворение Карла Шурца:

«Идеалы как звезды. Тебе не удастся до них дотронуться. Но, как моряк в океанской пустыне, ты выбираешь их маяками и, стремясь к их свету, достигнешь своей цели».

Нью-Йорк — Атлантика — Ленинград

Муравьи на тропе войны

Шолночь. Тучи заволокли луну. Прохладному ветру с юга почти нечем шуршать — растительность североамериканской пустыни Мохаве скудна. Попискивают кузнечиковые мыши, с визгом сцепились что-то не поделившие кенгуровые крысы. А тем временем уже выполз на охоту и подкарауливает и тех и других песчаный гремучник. Но что значит эта борьба за существование в сравнении с незаметными для нас трагедиями в мире иных масштабов — в муравейнике. Лучик света маленького фонарика, закрепленного на голове, помогает ученому-мирмекологу в работе.

Одного только наметанного взгляда бывает мало, необходим еще и удачный случай, чтобы человек мог подглядеть такой, например, полный драматизма момент: на бегу столкнулись два муравья — рабочий и бродячий. Они вмиг оцупали и обнюхали друг друга — и кинулись в разные стороны. Рабочий муравей-фуражир мчит в родной муравейник оповестить, что кормовая дорожка, меченная его запахом, принесет семье страшную беду: по ней в муравейник нагрянут орды прожорливых врагов. Разведчик бродячих спешит сообщить об успехе своей разведки и сколотить походную колонну для грабительского набега. Мобилизация происходит стремительно: войны стекаются тысячами, и через считанные секунды армия в сто тысяч челюстей устремляется в сторону обреченного муравейника.

А там — паника и столпотворение. О сопротивлении и не помышляют — противник крупнее, его челюсти мощнее. Хозяева в ужасе спасаются бегством, прихватив яйца, личинок и куколок. Тем временем к их жилищу приближается враждебная лава (рискнем употребить это слово, напоминающее разом и о кавалерийском атакующем строе, и об извер-

жения вулкана). Грабители не преследуют нагруженных беглецов: много ли те спасут? В глубинах муравейника добычи останется столько, что не унести!

Спустя четверть часа рейд завершен. На целых пятнадцать метров растянулись отряды победителей, сгибающихся под тяжестью трофеев. Они спешат к своему походному гнезду.

Из пятнадцати тысяч видов муравьев подобным варварским ограблением чужих жилищ живут около трехсот. Бродячие муравьи по-своему подходят к необходимости прокормить прорву ртов. Для прожорливых маленьких хищников не подходит планомерный сбор съестного, как это делают, скажем, муравьи-жнецы или древоточцы. Бродячим муравьям подавай большие запасы пищи. А где их взять, как не в чужом муравейнике? К тому же там протеины, жиры, витамины и минеральные вещества удобно «расфасованы» в яйца, личинки и куколки.

В умеренных широтах бродячие грабители царства насекомых встречаются редко, небольшими семьями. Лучше всего им живется в Южной и Центральной Америке и в Африке. У бродячих муравьев два отличительных признака. О первом говорит само их название: они время от времени — а некоторые виды с неизменной регулярностью — перемещаются на новое место обитания, когда на старом оскудевает добыча. Такая кочевка — впечатляющее событие. Взрослые муравьи перетаскивают весь «скарб» семьи на многие сотни метров — по муравьиным масштабам это великое переселение.

Вторая особенность бродячих муравьев — умение вмиг мобилизоваться для сокрушительного набега. Рабочие муравьи питаются в основном растительной пищей или по-

гибшими насекомыми. А добыча их бродячих собратьев, как правило, живая и оказывает отпор. Чтобы одолеть ее, требуется точно скоординированное нападение сотен, а то и тысяч муравьев. Эти навыки организованных нападений оборачиваются и против оседлого муравья.

Тактические приемы бродячих муравьев разнообразны. Одни охотятся исключительно ночью и высылают из гнезда только ударную колонну. Другие — к примеру, тропические эщигоны, наводящие ужас даже на млекопитающих и людей, — охотятся днем и наступают всепожирающим многометровым фронтом. Чтобы захватить чужой муравейник врасплох, бродячим муравьям необходимо нападать как можно неожиданней — и для этого стремительно собираться в походную армию. Как же они добиваются столь быстрых и сплоченных действий?

Недавно американские биологи из Коннектикутского университета уточнили, как происходит мобилизация у бродячих муравьев. Муравей-разведчик во время осмотра местности оставляет за собой пахучую дорожку, все разведчики снуют туда-сюда по своим и чужим меченым путям. Пока все так же, как у рабочих муравьев. Но вот разведчик наталкивается на добычу, с которой можно справиться только общими усилиями. Он немедленно мчится к своему гнезду. При этом ему совсем не обязательно останавливать каждого встречного собрата и «рас толковать» план предстоящей операции. За него это делает специальный «феромон рекрутирования», который он начинает выделять взамен обычного феромона. След разведчика теперь становится сигналом к мобилизации — тот муравей, который натывается на такую дорожку, тотчас бросает все свои дела и ведет себя так, словно это он обнаружил ценнейшую добычу и, в свою очередь,

ЗАПАДНЯ ДЛЯ МАМОНТОВ

Городок Хот Спрингс в штате Южная Дакота, известный когда-то благодаря термальным источникам, испытал вторую волну известности: у въезда в город обнаружено огромное кладбище мамонтов, возраст которых около 26 тысяч лет. Группа ученых под руководством палеонтолога Ларри Агенброта из университета Аризоны откопала уже 43 полных скелета предков слонов, и исследователи надеются найти еще около 50 животных. Этих мамонтов погубила жажда: их привлекла теплая ключевая вода, которая накопилась в огромной воронке и не замерзла даже зимой. Спустившись к источнику, десятитонные гиганты не смогли выбраться из котлована по скользким склонам и умерли от голода.

Исследовав останки животных, Агенброт выяснил, что это были молодые мамонты. Скорее всего, считает ученый, они вышли из-под контроля старших, более опытных животных, не смогли распознать смертельной опасности и стали жертвами собственной неосторожности.

ОРЕЛ С НОГАМИ СТРАУСА

В самом начале нашего века шведские полярники обнаружили в Антарктиде породы, свидетельствующие о том, что некогда там прошла своя каменноугольная эпоха, то есть царствовал тропический климат с буйной растительностью. Однако потребовалось полвека, чтобы предположения специалистов подтвердились. Ученые никак не хотели признавать временный характер ледяного панциря.

Последней сенсацией стала находка скелета гигантской птицы, о существовании которой на Земле ученые даже не предполагали. Современный орел выглядит в сравнении с ископаемой «птичкой» простым воробьем. Высота пернатого геркулеса — 3,6 метра, он имел вес молодого слона, чрезвычайно высокие ноги и большую, чем у лошади, голову. Удивительно, но она заканчивалась орлиным клювом. Птица была явным хищником, способным разрывать мясо своих весьма солидных жертв.

Однако во время раскопок совместной южнополярной экспедиции специалистов США и Новой Зеландии обнаружен был далеко не полный скелет птицы, названной первооткрывателями «разбойником в перьях».

По мнению палеонтолога Майкла Эдборна, птица, возраст которой оказался 46 миллионов лет, напоминала орла и страуса одновременно и не могла летать. Короткие крылья лишь помогли бегу на мощных длинных ногах. Скорее всего грозный хищник охотился на мелководных озерах.

Словом, речь может идти об очень большой ископаемой птице нового вида, еще не встречавшейся науке. Возраст необыкновенного крылатого существа прямо говорит о том, что перед современными учеными оказался потомок одного из звероящеров.

на бегу к цели метит путь «феромонной рекрутирования». И поскольку муравьиные маршруты невероятно перепутаны, то — быстрее, чем вы прочтете это объяснение, — тысячи муравьев включаются в армию.

Иногда в результате такой слепой химической мобилизации войско оказывается чрезмерно большим. Муравьи, оставшиеся не у дел, образуют резерв, который толчется возле места битвы или грабежа, готовый прийти на помощь или быть на подхвате — на случай богатых трофеев. Если рейд завершен без помощи резерва, муравьи не разбегаются для обыденного поиска новой пищи, а с нерастроченным пылом, колонной устремляются за добычей, достойной коллективного нападения.

Что особенно важно: «феромон рекрутирования» менее устойчив, чем тот, которым метят обычные разведывательные дорожки. Да он и не нужен надолго, иначе, организовав стремительную атаку, он после этого будет попросту посылать новых «рекрутов», как говорится, после драки кулаками махать.

Но, несмотря на столь эффективный механизм мобилизации, бродячие муравьи не всегда столь удачливы, как во время описанного ночного рейда в пустыне Мохаве. Иногда их набеги заканчиваются ничем. Ведь и жертвы, так сказать, не лыком шиты: паникуют и трусливо разбегаются далеко не все, многие виды трудолюбивых муравьев преуспели в искусстве обороны.

Пустынные муравьи-жнецы, к примеру, на ночь заваливают вход в свой муравейник камушками. Другие виды жнецов более самонадеянны — вход оставляют открытым, даже если по ночам не работают вне муравейника, и заваливают его только при приближении врага. Есть жнецы, которых природа и размером не обделила, и вооружила хорошо. Те вообще не замуравываются от агрессора, а смело контратакуют. На ночь они выставляют у входа десяток-другой дозорных, которые в случае опасности вызывают сотни солдат, смело идущих в бой. Гибнут одни защитники — являющиеся новые. И так порой до утра, когда первые лучи солнца освещают тысячи перекушенных и обезглавленных трупов защитников и нападающих, устилающих пространство перед муравейником. А муравьи-медосборщики употребляют еще и химическое оружие: укусив противника, впрыскивают ему в рану губительную кислоту. Те, у кого челюсти послабее, спасаются бегством.

В муравейнике кампонотусов, созданном в лаборатории, ученые проводили три опыта. Выпускали поблизости от муравейника одного бродячего муравья, полсотни бродячих и, наконец, сотню древоотцов (таких же мирных, как кампонотусы, но соперничающих с ними в сборе пищи, отчего иногда возникают драки). На появление одного

бродячего муравья кампонотусы реагировали столь же бурно, как и на появление полусотни: приступали к организованной эвакуации всего скарба семьи — яиц, личинок, куколок. Они знали, что одного бродячего муравья не бывает — он приведет за собой тысячи. А на древоотцов хозяева муравейника никак не реагировали. Механизм, исключая ложную панику и позволяющий отличить бродячих мародеров от всех остальных, работает точно. Эвакуация должна быть только крайним средством — ведь она обозначает выход на открытое пространство, что небезопасно: пока уносишь ноги от бродячих налетчиков, как раз наскочишь со всем потомством и маткой на другую беду. Мало ли любителей полакомиться муравьем — и змеи, и скорпионы, и пауки-волки!

По организованности всех превосходят муравьи-фейдоле. При первом сигнале тревоги они только подготавливают семейное добро к выносу: личинок и куколок подносят к выходу и лишь малую часть — на поверхность. Повальное бегство не начинают до нового подтверждения опасности, словно надеясь на чудо: а вдруг того шпиона, который «засек» их муравейник, в тот же момент склонула птица или слизнула лягушка?..

Эвакуация чревата и другой опасностью: грабители зачастую остаются ночевать в разграбленном муравейнике. К следующей ночи они непременно двинутся дальше в путь, но куда деваться хозяевам до тех пор? В лесу, на горных склонах беженцы отсиживаются под палой листвой или крупными камнями. А как быть муравьям-фейдоле, которые обитают в пустыне? Ни листьев, ни камней, а остаться днем под прямыми лучами солнца — верная смерть! Фейдоле вырывают сразу пять-шесть жилищ в радиусе нескольких метров. По тревоге они разбегаются в запасные муравейники, а через день-другой собираются в одном из них. С обилием жилья связан и пока не объясненный полукочевой образ жизни этих муравьев. Примерно раз в неделю вся семья перебирается в новый муравейник, в какой именно — заранее предсказать нельзя. Зачем такие рискованные и хлопотные «переезды»? Может, для отработки приемов эвакуации? Или попытка сбить с толку разведчиков противника? Для тренировок — слишком накладно. Для обмана — наивно.

Это не единственная загадка в стратегии и тактике муравьиных войн. Секреты муравьиного военного искусства еще открывать и открывать. И в муравейниках, специально созданных в лаборатории, и в естественных условиях терпеливо склоняется с лампой ученый-мирмеколог, наблюдая за неслышными ночными войнами.

По материалам зарубежной печати подготовил В. ЗАДОРОВЫЙ

Очарованный странник наших дней

Он был истовым поклонником «музы дальних странствий». И в этом читатель убедится, познакомившись с публикуемым отрывком из романа-хроники «Горсть света» — главной, но пока не изданной книги писателя Роберта Александровича Штильмарка (1909—1985), автора популярного историко-приключенческого романа «Наследник из Калькутты» и ряда других, менее известных книг («Образы России», «Пассажир последнего рейса», «Повесть о страннике Российском», «За Москвой-рекой»). Выступал писатель и на страницах журнала «Вокруг света».

Очарованный странник наших дней, он до глубокой старости испытывал живое волнение при виде самолета, поезда или парохода (особенно более привычных ему старых конструкций), на котором предстояло ему куда-либо ехать. Даже короткую поездку Роберт Александрович умел превратить в некое таинство, замечая и открывая многое в пути, скрытое от равнодушного взора. А поскольку он был прекрасным рассказчиком, то увлекал и приобщал к таким открытиям не только своих спутников, но даже случайных попутчиков. Его слушали с упоением, забывая обо всем на свете, поражаясь эрудиции и памяти «баби-романиста» (так прозвали его когда-то друзья по несчастью в далеком сибирском лагере, и это прозвище он оправдал...).

В дни юности будущий писатель поднимался на Казбек, а на закате жизни прошел однажды пешком от Кеми до Беломорска, но было бы

наивным говорить о нем как о путешественнике или географе. Все-таки география его жизни замысловата и причудлива. Коренной москвич, предки которого были выходцами из Скандинавии, он хорошо знал Верхнюю и Среднюю Волгу, Кавказ, всю центральную полосу России (особенно Подмосковье), ее древние города, не раз бывал на Урале и в Сибири (правда, не всегда по своей воле!), в Средней Азии, на европейском Севере. Письма его к близким шли из Пскова и Одессы, из Киева и Архангельска, с Соловков, из Братска, Красноярска и Ашхабада. Но больше всего Роберт Александрович любил небольшие города вроде Ростова Великого, Суздаля или Углича, о которых так много и столь любовно писал в «Образцах России». Уже после тяжелейшего инфаркта он исходил все дальнее Подмосковье, неутомимо ездил по местным трактам, связывающим Иваново и Владимир, Торжок и Осташков, Усмань и Липецк (перечислять можно было бы долго!), причем не на легковушках, а рейсовыми автобусами...

О своей жизни и странствиях Р. Штильмарк рассказал в автобиографическом романе-хронике «Горсть света». Эта книга написана от третьего лица, но ее главный герой — Рональд Алексеевич Вальдек — повторяет во всех деталях сложный жизненный путь самого автора, проходивший через годы первой мировой войны, революции, нэпа, через страш-

ное время сталинских репрессий, через огонь Великой Отечественной войны...

«Горсть света» — своеобразное свидетельство «о времени и о себе», представляющее немалый интерес для современников и потомков. По роману-хронике можно проследить весь «крестный ход» старой русской интеллигенции, которая разделила судьбу страны и народа. Наш очарованный странник до конца дней сохранял и бодрость духа, и активность жизненной позиции, он был страстным приверженцем тех обнадеживающих перемен, свидетелями которых мы становимся сегодня.

Подробно описана в «Горсти света» и история создания «Наследника из Калькутты».

...На далекой 503-й стройке, в глубине туруханской тайги, благодаря необычайному стечению обстоятельств герою романа удается миновать общие работы и лесоповал, чтобы, уединившись на чердаке лагерной бани, при соляровых копилках день за днем в течение года писать авантюрный роман, названный в хронике «Господин из Бенгалии». Конечно, это было не его желание, а прямое задание всевышнего на штрафной колонне наряжчика В. П. Василевского, но, так или иначе, сия странная работа спасала от непосильного труда, кроме самого сочи-

**Семейная фотография
1935 года: Роберт
Штильмарк (слева) с отцом
и сыном Феликсом.**

нителя, еще двух переписчиков и художника.

«Наследник из Калькутты» был выпущен в свет Детгизом в 1958 году (в предисловии речь шла лишь... о северных комсомольских стройках и романтических таежных кострах!). И хотя книга имела огромный читательский успех, она не переиздавалась 30 лет. Только уже в наши дни, выпускаемая миллионными тиражами, она становится в полном смысле бестселлером.

И все-таки главной книгой Ф. А. Штильмарка был отнюдь не «Наследник»...

Предлагаемый читателям отрывок (дается с некоторыми сокращениями) взят из второй части «Горсти света» и связан с журналистской работой автора в «Известиях» и ТАССе. Фрагмент характерен для романа-хроники сочетанием разноплановых жанров, свободой изложения, многочисленными отступлениями и раздумьями. Немало здесь и реальных примет недавнего прошлого, сочных зарисовок, дающих возможность почувствовать атмосферу 30-х годов. Конечно, надо учитывать, что роман писался, как говорится, «в стол», не подвергался необходимой авторс-

кой правке и доработке. Кроме того, в 70-х годах было не так-то просто высказывать некоторые мысли, воспринимаемые сегодня как вполне обычные.

Хочется надеяться, что весь роман-хроника «Горсть света», публикацию которого сдерживает ныне только очень большой объем, станет все-таки достоянием читателей наряду с другими книгами Роберта Александровича Штильмарка.

Ф. Р. ШТИЛЬМАРК

Роберт ШТИЛЬМАРК

СОЛНЕЧНОЕ ЗАТМЕНИЕ

...Летом 1935 года Рональд Вальдек перешел из редакции «Голоса Советов» в правительственное агентство информационной службы (ПАИС). Работа в агентстве ему была по душе: сплошные разъезды и по городским окраинам, и по соседним областям, и по всей стране. Главными его заботами были советская наука, реконструкция Москвы, литературный календарь, отчеты — спорт и авиация. Разумеется, как и любого журналиста, Рональда бросали и на всяческие кампании, и на прорывы, и на праздничные парады, и на правительственные похороны с лицемерными речами и казенными некрологами. Когда же в его сообщении появлялись черты подлинной печали, например, при проводах академика Павлова или президента Академии наук Карпинского, живые черты эти неизменно заменялись обязательным трафаретом... Впрочем, в иных случаях Рональду все же давали некоторую свободу повествования, особенно если материал предназначался для заграни-

цы. Так, с начала 1936 года он был очень занят подготовкой к важному в научном мире событию: полному солнечному затмению, которое предстояло 19 июня. Академия наук СССР готовила много астрономических экспедиций с новой аппаратурой. Из-за границы сыпались заявки на участие в наблюдениях. Полоса полного затмения была сравнительно легко достижимой, ложилась на азиатскую часть СССР, время года сулило сухую солнечную погоду —

короче, все позволяло рассчитывать на успех наблюдений.

Сolidное британское телеграфное агентство решило не посылать в Советскую Азию собственного корреспондента, но обещало сверх гонорара за материал уплатить еще 10 тысяч фунтов стерлингов премии тому советскому журналисту, который сможет обеспечить агентство самой свежей, достоверной и интересной информацией с места событий, притом непременно опережая все остальные органы прессы. Эту задачу возложили на Рональда Вальдека, спецкора советского Правительственного Агентства¹.

Он узнал, что центром наблюдений будет степной холм-курган в 13 километрах от города Ак-Булак на границе Оренбургской области с Казахстаном. Там уже обосновалась экспедиция Пулковской обсерватории и американская экспедиция Гарвардского университета, возглавляемая доктором Дональдом Менцелем. Удалось также узнать, что этот американский астроном весьма замкнут, ненавидит прессу и заранее заявил, что никаких информаций о своей работе давать не намерен. Далее выяснилось, что в городке Ак-Булаке телеграфный аппарат имеется лишь на железнодорожной станции, причем аппарат этой системы Морзе, с пропускной способностью 70—90 слов в час, и то при опытном телеграфисте, работающем на ключе со скоростью до 150 знаков в минуту.

С письмом ответственного руково-

дителя своего Агентства Рональда направился на прием к тогдашнему Наркому связи, бывшему (после Ленина) Председателю Совнаркома, Алексею Ивановичу Рыкову. Рональда знал его в лицо, ибо, благодаря поверхностному знакомству с писателем Булгаковым, имел возможность присутствовать на генеральной репетиции пьесы «Дни Турбиных» во МХАТе. Сидел он в ложе рядом с правительственной, где, едва не касаясь Рональда локтем, находился Рыков. Слегка заикаясь, он после спектакля сказал довольно громко Демьяну Бедному: «Не понимаю, почему этот спектакль окружен ореолом мученичества...»

Журналисты, уловившие эту фразу, толковали ее по-разному, но у Рональда сложилось впечатление, что спектакль Рыкову понравился и что «мученическое» его прохождение через Главрепертком и цензуру, равно как и прочие критические рогадки, показались Рыкову ненужным бюрократизмом...

...Лицо его в служебном кабинете выглядело смуглым, испещренным резкими морщинами, черты — правильными и приятными, но — помятыми. Сказывались лишения в прошлом и некие устойчивые наклон-

Храм на валдайском холме, рядом с истоком Волги. Снимок сделал Р. А. Штильмарком в 1976 году. «Вот они, образы России, — говорил писатель, — в этом снимке для меня и Россия, и собственная моя душа...» Ныне этот храм реставрирован.

¹ Сохранена орфография автора (здесь и далее прим. Ф. Штильмарка).

ности в настоящем, о которых знал и говорил весь мир, либо с издевкой, либо сочувственно... Одет он был в мягкий светло-коричневый костюм с галстуком, вышел из-за стола навстречу посетителю-журналисту, взял письмо, глянул на подпись и улынулся.

— Скажите нашему отвруку¹, что я, как всегда, готов и тут ему помочь. Знаете, молодой человек, собирали мы в 1920-м вашего отврука, тогда еще просто горячего энтузиаста, польского революционного движения, в дальнюю дорогу — думали, в Варшаву...

Что-то очень располагающее было в Алексее Ивановиче — юмор, доброжелательность, легкое заикание, невельможность, стиль, напоминающий Бухарина. Они были вдвоем, журналист и Нарком, но мало кто из руководящих партийцев мог бы так свободно отдаться течению ассоциаций, вызванных взглядом на знакомую подпись. Притом подпись человека, уже находившегося в опале, на пониженной должности! Но Рыков продолжал вспоминать:

— Собирали их четверых — его, Мархлевского, Дзержинского и Кона — вслед за буденовской армией. Должны были возглавить первое правительство красной Польши!.. До границы доехала наша четверка, и... воротиться пришлось! Пилсудский пошел сделать Польшу красной! — он засмеялся чуть заговорщицки. — Яркие были времена! Прямо-таки богатырские... Итак, надо вам в Ак-Булаке буквозаписывающий установить? Сейчас пригласим специалиста и потолкуем, где этот аппарат взять.

Явился инженер, пояснил, что аппарат придется отключить на оренбургском почтамте. Рыков приказал снабдить корреспондента письмом-предписанием начальнику Оренбургского управления связи, чтобы тот отключил один из аппаратов, снарядил легковую машину для корреспондента и аппарата и установил бы аппарат в центре наблюдений полного солнечного затмения, там, где это будет удобно корреспонденту.

На этом аудиенция у Наркома связи Рыкова закончилась. Рональд Вальдек еще раз в жизни видел его затылок на скамье обвиняемых в процессе правотроцкистского блока. Глядя из зала на этот затылок, физически ощутил, как он будет разможен пулей палача, хотя формально приговор еще вынесен не был. От чекистов Рональд позже узнал, что Сталин приказал дать Рыкову перед расстрелом стакан коньяка. Это было исполнено за минуту до выстрела... Странная монаршья милость! Едва ли в этих условиях коньяк может подействовать отупляюще. А может быть, чтобы обреченному не пришло в голову помолиться и призвать кару на убийцу? Сталин был суверен и не храбр.

¹ Тогда ТАСС возглавлял Генрих Иосифович Далецкий.

И вот спецкор Правительственного Агентства Рональда Вальдек уже в мягком купе дальнего поезда Москва — Ташкент с билетом до станции Оренбург. Он обязан давать по телеграфу обычную информацию для внутренних нужд, то есть для газет советских, и куда более подробные сообщения, беседы и эпизоды телеграфировать по закрытому каналу для британского агентства тоже, разумеется, через Москву.

28-летний москвич Роня Вальдек отдался во власть своей любимой музыки дальних странствий...

...Лакированная коробочка спального купе до краев заполнена драгоценной тишиной. Она — влажная, голубоватая, с отливом зелени, в ней растворены настоячивые ритмы колес и постанывания тормозов. Сейчас ее свет — от Рониной настольной лампы, дополнительно накрытой шелковым японским платком. Незнакомая девушка напротив уже спит. Трогательно, доверчиво, как маленькие дети. Такая соседка — первый... если не подарок, то все-таки благосклонный жест музыки! Пожилой инженер на верхней полке — нейтрален. Учтив, благодетелен, вполне терпим. Полка над Роней пока пуста. В соседнем купе — две пожилые иностранки. Изредка уловимы отдельные английские слова.

Перед сном приятно постоять в коридоре у окна, слегка приоткрытого. Вагон уже спит. Проводник, седусый, медлительный, похожий на ливрейного швейцара в «Гранд-отеле», проходит мимо Рональда к тамбуру. Ритмы колес меняются, перестук — медленнее, толчки резче, сильнее...

Против Рониного окна — светлые окошки небольшого вокзала и черные буквы: «Г о л у т в и н». Это — город Коломна! Невдалеке кончается Москва-река, покрикивают на зевак пристанские грузчики, уже ощутив близость Оки. Если погасить в вагоне свет, можно увидеть остроконечные шпили Старо-Голутвинского монастыря, напоминающие минареты. Зодчий Казаков придал им это своеобразие, некую изысканность, что-то «не наше», мусульманское. Ибо поистине широкому русскому сердцу внятно все: «лимонный рощ далекий аромат и Кельна дымные громады...» Тронулись...

В вагон вошел мужчина с чемоданчиком. Проводник ведет его мимо Рональда к соседнему купе, где едут иностранные дамы («Пронесло», — думает Рональд, ибо гражданин ему не понравился).

Проводник, чуть повозившись у двери, отмыкает купе своим ключом и указывает мужчине верхнюю полку. Иностранные дамы, занимающие обе нижних, крепко спят. Мужчина удовлетворенно кивает, быстро раздевается, пока проводник стелет ему наверху. Дамы так и не пробудились, а новый их сосед ловко нырнул под простынку, завернулся с головой и затих...

После черного глянца реки глубоко внизу, под мостом, и звездной бездны наверху, над пролетами стальных ферм, Рональд Вальдек поблагодарил музу за доброе начало, лег и погасил лампочку. Будто от этого стала еще слышнее работа колес. Потом мрак сменился ровной и светлой небесной голубизной. Среди белых облаков четко нарисовались голутвинские шпили-минареты. Рональд успел им радостно удивиться, прежде чем муза совсем укачала его...

Разбудил его монотонный завывающий крик.

Прислушался. Никак в соседнем купе? Да, это кричит одна из иностранных дам. С рыданиями в голосе она повторяет одну-единственную фразу:

«Май голд из гоон! О! Май голд из гоон!»¹

В модной пижаме с застежками из перекрученных шнуров на груди (они походили на шнуры жандармских аксельбантов) Рональд пошел в соседнее купе. Растерянный проводник разводит руками и притворяется, будто ничегошеньки не понимает. Оказывается, у иностранок ночью были похищены деньги, документы и вся ручная кладь, три больших чемодана. Севший ночью гражданин дождался часа, когда проводник, видимо, прикорнул. Вор либо вынес чемоданы в тамбур и соскочил с ними, либо выбросил в окно, выскочив следом. Случилось это где-то в Рязанской области, на медленном ходу, в пустынном и безлюдном месте. Часа в четыре одна из дам вышла в туалет — сосед и чемоданы были на месте. Обнаружили пропажу в восьмом часу утра.

— Вохин райзен зи, мэм? Уот из ёр стейшен?² — вопрошал плачущую даму спецкор советского Агентства, пользуясь кроме англо-немецкой лингвистической смеси еще и примитивным языком жестов.

— О! Май стейшен из... Ак-Булак! Спецкор наострил уши, но виду не подал.

— Уот из ёр нэйм, мэм?³

— Миссис Менцель, сэр!

Рональд наморщил лоб, сию секунду сконструировать прямой вопрос:

— Из зе доктор Дональд Менцель фром зе астрономикел экспедишен ин Ак-Булак ёр хазбэнд, миссис Менцель?⁴

— Йес, мистер Икс, хи из! Бед... май голд из гоон! Энд май ретуртикет фром зе Кукс из олсо гоон..⁵

Вторая американка могла сносно изъясниться по-немецки: училась астрономии в Германии. Она объяснила,

¹ «Мое золото пропало!» (англ.).

² Куда Вы едете? (нем.) До какой станции? (англ.).

³ Ваше имя, мадам? (англ.).

⁴ Доктор Менцель из астрономической экспедиции в Ак-Булаке Ваш муж? (ломан. англ.).

⁵ Да, мистер Икс, это так! Плохо. Мое золото пропало! И мой обратный билет из фирмы Кука тоже пропал! (англ.).

что вместе с супругой профессора Дональда Менцеля, руководителя экспедиции Гарвардского университета, она спешит в Ак-Булак с запасными частями к приборам: везут сменные объективы, линзы, фотопринадлежности, точные инструменты. Все это ночью и было похищено. Обе женщины — не простые курьеры, а специалисты-астрофизики, намеревались участвовать в наблюдениях. Тревожит их исчезновение куковских документов на обратный проезд — за них была внесена высокая плата. Однако хуже всего — похищение ценной аппаратуры.

Помня о недоброжелательном отношении американского профессора к представителям печати, Рональд решил взять у обеих дам под свое покровительство. Он назвался корреспондентом некоей местной газеты, не выходящей за пределы одной области (ему тут и лгать особенно не пришлось, ибо такое попутное поручение Рональд действительно взял из одной сельскохозяйственной газеты, которую интересовало поведение животных во время полной фазы затмения).

Прежде всего он решил выручить американок с питанием в течение двух с половиной суток пути и предложил им взаимно сто рублей. Дамы радостно согласились и тут же отправились в ресторан. А корреспондент составил телеграмму, но не в свое Агентство, а в ближайший по маршруту областной угрозыск. Ближайшим оказался Куйбышевский, носивший еще недавно гораздо более благозвучное название Самарского. Оттуда спешно выехал навстречу сыщик, разыскавший автора телеграммы за шесть станций до Куйбышева.

Познакомившись, работник пера и деятель угрозыска дружно обругали переименование Самары в Куйбышев, а Нижнего Новгорода — в Горький. Отведя душу насчет столь уродливых переименований, корреспондент и сыщик выработали план действий. В отсутствие дам и проводника сыщик сперва повозился в купе (видимо, в поисках отпечатков пальцев вора), затем дамы передали ему полный список пропавших предметов и вещей, приметы чемоданов и перечень документов: паспорта, куковские туры, фотоснимки, счета, письма... Пришлось попутно удивиться, сколь тщательно составлен куковский тур. В нем предусмотрены и вложены все проездные билеты на все виды транспорта в пути, включая даже трамвайный проезд в каком-то транзитном городе Голландии или Франции! Хотя тур стоит дорого, ехать по нему можно уже без цента в кармане: Кук и привезет, куда надо, и накормит в пути, и донесет багаж, как у Маршака!.. Сыщик весьма одобрил действия корреспондента, выразил надежду, что похищенное удастся найти скоро, и покинул поезд в бывшей Самаре, которую Рональд поклялся не именовать

новым названием, что долгое время и выполнял устно, печатно и мысленно!

Дальше путешествие шло гладко. В вагоне сделалось душновато, а за окном, в однообразных степях важно шествовали задумчивые верблюды. Где-то произошла таинственная метаморфоза времени: на станции Каргала значился полдень, а ручной хронометр мадам Менцель показывал на московский лад десять часов утра.

В Оренбурге спецкорреспондент сердечно простился с американскими дамами — они следовали прямо до Ак-Булака. Там они, мол, и будут ждать новой встречи с таинственным мистером Икс на площадке для наблюдений...

Служебные дела свои в Оренбургском управлении связи Рональд уладил без труда. Начальник управления оказался учтивым, деловитым и гостеприимным. Буквозаписывающий аппарат уже приготовили в дорогу, можно ехать следующим утром.

Вечером Рональд бесцельно бродил по городу, никого ни о чем не спрашивая. Любый старинный город интересен чужеземцу, особенно если его не коснулась нынешняя нивелирующая антиархитектура, уныло громождающая бездушную железобетонную стеклотару для человечины. В те времена эта угроза еще только нависала над городами России и не обезличила Оренбурга.

...По этим улицам, берегам этой реки ходили Пушкин и Даль лет сто назад. Где-то здесь намечались, кристаллизировались слова: «Дорога шла по крутому берегу Яика. Река еще не замерзала, и ее свинцовые воды грустно чернели в однообразных берегах, покрытых белым снегом. За ними простирались киргизские степи...»

Вот и сам этот дом, теперь с мемориальной доской из мрамора — поэт здесь останавливался, собирая материал к «Истории пугачевского бунта». Улица прежде называлась Николаевской, ныне, конечно, Советской...

Уже начинало темнеть, когда в заречной части города, на окраине, набрел Рональд Вальдек на остатки Менового двора, похожего на небольшую крепость. Запомнился и живописный караван-сарай с мечетью и высоким минаретом. Все — уже обреченное на погибель, нивелировку и обезличку. Чтобы не смело лезть в глаза, не выделялось, не наводило на некие мысли... Все они — мысли, эмоции, ассоциации — вредны, чужды, несозвучны! Долей их!

Поистине тогда, в середине 30-х, уже висело в воздухе все, что ожидает российские грады: переименование, перепланировка, образцовость, линейность, нивелировка, улица Ленина, улица Сталина, улица Маркса, Красноармейская... А памятники культуры должны воплощать для горожан: во-первых, образ Ленина (перед исполкомом), во-вторых, образ

Сталина (перед обкомом), в-третьих, Маркса, допустим, перед библиотекой, в-четвертых, надлежющего классика — перед театром. Где надо — Пушкин, где надо — Чернышевский, а все-таки лучше — лишний Сталин! Его можно и на новой площади поставить среди однотипных домов, и перед драмтеатром, и перед пивзаводом, и перед входом в горсад! От всего этого несло дремучей провинциальной скукой.

Добрел Рональд и до горсада. Он был как везде — пыльные деревья в луче белых фонарей, входная арка с будкой кассирши, киноафиша «Встречный», звуки джаза с танцевальной эстрады. Но джаз звучал не провинциально. И танцевали три-четыре пары, по-столичному одетые, отнюдь не кустарное танго... Тут, в окружении оренбургских степей, сразу повеяло... Питером.

И что же? Оказалось, полтора года назад, сюда, сразу после убийства Кирова, выслали «чуждый элемент» с берегов Невы: последние остатки дворянских семейств, старой интеллигенции, доживавших свой век «недобитых» царских офицеров, домовладельцев, коммерсантов и их семьи — жен, детей, внуков. Всем им здесь жилось плохо: работу устроиться трудно, берут только на трудоемкие, грязные, вредные производства. И работают, и ютятся где попало, все время под недреманным оком. «Чуть что не так сказал и — прощай! Только им и радости, что танцы раз в неделю. Тут они — и в оркестре, и в публице!..»

Все это уже утром объяснил Рональду шофер «газика», когда они покинули Оренбург.

На карте здесь значилось шоссе 4-го класса, но на деле ни шоссе, ни класса не было вовсе. Земля твердая, укатанная, высохшая под солнцем и растрескавшаяся от зноя, позволяла в хорошую погоду катить куда глаза глядят, целиною. Рачительный западный хозяин ахнул бы при виде этих тысяч гектаров неосвоенной, пустой степи — на ней не было ни травяного покрова, ни посевов, ни насаждений¹. Десятки километров этой голой степи ложились под колеса, а кроме телеграфных столбов с сидящими на них птицами, да еще множества сусликов на задних лапках возле норок, ничего не останавливало на себе взгляда человеческого.

Однако уже за первым десятком степных верст стали возникать то поодаль, то поближе иные ориентиры, похожие на поселения. Подъезжая ближе, Рональд убеждался, что это и впрямь некогда были селения, но покинутые, брошенные. Пустовали жалкие руины глинобитных домов, сараи, хозяйственные постройки... Рядом высыхали оросительные каналы, деревья на корню, торчали остатки изгородей. Кое-где даже мелькали одичавшие кошки. Было видно, что

¹ Освоение целины началось лишь в 50-х годах.

ни пожар, ни наводнение, ни иные стихийные бедствия мест этих не касались. Вероятно, так могли выглядеть в старину остатки сел после моровой язвы или чумы.

Оказывается, после раскулачивания и коллективизации уцелевшие люди просто разбежались из этих селений. На пути «газика» попало три таких селения, но в стороне от дороги их было больше, кое-где агонизировала еще и человеческая жизнь. Так сказал Рональду шофер. С его слов он записывал и названия поселков от самого Оренбурга: Пугачевка, Дурневка, речка Донгуз, Мертвые Соли...

От Соли Илецкой одна наезженная колея пошла в сторону Мертвецовки (Рональд сразу не смог выяснить, старое ли это слово или новое, но потом видел его на карте), а другая колея повела на Угльное и Григорьевку. Именно в этой Григорьевке, у самой железной дороги, Рональд вышел из машины размяться и пытался завести беседу с местной девушкой, несшей корзину с бельем. У него осталось ощущение нечеловеческого ужаса в темных девичьих глазах при виде городского человека, вышедшего из автомобиля... Шофер тронул машину, сочувственно поглядывая вслед девушке с бельем и вскользь заметил, что была у него двоюродная сестра, похожая на эту... Померла в селе Изобильном, что на 20 километров юго-западнее...

— Умерла тоже от... избытка? — не поднимая глаз, спросил человек с блокнотом человека за рулем.

Человек за рулем качнул подбородком. Он уже несколько раз порывался что-то спросить у человека с блокнотом, но одолевали, видно, сомнения, стоит ли. Наконец, уже перед финишем вопрос свой задал:

— Товарищ корреспондент, а все-таки... нужно ли было... так вот делать с людьми? Ведь ей... сестренке-то, тоже... жить была охота?

Что Рональд должен был сказать в ответ? Укрепить недоверие к партии и ее вождю? Сознаться, что «так вот делать с людьми» нельзя? Отнять у человека веру в осмысленность жертв? Или, напротив, укрепить в человеке (а значит, и в самом себе заодно) веру в то, что устремленная в будущее великая партия ценою страшных жертв выиграла самое главное — время! И он сказал тихо:

— Да, брат, так было... надо!

Сразу после прибытия Рональда в Ак-Булак испортилась погода чуть ли не по всей полосе затмения.

Солнце не выглядывало из-за туч. Азиатский ветер трепал брезент и парусину палаток, поднимал облака пыли и, как нарочно, нес их прямо на приборы. Ученые нервничали, сурово гнали местных газетчиков, никого из посторонних не допускали на площадку. Впрочем, самые настырные журналисты — из центральных газет — в Ак-Булаке еще не

появлялись. Прибыл только сотрудник радио, «Последних известий», Петя Шехтер, добрый и умный мальчик.

Главным человеком на площадке был профессор Герасимович, директор Пулковской обсерватории. К прессе он относился помятеж своего помощника, сумрачного астронома Тихова, день и ночь хлопотавшего у приборов. Астрономы пояснили Рональду, что плохая погода особенно осложняет дело именно американцам. Ибо их приборы нацеливаются прямо на солнце, поэтому настраивать щели спектроскопов возможно только по солнцу при ясном небе.

Наша аппаратура действует на другом принципе: мы ловим солнечный луч на зеркало прибора, именуемого целостатом. Зеркальная поверхность отражает луч в щель спектроскопа. Чтобы во время съемки луч был неподвижен, зеркальная плоскость должна двигаться вслед солнцу с помощью особо точного часового механизма. Для настройки советской аппаратуры можно, на худой конец, вместо солнца обойтись другим сильным источником света, например, вольтовой дугой.

Рональд сообщил профессору Герасимовичу, что неразговорчивость его американского коллеги может обойтись советской казне в 10 тысяч британских фунтов. Профессор нахмурился и пояснил, что неразговорчивость Менцеля определяется не мрачностью его характера, а тем немаловажным обстоятельством, что экспедицию финансирует вовсе не университет, а большой босс американской журналистики, корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» в Москве, знаменитый король прессы, мистер Уолтер Дюранти. Говорили, что Сталин лично рассказывал ему о своей жизни и назвал источники, откуда можно черпать остальные биографические подробности. Будто бы сам Сталин одобрил и готовую рукопись, начертан на полях: «более-менее правильно». Рядовому западному читателю все это было известно лучше, чем любопытному правительственному корреспонденту в СССР. Вообще «лишний» штрих знаний о личности Сталина, да и других вождей, мог тогда стоить человеку головы...

Профессор Герасимович, как Рональд и ожидал, посоветовал ему действовать через новую знакомую, миссис Менцель. Ее супруг выразил Рональду признательность за помощь обеим дамам, попавшим в беду по дороге в Ак-Булак, однако на просьбу дать краткое интервью ответил уклончиво. Но Рональд получил приглашение к ним «домой», то есть в стоящие на запасных путях железнодорожные пассажирские вагоны, где обитали американские астрономы. Это были старомодные роскошные вагоны СВПС с мебелью красного дерева, коврами, зеркалами, бархатными диванами и прочим

комфортом прошлого века. Они, кстати, за долгую службу успели изрядно «заклопиться»!..

За несколько дней до затмения, когда прибыли уже и столичные корреспонденты, Рональда Вальдека подняли с постели чуть не среди ночи. Агенты угрозыска... привезли похищенные чемоданы, документы и деньги американских путешественниц! Теперь они могли вернуть свой долг и советскому журналисту (он, кстати, уже начал испытывать финансовые затруднения). Дамы долго жали ему руки, говорили слова благодарности, вручили ему деньги в пакете, но... выразили опасение, что погода сорвет все наблюдения, ибо нет никаких видов на уменьшение сплошной облачности. Встревоженный Дональд Менцель, казалось, тоже мало верил в успех, и Рональду пришлось его утешать и обнадеживать.

Сам Рональд почти не покидал площадки. Поскольку туда не допускали газетчиков, он, по совету Герасимовича, взял на себя некоторые обязанности в советской экспедиции, как бы войдя временно в ее состав подсобным техником-геодезистом. Поручали ему работы по привязке, нивелировке, вычислению координат фундаментов, сделанных для астрономических приборов. Топогеодезическим работам Рональд научился еще в армии и очень ими увлекался. (Эти знания ему потом весьма пригодились в годы ленинградской блокады и «северной академии»...)

Видя, что человек, вырвавшийся жену в дороге, трудится вместе с астрономами, работает с нивелиром, рейкой и теодолитом, доктор Менцель стал с ним откровеннее. Из этих отрывочных бесед Рональд составил небольшое интервью, прибавил к нему несколько бытовых зарисовок, ухитрился сфотографировать доктора Менцеля верхом на верблюде, доставлявшем воду на площадку и вскоре, увы, погибшем от укуса ядовитого паука каракурта. Этот печальный факт, кстати, тоже удалось «обыграть» в корреспонденции Рональда для британского агентства.

Но самым драматическим эпизодом в дни подготовки к решающему событию был налет... азиатской саранчи.

Рональд заканчивал утренние геодезические работы (в жару делать это не рекомендовалось), когда на горизонте появилась низкая туча, по цвету легко отличимая от серо-лилового, обложного облаками оюема. Туча была серовато-пыльной и временами как бы отблескивала тускловатым металлом. Еще с ночи, как предвестники этой тучи, на землю стали падать отдельные крупные насекомые, похожие на кузнечиков. При виде их люди бывающе всплескивали руками, ахали, вглядывались в небо над горизонтом и с рассветом заметили серовато-пыльную тучу. Саранча! Целая кулига азиатской саранчи надвигалась с юго-востока и

грозила бедами всем молодым всходам злаков, трав и даже овощей.

Но еще худшими бедами грозила она астрономам, всей аппаратуре экспедиций. Хотя крылатая туча приближалась довольно медленно, значительно отставая в скорости от туч небесных, гонимых ветром, все же количество отдельных насекомых на площадке с часу на час увеличивалось, и они становились все назойливее. Саранчу уже скидывали с приборов, стараясь уберечь с трудом налаженную настройку. А если вся туча обрушится на холм миллионами насекомых? Жадные твари неизбежно забьют лапками щели приборов — и настройка полетит к чертям! Положение драматическое!

— Нужны немедленные предупредительные меры со стороны населения, — сказал Дональд Менцель своему советскому коллеге профессору Герасимовичу. А тот подозвал Рональда, тайком подмигнув ему и заговорил с Менцелем тоном легкого упрека:

— Видите ли, господин коллега, тут-то и могла бы помочь наша пресса, чтобы привлечь на помощь ученых общественность. Но вы сами, господин доктор, проявили к нашим журналистам такую враждебную нетерпимость, что они потеряли интерес к вам. Теперь, чтобы их вновь заинтересовать, нужно бы совершенно по-иному с ними поговорить и посоветоваться. А для этого у нас уже нет времени: туча приближается и надо действовать! Вот, может быть, Рональд Алексеевич поможет нам?

— Да я ведь совсем не против прессы. Просто считал, что в период подготовки господа журналисты.. больше мешают, путаются под ногами! Если же от них может быть польза, то я.. пожалуйста... Можете обещать им то, что сочтете нужным с моей стороны...

— Ну, вот и отлично! Будем считать, что Рональд Алексеевич получит интересное интервью господина Менцеля, как только поможет устранить опасность! — И профессор Герасимович, пряча улыбку, пошел к приборам.

На экспедиционном «газике» Рональд тут же полетел в поселок, растолкал мирно спавшего радиокоорrespondента Петю Шехтера, и по прямому проводу они вдвоем надели на обком партии. Там хорошо знали о налете саранчи, но никак не предполагали, что это создает угрозу и астрономам.

— Если не сбить тучу на подходе, наблюдения будут сорваны, — пояснил Рональд неведомому обкомовскому собеседнику в трубку, — забьются аппаратные щели, расстроится регулировка, собьются с фокусировки фотообъективы. Чтобы все это предотвратить, нужны, прежде всего, люди и одновременно химия и авиация. Повторяю: авиация, химия и люди!

Через два — два с половиной часа

после этого разговора Ак-Булакский райком уже исполнял приказ — вывести на борьбу со стихийным бедствием все население от мала до велика, оставив пока все прочие заботы. В помощь спешили на грузовых машинах колхозники окрестных сел, рабочие солеварен, оренбургские школьники и студенты, проходившие где-то неподалеку практику.

— Ждите самолетов, налаживайте деревянные цепи, лопаты, грабли, горючее, чтобы сжигать собранную в кучу саранчу...

Петя Шехтер решил действовать в рядах мобилизованного населения вместе с девушками Ак-Булака, Рональд же вернулся на площадку. И оттуда не без восторга наблюдал, как три прилетевших аэроплана кружились над кулигой, уже заметно приблизившейся к холму — думается, до «переднего края» оставалось не более полутора-двух километров. И там, в этом отдалении, уже кипела работа. Аэропланы кропили кулигу каким-то ядовитым составом, от которого саранча валилась наземь, и тут ее били цепями, закапывали в канавки, жгли огнем; астрономы у себя на площадке энергично уничтожали прорвавшийся авангард кулиги. Рональд сунул в спичечный коробок самое крупное из попавшихся ему насекомых и отослал потом в свое Агентство в виде вещественного доказательства всей этой истории... Этим побоищем она, в общем, и закончилась, и целую ночь Рональд Вальдек слал волнующие корреспонденции для британского агентства и советских газет. Менцель дал очень сдержанное интервью о перспективах экспедиции, но согласился просто поговорить о своих впечатлениях, о советских девушках, которыми восхищался... Восхитила его и оперативность угрозыска, так быстро вернувшего похищенные приборы и документы...

...Между тем в поселке Ак-Булак стало прямо-таки тесно от наплыва журналистов. Советские газетчики жили по двое, по трое в комнатенке. Стихийно возникли (а то и рушились) деловые, творческие и даже личные «кооперативы», вроде совсем неожиданного альянса московского спецкора правительственной газеты с американской корреспонденткой «Ассошиэйтед пресс»: только она одна занимала двухкоечный гостиничный номер, а прилетевшему на своем редакционном самолете московскому деятелю пера уже негде было и главу приклонить, и машинку поставить. Американка поделилась с ним ак-булакской жилплощадью, отгородившись от соседа ширмой. Он отблагодарил ее тем, что брал на борт своего самолета — обозрывать окрестности, а затем на том же самолете доставил в Москву.

Самой серьезной помехой становилась погода. 18 июня солнце село в сплошную облачность, а 19-го лишь чуть окрасило тучи на востоке. Неполная фаза затмения началась в ран-

ние утренние часы. Небо все гуще затягивалось облачностью. Журналисты взяли в осаду астрономическую площадку, обложив ее со всех сторон, как воинственные орды степняков некогда осаждали русские крепости...

А буквально за полчаса до появления на солнечном диске лунной тени, тучи, застилавшие небосвод, раздвинулись как раз перед солнцем — будто нарочно, по-театральному пошел занавес перед спектаклем...

Продолжительность всего затмения, помнится, была около полутора часов, а главная небесная сенсация — фаза полного закрытия солнца — длилась минуты три. И за все это время ни одна тучка, ни одно облачко ни на миг не заслонили солнца от взоров астрономов. Американцы своей автоматикой сделали более двух тысяч снимков короны, пулковцы — около семи десятков, но качество каждого из них было отличным, у американцев — посредственным, сказалась неточность предварительной настройки. Всех восхитила «любезность» небесных сил, обеспечивших, как по заказу, ясную голубизну в просвете между тучами, как раз против светила. Более того! Когда погас за черным бархатным диском лунной тени последний узенький солнечный луч и наступила странная дневная мгла, подсвеченная лишь по краям горизонта оранжевым отблеском от той части земной поверхности, где затмение оказалось неполным, вокруг грозно-черного кружка, скрывшего солнце, возникло свечение жемчужно-серебристой солнечной короны... В следующий миг на краю диска вспыхнул, распустился багровым розаном солнечный протуберанец — на все это было совсем не больно глядеть незащищенным глазом... Самым необычным было, однако, то, что лучи солнечной короны образовали в небе как бы подобие пятиконечной звезды! Все это выглядело какой-то грандиозной космической режиссурой, которой подвластны силы небесные!

Впоследствии в застольной речи на прощальном банкете доктор Дональд Менцель шуточно благодарил оренбуржцев за идеальную организацию «чисто большевистского солнечного затмения!».

Наблюдали его здесь, в обычно безлюдной степи, несколько тысяч человек, включая все население Ак-Булака и соседних деревень. Кроме того, из Оренбурга и с противоположной стороны, то есть из Кустаная, к рассвету 19 июня 1936 года были поданы два поезда для астрономов-любителей. На однопутной здесь железной дороге оба паровоза встречных пассажирских составов тихо сблизились до тридцати-двадцати метров и стали, попыхая дымком и паром, друг против друга, как раз напротив площадки астрономов. А толпы приехавших рассыпались по степи, навели закопченные стекла или

целлулоидные дымчатые очки на солнце и следили за фазами затмения. Кое-кто привез животных, посмотреть, как они поведут себя с наступлением нежданной дневной ночи... Говорили, что в поселках куры спокойно вернулись на насесты в сараях, собаки забрались в сторожевые будки, кошки отправились на охоту, как в обычную вечернюю пору, а верблюды волновались, укладываясь на покой, но... будто понимали, что делают это не ко времени. Этими подробностями особенно интересовалась американская корреспондентка. Рональд впоследствии читал ее телеграмму. Она начиналась словами: «Население спокойно...»

Ее земляки-астрономы остались довольны экспедицией, изрядно понервничав за все дни перед затмением. Кстати, при этом Рональд Вальдек получил некоторое представление о крепости нервов американского журналиста и бизнесмена Уолтера Дюранти.

Дело в том, что по просьбе Рональда его друг Петя Шехтер помог и профессору Дональду Менцелю связаться по радиотелефону с господином Дюранти за час до затмения, когда всем казалось, что провал наблюдений неизбежен. И Петя Шехтер, и корреспондент ПАИС Вальдек уже знали о материальной зависимости американской экспедиции от их земляка-журналиста, субсидировавшего экспедицию Гарвардского университета.

Рональд и Петя слышали, как доктор Менцель нетвердым голосом докладывал боссу, что перспективы неважные, погода облачная и шансов на успех маловато. На что твердый, спокойный и благожелательный голос босса из Москвы отвечал с редким хладнокровием:

— Не тревожьтесь, профессор, делайте спокойно все возможное и зависящее от вас, положитесь на волю божию, и я убежден, что у вас все будет о'кей!

Этот завидный оптимизм мастер большого газетного бизнеса впоследствии проявлял еще не раз. Наблюдал Рональд и чисто профессиональный стиль работы Уолтера Дюранти. Это было, в частности, на Щелковском аэродроме во время старта Чкалова, потом и Громова при их перелетах через Полюс в Америку.

По возвращении в Москву Рональд Вальдек нашел свою фамилию на Доске почета «за отличную, инициативную работу спецкора ПАИС по солнечному затмению». Британское Агентство уже перечислило в Москву оговоренные заранее 10 тысяч фунтов стерлингов премиальных. По этому случаю через месяц агентство ПАИС тоже наградило своего спецкора сверх его четырехсотенного гонорара и еще дополнительной сторублевой из директорского фонда.

Публикацию подготовил
Ф. Р. ШТИЛЬМАРК

МОАИ

УЧАТСЯ

ХОДИТЬ

Павел ПАВЕЛ,
чехословацкий инженер

На 30 января был назначен первый эксперимент с настоящей статуей моаи. Площадка за почтой, где находилось изваяние, напоминала небольшую ярмарку. Истукан лежал в раме из толстых веток, защищающих его от повреждения. Ожидавший нас автокран должен был поднять исполина вместе с рамой и поставить на место, которое я выбрал вчера.

Чем больше я узнавал островитян, тем лучше к ним относился, но их рабочий темп приводил меня в отчаяние. С площадки десять на десять метров, предназначенной для эксперимента, нужно было снять травяной покров. Пять человек стояли и ждали, пока придет парень с мотокосилкой — они хотели дать товарищу заработать. Все утро до самого

Окончание. Начало в № 3

обеда мы трудились и перенесли истукана только на 15 метров. При этом у нас был мощный автокран и десять помощников, которые привязывали и закрепляли статую.

Когда моаи наконец подняли и перенесли, в раме из веток она выглядела довольно уныло, но это мешало только фотографам. Меня же беспокоило только одно — насколько она устойчива. Основание было сильно деформировано эрозией. Для проверки я слегка толкнул истукана, он охотно качнулся, но не упал. Тур все видел и принял решение поправить основание, а эксперимент пока отложить.

Отложить эксперимент, когда у нас есть автокран, который будет страховать великана от падения, канаты и достаточно людей? Меня это страшно огорчило. И я предложил Туру хотя бы проверить,

выдержат ли канаты нагрузку и правильно ли мы расставили рабочих.

Тур на минуту задумался, пожал плечами и согласно кивнул. Он понимал мое состояние. Прошло немало времени, прежде чем помощники-островитяне привязали канаты и ухватились за них так, как было надо. Тур дал знак киногруппе. Поехали!

Я затаил дыхание и махнул рукой рабочим, которые прекрасно понимали, что надо делать, и натянули канаты. И все. Истукан не шелохнулся.

Это была самая горькая минута в моей жизни. Все с любопытством поглядывали на меня — ведь несколько часов назад исполин качнулся, когда я его слегка толкнул. Кажется, я понял: рабочие только натянули канаты, а должны были дернуть их с полной силой. Скорее всего они считали, что выполняют необходимый обряд, а статую и без них передвинет некая таинственная сила.

Пришлось объяснить им, что от них требуется. Взались.

Раздалось могучее «ге-е-е-ей», и опять натянулись канаты. Тяните же! Тяните! Наконец истукан качнулся. Я дал знак людям у поворачивающих канатов. Взали! Поворот! Моаи, настоящая моаи острова Пасхи после нескольких столетий неподвижности сделала первый шаг!

— Ребята, быстро на противоположную сторону! Приготовились ко второму шагу. Взали!

Наклон, еще один, и уже вполне приличный.

— Ге-е-ей! Все разом! Все вместе! — И моаи выдвинула вперед другой бок и шагнула еще раз. Ходит! Она ходит!

На сегодня хватит. Мауриру — спасибо.

Тур подошел ко мне и пожал руку. Жужжат камеры, щелкают фотоаппараты.

Успешно проведенный эксперимент доказал, что не обязательно подстраховывать статую от падения краном, достаточно дополнительных канатов в руках у рабочих. Тур тоже сделал выводы из сегодняшней репетиции. При планировании следующих экспериментов он организовывал все так, чтобы никто из посторонних не мог догадаться, где и когда будут проходить испытания.

Утром мы получили со склада губернатора цемент и все необходимое для бетонирования основания истукана, машина доставила меня и двух помощников на место. Крановщик еще вчера собирался положить изваяние, но, наверное, у него не хватило времени, и сегодня он обязательно должен приехать.

Мы выгрузили вещи и стали ждать. Чтобы как-то отвлечься, я наблюдал за женщинами, занимавшимися рукоделием в тени культурного центра, и подошел к ним, чтобы лучше рассмотреть. Поздоровался. Они мне ответили: «Иа ора на, Ту-кои-

гу». Ту-коигу — прозвище, которое мне дали островитяне, как только весть о первых двух шагах моаи разнеслась по деревне. Ту-коигу был королем островитя, когда согласно преданию начались передвижения моаи.

Истукана мы положили на землю только под вечер. Рафаэль, один из парней-помощников, сделал оригинальную петлю, с помощью которой удерживал изваяние в наклонном положении. Другой конец каната он привязал к дереву, и получилась примитивная, но прочная растяжка. Потом ритмичными рывками парни раскачали статую, канат поддерживал ее в положении наибольшего наклона, и кран мягко ее опустил. Ремонт основания мы сегодня так и не закончили. Рафаэль завершит работу завтра.

Наконец все было готово, и мы приступили к генеральной репетиции. С помощью рисунков и жестов я объяснил рабочим, что от них требуется. Потом автокран установил истукана на выбранное место. Мы отбросили раму из веток, теперь главное — не допустить падения моаи. Я старался быть сверхосторожным, но порой приходил в отчаяние.

Я заранее выбрал три дерева, чтобы привязать к ним канаты, страхующие истукана от падения. Мне повезло, что рабочие не согласились с моим выбором. И они оказались правы: деревья прогнили внутри. Что могло бы случиться в критической ситуации — лучше и не думать.

Автокран на главном испытании решили не использовать, поэтому три предохранительных каната под углом 120 градусов протянули к деревьям, теперь уже надежным. С их помощью рабочие могли бы удерживать статую, если бы она вдруг начала падать. Но при этом веревками нельзя было повредить хрупкую крошащуюся поверхность лица исполина. Для защиты от повреждений мы обмотали его старыми джутовыми мешками, что одновременно предохраняло канаты от трения о шероховатый вулканический туф.

Эксперимент начался после обеда, когда приехали остальные члены экспедиции и киногруппа. Мы расставили рабочих по местам и договорились об условных знаках и командах. У каждого из страхующих канатов встало по одному человеку, у наклоняющих — по три, у поворачивающих — по пять. Я еще раз окинул взглядом площадки: кажется, все в порядке, и дал знак Хуану, руководившему рабочими.

Наклоняющие натянули канаты, еще и еще раз — ничего. Истукан чуть-чуть наклонился, очень неохотно и, главное, слабо. Островитяне у канатов этого видеть не могли, но мы сразу поняли, в чем ошибка.

— Вы должны дать ей время вернуться после наклона в прежнее положение. — Свой совет я произнес по-английски, его перевели на испан-

ский Хуану, а он уже передал его на рапануйском рабочим.

И вот канаты натянулись снова, еще раз, еще.

— Стоп! Стоп! — закричал я.

Трех человек для наклона было много. Когда раскачали моаи, дальше дело пошло само, и было достаточно лишь поддерживать ритм. Они же тянули изо всех сил, и статуя начала дергаться туда-сюда. Если и дальше так продолжать, она обязательно упадет.

— Останьтесь здесь вдвоем, — сказал я рабочим у наклоняющих канатов. Но они поняли мой английский примерно так же, как я мог бы понять их рапануйский. И жестами ответили мне примерно следующее:

— Если тебе кажется, что это легко, станись сам!

Они были правы, я их успокоил и пошел к Туру за советом. Он видел, что происходило, но был абсолютно спокоен, как всегда, и не упрекнул меня даже взглядом.

— Пусть попробует командовать Хуан, — предложил он. Я согласился.

Мы начали снова. Наклон был нормальным, но исполн не поворачивался ни в какую.

Что же происходит? Ничего особенного. Мы в Полинезии, и парни у поворачивающих канатов больше всего заботятся о том, чтобы выглядеть красиво. Игруют мускулами, улыбаются в объектив, и уловить нужный момент для рывка им уже недосуг. Конечно, лучше бы проводить репетиции и само испытание без зрителей. У рабочих уже вздулись первые волдыри на ладонях, но — ни малейшего результата.

И снова команды Хуана, выкрики остроты, несколько величественных наклонов исполина, могучий рывок — моаи повернулась!

Пять тонн от единого верного рывка повернулись с легкостью балерины.

Рабочих больше не нужно было подгонять, они пришли в восторг, энергично тянули канаты, и под раскатиное «ге-е-е-й» моаи начала свой раскачивающийся танец. И вдруг снова остановилась. Почему? Ребята сделали рывок в неправильный момент: воодушевленные легкостью первого шага, они тянули, не оглядываясь на положение статуи в момент рывка. Хотя у меня нервы были натянуты не хуже канатов, я все же понимал, что эксперимент идет нормально. Надо схватить ритм, и тогда истукан начнет шагать, да и рабочим нужно время, чтобы набить руку.

И вдруг я заметил, что парень у одного из поворачивающих канатов стоит прямо под животом у статуи. Если бы она упала, ни у него, ни у двух-трех, стоявших рядом с ним, шансов на спасение не было. Объясняя Хуану свои опасения — полное безразличие. Ведь каждый понимает: чем ближе стоишь к статуе, тем лучше тебя будет видно в

фильме, а это что-нибудь да значит! Помогло только вмешательство Тура.

Между тем эксперимент превратился в аттракцион. К канатам устремились зрители, женщины из культурного центра и, разумеется, их дети с неразлучными друзьями — собаками. Каждому хотелось подержаться за канат и заставить моаи сделать шаг. Все крутились под ногами у рабочих, но снисходительность Тура была беспредельна.

— Нас интересовало, сколько человек понадобится для наклона, поворота, и это мы уже выяснили. Очень хорошо. А теперь пусть люди порадуются, к тому же нам их не удержать.

И, как всегда, Тур был прав. По сути дела, веревками завладели три-четыре человека в первом ряду. Остальные же просто без всякого вреда (и пользы) дергали канаты. Естественно, моаи только вздрагивала, но публика была страшно довольна, потому что участвовала в общем деле.

Вдруг я заметил, что одна из страхующих веревок свободно висела до земли — и как раз в противоположной стороне от наклона. Истукан раскачивался из стороны в сторону, а люди теснились прямо под ним и увлеченно тянули канаты.

— Остановитесь! Стоп! — закричал я. — Где Эдмундо? — Для уверенности имена парней у страхующих канатов я еще утром записал в блокнот. Но у меня в блокноте Эдмундо был, а у каната его не было. Он тоже хотел запечатлеть себя в фильме и поэтому оставил неинтересное место и перешел туда, где мог попасть в кадр.

У второго каната дело обстояло ненамного лучше. Менито, который отвечал за него, вышел на поляну, чтобы наблюдать за событиями издали. Третий парень — Оскар — самый ответственный, проточал на указанном ему месте все время. От дерева, где он стоял, было все хорошо видно, так что ему ничего не мешало. Ничего, кроме страсти курильщика. Не мог же он прикуривать одной рукой?.. Он отпустил канат, зажег сигарету и с большим увлечением наблюдал за развитием событий. Канат мирно лежал у его ног. Мои друзья, золотые парни из Страконице, сколько раз я вспоминал вас...

Сердце у меня разрывалось от мрачных предчувствий, к счастью, солидное основание и низко расположенный центр тяжести обеспечивали статуе хорошую устойчивость, и ничего страшного не произошло.

Предварительное испытание закончилось, и Тур пожелал мне дальнейших успехов. К радости киногруппы, я произнес перед объективом маленькую речь, в которой поблагодарил доктора Хейердала за приглашение принять участие в экспедиции и за доверие, оказанное мне.

5 февраля 1986 года. На этот день выпало главное и последнее испытание с передвижением статуи моаи. Было оно уже третьим, и каждое приносило столько неожиданного... У меня не было оснований надеяться, что все пройдет гладко. Последующие события показали, что мое предчувствие полностью оправдалось.

Точно не знаю, как должен вести себя эксперт, привезенный из другого полушария. Я в подобной ситуации очутился впервые. Конечно, хотелось бы больше сдержанности, больше достоинства, но важнее — предусмотреть обстоятельность, чреватые неприятностями. Когда же я хватался за инструмент или что-то подправлял, остроты не учтиво отступали, но с неприязнью следили за моими действиями.

— Отойди, лучше я сам сделаю, — сказал я по-чешски. И несмотря на непреодолимый языковой барьер, рабочие реагировали на удивление живо. С двумя самыми молодыми из них мы за полчаса переделали все, над чем вчера более опытные корпели от полудня до вечера.

Но победителем я себя не почувствовал. Повязка из тростника, сделанная по моему рисунку, вместо джутовых мешков, защищающих поверхность истукана от повреждения, была моаи действительно к лицу, хотя пользы от нее не было никакой. Мы долго и старательно прикрепили повязку из связанных стеблей ко лбу истукана, но она там не держалась и при первой же попытке закрепить страхующий канат съехала набок. Именно в эту минуту подъехала машина с Туром и другими членами экспедиции, и мой позор был полным. Утром они пораньше отправили нас к месту испытания, а сами на глазах у журналистов и туристов отправились к раскопкам, чтобы не привлекать к нам лишних зрителей.

Единственный выход я видел в том, чтобы надвинуть повязку на самые глаза истукану, но как исполн будет смотреться в кинофильме? И тут я вспомнил, как Серхио в музее рассказывал мне, что Древние мастера не заканчивали обработку изваяний в каменоломнях, а дошлифовывали спины и вырезали им глазницы только после окончательной установки — на платформах агу.

Ничего нет страшного, если повязка опустится на глаза: статуи всегда путешествовали слепыми, незаконченными. Как я мог об этом забыть?

— Надвинем повязку ниже! — решил я.

Начало испытаний тем не менее оттягивалось — камеры, рабочие, моаи, я — все томилось в ожидании: не было тех, кто должен был тянуть канаты. Автобус с ними притарахтел только полтора часа спустя после установленного времени.

Не дожидаясь, когда автобус остановится, рабочие выпрыгивали на ходу. Конечно, их подгоняло не желание скорей взяться за канаты. Чего не было, того не было. На моаи они только бросили безразличный взгляд и зашпешили прямо к яме, которую с воодушевлением копали их друзья поодаль. Там устраивали земляной очаг, чтобы запечь уже разделанную на порции свинину. Тур запланировал не только испытание, но и торжественное его завершение — истинно полинезийское угощение — куранго.

На этот раз мы упросили руководителя, и я избавился от кучи забот: теперь Хуан, который и прежде руководил рабочими, должен был расставить по местам и тех, кто наклоняет истукана, и тех, кто удерживает от падения, и тех, кто поворачивает. Мне оставалось лишь проверить, все ли в порядке.

Предстартовая лихорадка постепенно улеглась, и наступил момент, когда мы могли начать испытание. Канаты, люди и статуя ждали. Я еще раз проверил, все ли готово.

И вот мы начали. С той минуты для меня перестал существовать окружающий мир, я стремился быть всюду и видеть каждую мелочь. Как в это время я выгляжу в кадре, мне было совершенно безразлично. Самое главное — безопасность людей и сохранность статуи.

Прозвучало подбадривающее рапануйское «ге-е-е-й!», по команде Хуана канаты натянулись, и десятитонная фигура начала сперва неуверенно, а потом в нужном ритме раскачиваться из стороны в сторону. Знак к началу очередного шага Тур давал после того, как я кивал головой, мол, все в порядке, а он проверял, готовы ли операторы. Команды наклоняющим и поворачивающим давал Хуан. В двух предыдущих экспериментах опоздания с передачей приказов случились из-за языкового барьера, а для тянущих канаты было очень важно сделать рывок в надлежащий момент. То тут, то там раздавался голос Хуана, слышались подбадривающие выкрики. Первый мощный рывок, второй, третий — и вот уже каменный гигант отважился довериться смешным человеческим фигуркам, окружившим его со всех сторон. Они, дерзкие, нарушили его трехвековой сон и привели в движение. С трудом, как это и подобает такому старцу, колосс начал выдвигать вперед поросший мохом бок.

Моаи, поспротивлявшись пару минут, шагнула, но вместо простого движения вниз она начала карабкаться вверх.

— Стоп! Стоп! — Я воспользовался своим правом и побежал посмотреть. Когда основание статуи сдвинулось, осталась глубокая впадина. Ясно. У этого гиганта основание было не ровное, как мы рассчитывали, а закругленное эрозией, и поэтому

он сделал шаг в другую сторону. Облегченно вздохнув, я кивнул Хуану, чтобы люди вернулись на свои места.

Смятение понемногу улеглось, и рабочие ждали команды для следующего шага. Открытие, что основание статуи круглое, меня вовсе не привело в восторг. Мелькнула страшная мысль: а что, если гиганта удерживают от падения только страхующие канаты? Они и так были натянуты, что хоть играй на них. Но надо продолжать. Ждать нечего. Я еще раз тщательно все проверил: видимой опасности изваянию и людям не было, и я кивнул.

При первом шаге моаи повернула правый бок на добрых 40 градусов. Теперь она должна развернуться в противоположную сторону на все 90. Тогда два шага составят путь примерно в 50—60 сантиметров. И она уже определенно выйдет из своего прежнего ложа.

— Поехали!

Зазвучали команды, островитяне с задором дернули канаты, и статуя под веселое гейканье рабочих и зрителей начала шевелиться.

Восторги сразу утихли, когда четырехметровый гигант вдруг начал раскачиваться и медленно падать вперед. Люди, которые держали поворачивающие канаты, вмиг разлетелись, а я застыл на месте. К счастью, моаи остановилась. Ее удержала страховка — хотя канаты и были натянуты, как наши нервы, но выдержали, и нам представилась возможность разглядывать умеренно наклоненную моаи.

Зрители между тем опомнились, и развернулась жаркая дискуссия на нескольких языках.

Краешком глаза я посмотрел на киногруппу, они с азартом снимали все, жадно схватывая каждую деталь. «Все о'кей, — восторженно помахали они мне руками, — будут великолепные кадры!». Ну, хоть кому-то это понравилось.

Непредвиденный наклон статуи вперед был вызван тем, что эрозия деформировала основание. Оно не было и полностью закругленным, как это представлялось после первого шага. Основание словно было срезано наискосок. И если бы истукан вышел из своего ложа на ровную поверхность, он мог бы шагать, наклоняясь вперед, насколько ему позволяла эластичность страхующих канатов. Без них он уже давно лежал бы на земле, и мой позор был полным.

И тут в голову пришла простая и спасительная мысль. Статую мы выпрямим сами без помощи подъемных кранов, если нам удастся сделать несколько шагов. Прежде всего мы усилили страховку сзади еще одним канатом и начали подготавливать следующий шаг.

Но сначала, естественно, я объяснил свой план Туру, и он согласился с ним. Тур меня приятно поражал тем, что оставался невоз-

мутимо спокойным, хотя видел все, что происходило с моаи. В минуту сильного напряжения мне всегда помогало его спокойствие. Он верил, как и остальные, что статуя обязательно пойдет.

Сделав несколько шагов, статуя и в самом деле выровнялась. Позади осталось два метра из тех шести, которые нужны были киногруппе, чтобы снять фильм. Мне казалось — прошла вечность. Но моаи шла. Сгребала перед собой песок, камни, дробила их, вырывала дерн из мягкой земли, но двигалась!

Отношения с киношниками складывались сложные. При колоссальном напряжении, с которым мы работали, я мог подать знак, что люди и статуя готовы к очередному шагу, но вдруг оказывалось — киногруппа не готова. Был случай, когда — операторы не могли упустить удачный момент! — заметили, как удивительно отражаются белые облака в зеркальных очках одного из участников экспедиции, капитана Хартмарка, и тут же начали снимать. Сколько раз мне говорили, что все подчинено интересам съемки, но... Ведь облака плыли по небу каждый день, и капитан мог надеть очки по первой же просьбе. Я уверен, что он бы не отказался. Но съемка есть съемка, и поделаться я ничего не мог.

И снова я позавидовал Туру, его спокойствию, его снисходительности. Он тоже был удивлен поведением операторов, как и я, но примиряюще улыбнулся, посмотрел на меня, пожал плечами и сказал: «Это жизнь». Откуда он черпал такое понимание и широту натуры — не знаю. Точно так же он вел себя и на аэродроме в Сантьяго, когда потерялся его багаж и он должен был одолжить одежду в норвежском посольстве, и при многих других обстоятельствах. Наверное, эта невозмутимость помогла ему преодолеть все трудности при организации своих фантастических экспедиций.

Завершив запланированную шестиметровую трассу, я на всякий случай еще раз переспросил, не нужно ли нам будет передвигать статую на прежнее место. Нет, не нужно. Серхио Рапу своей властью губернатора острова решил: она останется там, куда дошла. Со временем тут поставят дощечку с надписью, где будет рассказано о моей теории передвижения моаи. Об этом с улыбкой сообщил мне Тур. Если я когда-нибудь приеду сюда вновь, я обязательно проверю, стоит ли доска.

Любопытной была реакция островитян на наши испытания. Во время самого первого — подчеркнутое равнодушие. Они не знали, о чем идет речь, все было для них чужим. Первые шаги моаи вызвали интерес, хотя и скрываемый. При втором эксперименте они уже по собственной воле стали его самоотверженными участниками и сразу же принялись

планировать и оценивать успех дела наперед. Не всегда, конечно, их поступки диктовались чисто научным интересом. Один парень напрямик спросил, сколько мы платим за пройденный истуканом метр. Мои помощники выражались конкретнее: «Ту-коигу, сколько дашь пива за пройденный метр?»

После успешно проведенного испытания у островитян возникла неожиданная идея: «Мы теперь будем двигать статуи для туристов, а они будут платить за билеты. Только надо сделать новую моаи — как у тебя дома, из бетона. Наши чересчур старые и могут не выдержать, если их часто двигать». Таким образом, может быть, мы поспособствуем повышению жизненного уровня населения далекого экзотического острова.

Волнение и ликование понемногу улеглись, и вдруг из-за спины моаи раздался крик. Что случилось? В предчувствии новой беды я бросился вслед за всеми. Но тревога оказалась ложной. Внимание одного из островитян привлек пятисантиметровый скорпион, выползший на спину истукана. По-видимому, он отдыхал в какой-то трещине, а наше испытание нарушило его покой. Скорпион метался по камню, и его грозно выставленное жало искало жертву. Островитяне дразнили его стебельками травы, и, казалось, они его совсем не боятся. Однако пальцем к нему никто не прикоснулся. Раньше я считал, что здесь живность такого рода — змей, скорпионы и прочие ядовитые существа — не водится, и поэтому безмятежно лез в бесчисленные пещеры и трещины в скалах. После этого случая я стал гораздо осторожнее.

Ажиотаж вокруг разъяренного скорпиона был прерван приглашением Рафаэля: он как раз открывал земляную печь и звал всех на угощение. Чей-то ботинок раздавил скорпиона, и мы отправились пировать.

Земляная печь — это выкопанная в земле яма размером полтора метра на метр и глубиной сантиметров пятьдесят. Прежде чем развести боль-

шой костер, повара выложили ее дно камнями средней величины. Когда огонь догорел, камни покрыли листьями банана и на них слоем сантиметров в двадцать положили разрезанную на порции свинину и сладкий картофель. Сверху все накрыли зелеными банановыми листьями и засыпали землей. Это было сделано рано утром.

Как только сняли верхний слой банановых листьев, сказочный аромат мяса быстро собрал всех участников торжества, и самые нетерпеливые окружили тесным кольцом благоухающее лакомство. Золотистые, сочные, душистые порции повара раскладывали на листья фигового дерева. Туру и мне аппетитные куски мяса подали на приготовленных заранее тарелках. Но мы от такой чести отказались. Свинину на фарфоре я ел и дома. От ветки фигового дерева я оторвал большой лист и спрятался со своей добычей в тени только что передвинутой моаи. Я уселся на валявшиеся рядом стебли тростника и принялся за еду, отгоняя назойливых мух.

Настроение у меня было превосходное. Несколько минут назад завершился целый этап жизни. Для меня это означало примерно пять лет работы и исполнение моей мальчишеской мечты. Для Тура — еще одна веха в изучении острова. Первое испытание он провел во время давней экспедиции, когда меня еще не было на свете.

Остров Пасхи

ЯЗЫК МОЙ?

На опубликованный в № 7/89 отклик М. Тонитенко о взаимоотношениях русского и других языков пришло несколько десятков взволнованных писем.

Отклик М. Тонитенко созвучен моим мыслям. Действительно, придет время — и все народы, населяющие земной шар, сольются в одну общечеловеческую нацию землян. Но торопить исторический процесс слияния культур и народов так же недопустимо, как и искусственно тормозить. Возникнет мир будущего, населенный новыми предметами, понятиями, явлениями, которые найдут свое обозначение в новом языке. Несомненно, новый язык вберет в себя все лучшее, что было выработано человечеством. Станет более лаконичным и точным. Не первыми ли ласточками для нас стали такие слова, как «спутник», «гласность», «перестройка», «альтернатива», «плюрализм», «спонсор»?

Но нужно помнить и другое. Многочисленные и малочисленные народы, населяющие нашу Землю, — это то немногое, что дошло до наших дней через толщу веков. Поэтому для всех нас очень важны как опыт и культура народов Севера, так и самобытность языка и культуры прибалтийских народов или, скажем, народов Закавказья или Средней Азии.

В. КИПИРИН,
ст. Каневская,
Краснодарский край

Суждение М. Тонитенко — это суждение человека, безразличного к природе, к ее обитателям. Она с легкостью называет свою национальность и так же легко порывает с ней связь. Нет, таким человеком может быть тот, кто не имеет своей национальности. Ему свойственно, и это не удивительно, превращать цветы, леса, реки, горы в желтоватое однообразие песчинок, оставляя после себя страшную пустыню.

С какой насмешкой говорит М. Тонитенко об игре на двух струнах и с восхищением превозносит цивилизованное искусство. Видно, она ценит его по «Маленькой Верре», безобразной музыке и дикоприпадочным песенным исполнениям современных певцов. Что ж, сегодня современное «искусство» поразило множество «цивилизованных душ», но не все же человечество!

В. ПУШКАРЕВ,
г. Одесса

Черное золото

В письме М. Тонитенко в чистой форме без какого-либо шовинизма или национального эгоизма, только с практической точки зрения, изложено философское начало политики ассимиляции и консолидации, которая проводилась с 30-х годов.

В исторической перспективе такая политика (неважно, проводится ли она с искусственным ускорением или только «стихийно») — это просто самоубийство многонационального государства. В эпоху всеобщей грамотности такое государство рано или поздно становится жертвой сепаратистов, выступающих под знаменем национально-освободительного движения.

Мнение автора о том, что «язык должен быть один», в каком-то смысле, несомненно, рационально. Пока в мире не существует автоматических карманных переводчиков, то должны применяться языки международной коммуникации. Если такой язык не угрожает существованию национальных языков, если он не приводит к неравноправию национальностей, то его применение не должно вызывать конфликтов. Но пассивно и даже с одобрением смотреть на ситуации, в которых такой язык становится средством культурного давления на национальное меньшинство, — это не только культурное варварство, но самоубийственная политическая безграмотность.

М. Тонитенко приводит, как мне кажется, очень удачные примеры того, что национальные языки и культуры представляют незаменимые ценности не только для своих этнических носителей, но и для всего человечества. Смерть языка она даже приравнивает к смерти дорогого человека. И одновременно она не понимает, зачем проливать слезы над такой смертью. Существуют примеры мертвых языков, но которые были опять воскрешены. Вот мой родной чешский язык когда-то тоже был почти мертвым.

Прогресс должен служить жизни, людям. Но с прогрессом, работающим только на себя, надо бороться в равной степени, как с загрязнением окружающей среды или с истреблением биологических видов.

П. БРОДСКИЙ,
г. Прага, ЧССР

Неужели для сближения людей нужно обязательно отречься от всего родного и близкого, неужели для этого надо обзывать родной язык и культуру трухой? Неужели?

Не благодаря ли подобным Тонитенко от всего национального наших народов, включая и русский, осталось... почти ничего.

А. САРКИСЯН,
г. Ереван

Раскаленное бразильское солнце, кажется, вознамерилось расплавить камни мостовой. Уже полдень. Но, несмотря на жару и усталость, я не могу прервать свое путешествие по городу, который вобрал в себя всю историю и уклад жизни огромной страны.

Черное золото... Все давно привыкли к этому уже заезженному словосочетанию, которым принято обозначать нефть. Но здесь нефть оказалась ни при чем.

Более 300 лет назад, в эпоху колонизации Бразилии португальцами, по этим местам рыскали конные и пешие отряды завоевателей — энтрады и бандейры. Первые — под штандартами португальской короны, вторые, так сказать, — в частном порядке. Цели, однако, у тех и других были общие — поработить индейские племена, а главное — отыскать сказочные богатства Нового Света, о которых ходило столько легенд.

Почти полвека призрак золота ускользал из алчных рук и, даже когда открылся, не сразу был распознан. И все-таки золото наши. случилось так, что в 1694 году один из отрядов долго плутал по густым лесам и сертану¹ Катаус. Португальцы сделали привал на берегу ручья под самым гребнем горы, которую индейцы называли Трипуи. Один из воинов, Дуарте Лопис, зачерпнул из ручья воды деревянной плошкой — в ней оказалось сразу несколько странных, тяжелых камешков. Дуарте решил, что это кварц, и был рад, когда за гроши ему удалось продать их одному из товарищей.

Провалившись долгие месяцы на дне переметной сумы, камешки наконец добрались до Рио-де-Жанейро и случайно попались на глаза губернатору Артуру ди Са-э-Менесису. Тот, не найдя в камнях ничего особенного, все же решил попробовать их на зуб... С сухим треском лопнула вдруг черная короста, а под ней маслянисто блеснул самородок.

Сотни золотоискателей ринулись в новое Эльдorado... но гора, казалось, исчезла. Лишь в 1701 году бандейра, предводима Антониу Диашом ди Оливейра, старательно прочесывая индейские тропы, нашла возжеленную гору. Уже через год здесь вырос поселок, а в 1712 году произошло официальное основание города, который получил название Вила-Рика — «Богатый город». Еще через десять лет Вила-Рика стал столицей капитании² Минас-Жерайс.

Позднее город сменил название на Ору-Прету — Черное золото.

70 лет спустя Ору-Прету стал центром событий, навсегда вошедших в историю страны. Они связаны с именем наиболее почитаемого национального героя Бразилии — Тирадентиса.

В память о нем на центральной площади Ору-Прету высится монумент. Тирадентис, что значит «зубодер» — прозвище Жуакина Жозе да Сильва Шавьера, дантиста по профессии. Он создал и возглавил тайное общество, объединившее передовых людей страны, для того чтобы отменить выплату разорительных налогов португальцам. Тирадентис и его соратники мечтали о свободной, полностью независимой Бразилии.

Заговор раскрыли. Не все смогли устоять перед пытками. Тирадентис же, не дрогнув, вынес их и взял на себя всю вину. Тринадцать бунтовщиков были отправлены в ссылку. Тирадентис — казнен.

...Пока курчавый мальчуган, набивший мне в «гиды» по Ору-Прету, добросовестно обрабатывал свою сотню крузейро, барабаня даты, фамилии и термины, я неотрывно смотрел на собор Сан-Франсиско-де-Асиз, пытаюсь понять, как его автору — Алейжадинью удалось создать это чудо из камня.

Бразилия богата талантливыми архитекторами, скульпторами и живописцами. Кто сегодня не слышал об Оскаре Нимейере, Лусиу Косте, Бруно Жоржи? Но, выражаясь современным языком, все они приняли эстафету именно от Алейжадинью — настоящего его имя было Антониу Франсиску Лижбоа — сына известного архитектора и черной рабыни. Свое прозвище — Алейжадинью («маленький калека») — получил потому, что страдал страшным недугом — лейшманиозом. Руки художника превратились в два бесформенных обрубка, но он продолжал творить. Ученики привязывали к его культам молот и резец. В Ору-Прету немало работ, которыми по праву гордятся сегодня бразильцы.

Осмотрев собор, иду дальше. Я словно перенесся на несколько веков назад — все в центральной части города дышит стариной. Вот впереди меня медленно едет повозка, запряженная мулом. По брусчатке цокают его копыта. Старинная улица оказалась на редкость длинной. Прочитал название улицы — «Вирусайя» — «Улица кружащихся юбок»...

(См. 4-ю стр. обложки)

¹ Полупустыня (португ.).

² Административная единица колониальной Бразилии.

Айны, населявшие когда-то обширную территорию Южного Сахалина, Курильских островов, южной оконечности Камчатки и современной Японии и сохранившиеся ныне в незначительном количестве лишь на острове Хоккайдо, ни своим антропологическим обликом, ни своей культурой не похожи ни на какой другой народ Восточной Азии. До сих пор ученые-этнографы ведут оживленные споры о происхождении айнов, выдвигая то северную, то южную, то даже западную версии происхождения этой народности. Однако ни одна из них пока не дает четкого ответа на вопрос: откуда появились айны и каковы их лингвистические и этнокультурные связи с другими этносами? Наконец, айны привлекают внимание и своей трагической судьбой, находясь сейчас, по-существу, на грани вымирания.

Очерк Н. Ломановича представляет большой познава-

тельный интерес, в известной мере восполняя пробел в нашей научно-популярной географической литературе, которая давно уже не касается проблемы айнов. В начале семидесятых годов американская исследовательница айнской культуры Мери И. Хилджер прожила длительное время среди айнов на острове Хоккайдо. Ее наблюдения духовной и материальной жизни малочисленной группы представителей этой народности, о которых она рассказывает в журнале «Нэшнл джиографик», — реальность и сегодняшних дней айнов. Разве что проблем стало больше. Это понимают и обитатели айнского поселения, говоря: «Ничего не поделаешь. Настало другое время...»

Л. ДЕМИН,
кандидат исторических наук

Мери Инес ХИЛДЖЕР,
американский этнограф

Прилетевшие с небес

Тисей встретил меня прохладой. Конструкция этого традиционного айнского жилища проста: ставится деревянный каркас, оплетается прутьями, а стены «облицовываются» любым подручным материалом — камышом, соломой, древесной корой. Снаружи у входа сооружается широкий навес, заменяющий кладовку. В единственной комнате из камней выкладывается открытый очаг, утрамбованный земляной пол застилается циновками, а на восток выходит «священное» окно.

Внутреннее убранство представляло собой причудливую смесь старины и современности. Возле очага кудрявились стружками-завитками бельские инау — молитвенные палочки. На стенах были развешаны тяжелые бусы и декоративные поделки. На полу выстроились в ряд большие керамические цилиндры, похожие на молочные бидоны, в которых хранят сыпучие продукты. На подставке поблескивал экран телевизора. С потолка свисала пузатая электрическая лампочка. А на эмалированном умывальнике стоял прозрачный пластмассовый стакан с разноцветными зубными щетками.

Прожив на острове Хоккайдо восемь месяцев среди айнов, изучая их быт, историю, религиозные обряды и устные легенды, я убедилась, что цивилизация побеждает и лишь стараниями представителей старшего поколения поддерживаются древние традиции.

Старики Секи и Рийо Цурукити встретили меня как дорогого гостя:

— Мы польщены, что вы посетили наше скромное жилище, — торжественно приветствовал меня хозяин, только что вернувшийся с рисового поля. — Пожалуйста, проходите и садитесь поближе к очагу. Огонь в нем священен. И обязанность хозяйки — постоянно поддерживать его. Если он погаснет, это плохое предзнаменование. А на угли мы всегда бросаем немножко еды и несколько капель напитка для духов и наших умерших предков... — тут же начал Секи «вводную лекцию».

Расположившись на вышитых подушках возле очага, где закипали два алюминиевых чайника, я старательно запоминала то, что рассказывал хозяин. Например, инау, играющие большую роль в жизни айнов, делают только мужчины и обязательно из ивы. Дело в том, что, когда великий дух создал родину айнов и полетел к себе на небо, он забыл на земле палочки для еды. Непростительная оплошность: от дождей и непогоды они бы наверняка сгнили. Возвращаться обратно духу было лень. Поэтому он взял да и превратил их в ивы.

— Инау вы увидите в каждом доме. А вот камышовые корзины теперь уже никто не плетет. Считают, что картонные коробки удобнее. Да и атуси, ткани из мягкой внутренней коры вяза, не найдете, — сокрушенно вздохнул Секи.

Его рассказ прервал приход трех соседок Цурукити: 65-летней Мисао, 75-летней Торосины и 76-летней Уме. Лица всех их украшали большие темно-синие усы.

— Японцы сочли этот обычай жестоким и варварским и запретили его, — стала объяснять мне Уме. — Что ж, может быть, правда тут есть. Процедура эта, которой раньше подвергались молодые девушки, очень болезненная. Острым, как бритва, ножом вокруг рта делается множество крошечных надрезов. В них втирается сажа со дна чайника, вскипяченного на березовых углях. От этого татуировка становится синей. А поскольку копать дал священный огонь, злые духи не могут проскользнуть в чело века через рот или нос. И потом татуировка показывает, что девушка достигла брачного возраста. Я, например, сразу после этого нашла мужа, — с гордостью закончила Уме.

Вообще внешне айны сильно отличаются от японцев. Кожа у них намного светлее. Глаза — круглые, карие, густые брови и длинные ресницы. Волосы часто слегка вьются. У мужчин растут густые усы и борода. Айнов не зря считают представителями другой расы.

Большинство поселений айнов, в которых я побывала, расположено между Мурораном и мысом Эримо на юге Хоккайдо. Места там не очень красивые: море да песок. Те деревни, что находились в глубине острова, давно превратились в городские предместья, а их обитатели стали рабочими, шоферами, конторскими служащими. Живут они в обычных деревянных домах, нередко даже с водопроводом, крытых железом и ничем не напоминающих традиционные тисей, в которых, между прочим, очень сыро и холодно зимой. Естественно, что «городские» айны во многом японизировались.

Но вот религиозные верования и обряды предков сохранились повсюду.

— Настоящий айн верит не в единого всемогущего бога, а поклоняется целому синклиту каму — духов огня, воды, гор, равнин, деревьев, животных, — рассказывал мне сорокалетний Сигеру Каяно, один из ревностных защитников национальной самобытности «настоящих людей», как называют себя айны. — Поэтому, когда мы собираемся на молитву, старейшина распределяет, кому к какому каму возносить их: одному —

духу медведя, другому — дома, третьему — моря и так далее. Причем каждый обращается к камуи с теми словами, которые считает подходящими. Например, духу реки можно молиться так: «Человек не может жить без бегущей воды. Мы благодарим тебя, река, за все, что ты делаешь для нас, и просим, чтобы в нынешнем году с тобой пришло много лосося». Но главная молитва была и остается о здоровье детей...

Вообще дети занимают особое место в жизни айнов и их воспитанию уделяется много внимания. Вся семья, а не только родители, старается развить в них такие качества, которые будут нужны, когда они станут взрослыми. Для мальчиков это прежде всего сообразительность, наблюдательность, быстрота. Без этого не получится хорошего охотника или рыбака. Трехлетним малышам, например, дают игрушечные лук и стрелы. А вскоре отцы уже берут их с собой на охоту и рыбную ловлю. Принцип обучения прост: смотри и подражай. Девочек учат готовить, шить, вязать. И еще — доброте. Без нее, считают айны, не может быть хорошей матери и жены. Кстати, хотя от детей требуется дисциплинированность, взрослые не скупятся на ласку. Единственно, чего никогда не допускают родители, это дать поцеловать ребенка «нехорошему человеку». «Зависть и злоба так же заразны, как болезнь», — утверждают айны.

Общаясь с ними, я заметила, что юное поколение, которое большую часть времени — и в школе, и вне ее — проводит с японскими ребятами, уже не чувствует себя ущемленным. Фактически у них уже нет национального самосознания. Поэтому, когда начинаешь расспрашивать их об обычаях и традициях, они испытывают

неловкость, хотя и стараются не показывать этого. «Ничего не поделаешь. Настало другое время, и мы не должны вставать молодым поперек дороги», — философски сказал мне один старый айн.

Да, многое изменилось в жизни айнов. В этом я убедилась, когда была в деревне Хигаси на побережье. По мелководью бродили женщины и несколько мужчин, собиравшие в мешки морских ежей. Потом тут же, на берегу, они разбивали камнями колючие шары, доставали пальцами оранжевую студенистую массу и съедали ее. На следующее утро жители деревни занялись морской капустой. Ее длинные черно-зеленые листья, разложенные сушиться прямо на гальке, покрывали весь пляж. Их разрежут на метровые куски и свяжут в аккуратные тучки. Часть отвезут на рынок, остальное пойдет на собственный стол в качестве гарнира и приправы.

— Раньше мы жили в основном охотой да рыбалкой, и никто не голодал. Олени водились во множестве. Затем нахлынули японцы, леса опустели, пришлось перейти на кроликов и енотов. Теперь даже их не осталось. Ну а тем, что дают огороды и рисовые поля, прокормиться трудно. Земли не хватает, да и рабочих рук мало. Молодежь уходит в города. Так что питаемся неважно. Случается, животные подтягивает, — сетовали старики из Хигаси.

Конечно, скудный стол — вещь отнюдь не второстепенная. Однако худых, истощенных людей у айнов я не встречала. Впрочем, болезни среди них тоже не свирепствуют. Айны испокон веков лечатся травами и кореньями, причем многие снадобья широко применяются и теперь. Например, от желудка хорошо помога-

ет настойка из айрного корня с чистотелом. От простуды — отвар из медвежьих и оленьих костей. От кашля дышат парами кипящей мяты.

Сложнее обстоит дело со злыми духами, которые способны не только сломать человеку руку или ногу, но и погубить его. Тут айны прибегают к кардинальным мерам. Так, когда в Хигаси утонул в море рыбак, все мужчины вышли на берег с мечами в руках. С криками: «Я хо! Я хо!» — они маршировали длинной цепочкой, угрожающе размахивая над головами оружием, чтобы испугать злого духа и предотвратить новые несчастья.

В более простых случаях для исцеления бывает достаточно произнести соответствующие заклинания или похлестать тело больного камышом, чтобы изгнать вселившегося в него злого духа.

— Обращаетесь ли вы к докторам? — поинтересовалась я.

— Конечно. Если наши средства не помогают, — был ответ.

Незадолго до отъезда у меня в номере раздался телефонный звонок:

— Вы, кажется, интересуетесь происхождением айнов, не так ли? — спросил неизвестный с сильным японским акцентом.

— Да, — осторожно ответила я.

— Тогда я могу раскрыть вам этот секрет. Их предки прилетели с небес. Да-да, не смейтесь. Они и теперь поддерживают контакт со своими космическими сородичами, только хранят это в тайне. Можете сами проверить.

— Каким образом?

— Почитайте описания пришельцев, посещающих Землю на летающих тарелках. Так же, как айны, они ни на кого не похожи. Зато между ними и «настоящими людьми» много общего...

«Настоящие люди»

Обхватив друг друга, слились в Первую Молнию Небесный Змей и Богиня-Солнце. Радостно грохоча, спустились они на Первую Землю, отчего сами собой возникли верх и низ. Змей сотворил мир, а с ним и Айойну, который создал людей, подарил им ремесла и умение выжить. Позднее, когда дети Айойны во множестве расселились по свету, один из них — царь страны Пан — пожелал жениться на собственной дочери. Не было вокруг никого, кто не побоялся бы пойти против воли владыки. В отчаянии убежала царевна вместе с любимым псом за Великое Море. Там, на далеком берегу, родились у нее дети. От них-то и пошел народ, называющий себя Айны, что означает — «Настоящие люди».

Почему настоящие? Потому что каждое дерево, лягушка, птица, зверь, даже песок на берегу — человек, тоже душу имеет, слушает, понимает, действует, только видом другой, не похожий на айнов, — стало быть, не настоящий. У айнов есть вожди, у «других людей» — хозяева, то есть камуи. Камуи сильные, всегда настоящим людям помочь могут, только просить их уметь надо. Возьми палочку, преврати ножом один из ее концов в кудрявые стружки, надрежь кое-где, и получится инау. Подари ему еду и питье, укрась пестрыми тряпочками и объясни, что ты хочешь. Душа инау передаст твою просьбу нужному духу-каму, и тот не откажет.

Сколько раз бывало: уйдешь в море, а тут ветер поднимет волны — вот-вот опрокинут лодку! Но бросишь в воду заранее приговленную палочку-инау и крикнешь ей:

— Иди к Хозяину Моря и спроси: хорошо ли это, если айн погибает, а камуи этого не видит?

И руки вдруг делаются сильнее, весла — послушнее, волны все ниже, ниже — и кончится буря.

Но для того, чтобы уберечься от самых грозных враждебных сил или болезней, нужен особый инау. Сперва охотники добывают медвежонка-сосуна. Этого слабого медвежьего «человечка» приносят в деревню. С того дня у всех окрестных айнов начинается новая Жизнь в ожидании Праздника. Три-четыре года ждать надо. Но люди теперь не так боятся болезней, голода, войн. Все напасти уйдут, потому что впереди Праздник.

И вот в особое полнолуние на много дней пути вокруг наступает мир. Из разных родов, из самых дальних мест приходят по суше, приплывают

по морю гости. Их встречают с радостью и почетом.

Наступает время игр, состязаний и танцев. Гудят зажатые в зубах «мук-кури» — пластинки с упругим язычком. Ритмично ухаает под ударами лежащее на козлах оловое бревно. Бывшие враги втягивают друг друга в пляску, забывая обиды, становятся бок о бок и медленно ступают то в одну, то в другую сторону. Музыка сама собой заставляет хлопать в ладоши, покачивать головами. Смех, песни...

Затем наступает главное: из дома-клетки выводят медведя. О нем все это время заботились лучше, чем о собственных детях. Теперь люди собрались вместе, чтобы проводить дорогого гостя в другой мир. Медведь долго будет помнить и благодарить айнов. Но сначала пусть пройдет он между рядами стоящих и сидящих людей, чтобы каждый мог попрощаться с «человеком».

Айны сбиваются в огромную ликующую толпу. Она ведет медведя к священной площадке, где застыли вырезанные из дерева похожие на него «люди». Выходит бородач с большим, в свой рост, луком. Две стрелы ударяют медведя в левый бок и выпускают его душу на волю. Ведь она — самый умный, самый умелый инау. Не одного, многих камуев уговорить может. И тогда Хозяин Леса — медведь — даст счастливую охоту, а Хозяин Моря — касатка — пригонит на острогу айна морского зверя или прикажет жирным китам выброститься на берег. Только бы душа косматого «человека» дольше помнила о том, как любили его настоящие люди, живущие на разбросанных посреди громадного океана островах.

Таким знали мир айны, «настоящие люди», предки которых населяли в древности острова современной Японии, Сахалин, Курилы и южную оконечность Камчатки. Ведь другой земли нет на свете. А что же мир знает об айнах? К сожалению, они не создали своей письменности, и поэтому можно лишь догадаться о начальных этапах становления этого народа.

Первые письменные упоминания об айнах, составленные японскими летописцами, рассказывают о тех временах, когда японцы еще не были хозяевами всей территории сегодняшней Страны восходящего солнца. Поэтому что возраст айнской культуры «Дземон» (когда создавались керамические сосуды, украшенные спиральными узорами) около восьми ты-

сяч лет, а современная японская народность начала формироваться лишь в IV—I веках до нашей эры. Основой для нее послужили племена, хлынувшие в это время с Корейского полуострова на восток. Выходцы с континента вначале заняли ближайший к нему остров Кюсю. Оттуда они пошли на север — остров Хонсю и на юг — архипелаг Рюкю. Жившие на крошечных островах Рюкю айнские племена постепенно растаяли в потоке пришельцев. Но до сих пор, по мнению некоторых антропологов, этническая группа рюкюсцев имеет некоторые черты айнского типа.

Покорение огромного Хонсю провигалось медленно. Еще в начале VIII века нашей эры айны удерживали за собой всю его северную часть. Военное счастье переходило из рук в руки. А затем японцы стали покупать айнских вождей, награждать их придворными титулами, переселять целые деревни айнов с захваченных территорий на юг, а на освобожденном месте создавать свои поселения. Мало того, видя, что армия не в силах удержать захваченные земли, японские правители решились на очень рискованный шаг: вооружили уходивших на север переселенцев. Так было положено начало служилому дворянству Японии — самураям, переломившим ход войны и оказавшим огромное влияние на историю своей страны. Однако XVIII век еще застаёт на севере Хонсю небольшие деревушки неполностью ассимилированных айнов. Большинство же коренных островитян частью погибли, а частью успели еще раньше перебраться через Сангарский пролив к своим соплеменникам на Хоккайдо — второй по величине, самый северный и самый малозаселенный остров современной Японии.

До конца XVIII века Хоккайдо (в то время его называли Эдзо, или Эзо, то есть «дикий», «земля варваров») не слишком интересовал японских правителей. Написанная в начале XVIII века «Дайнинпонси» («История Великой Японии»), состоящая из 397 томов, упоминает об Эдзо в разделе, посвященном иностранным государствам. Хотя уже в середине XV века даймё (крупный феодал) Такэда Нобухиро решил на свой страх и риск потеснить айнов южного Хоккайдо и построил там первое постоянное японское поселение. С тех пор иностранцы иногда называли остров Эдзо иначе: Матмай (Матсмай) по имени основанного Нобухиро Мадумаэского клана.

Новые земли приходилось брать с боем. Айны оказывали упорное сопротивление. Народная память сохранила имена наиболее мужественных защитников родной земли. Один из таких героев Сякусяин, который возглавил восстание айнов в августе 1669 года. Старый вождь повел за собой несколько айнских племен. За одну ночь были захвачены 30 прибывших из Хонсю торговых кораблей, затем пала крепость на реке Куннуи-гава. Стронники дома Мацумаэ едва успели спрятаться в укрепленном городке. Еще немного и...

Но посланное осажденным подкрепление успело вовремя. Бывшие хозяева острова отступили за Куннуи-гава. Решающее сражение началось в 6 часов утра. Закованные в латы японские воины с усмешкой смотрели на бегущую в атаку толпу необученных регулярному строю охотников. Когда-то эти оружие бородачи в доспехах и шапках из деревянных пластин были грозной силой. А теперь кого испугает блеск наконечников их копий? Падавшим на излете стрелам ответили пушки...

Уцелевшие айны бежали в горы. Еще месяц продолжались схватки. Решив поторопить события, японцы заманили Сякусяина вместе с другими айнскими военачальниками на переговоры и убили.

Спротивление было сломлено. Из свободных людей, живших по своим обычаям и законам, все они, от мала до велика, превратились в подневольных работников клана Мацумаэ. Установившиеся в то время отношения между победителями и побежденными описаны в дневнике путешественника Екои:

«...Переводчики и надсмотрщики совершали много дурных и подлых дел: они жестоко обращались со стариками и детьми, насиловали женщин. Если эзосцы начинали жаловаться на подобные бесчинства, то еще вдобавок получали наказание».

Поэтому многие айны убегали к своим соплеменникам на Сахалин, южные и северные Курилы. Там они чувствовали себя в относительной безопасности — ведь здесь японцев еще не было. Косвенное подтверждение тому мы находим в первом известном историкам описании Курильской гряды. Автор этого документа казак Иван Козыревский. Он побывал в 1711 и 1713 годах на севере гряды и расспросил ее жителей о всей цепочке островов, вплоть до Матмая (Хоккайдо).

На этот остров русские впервые высадились в 1739 году. Жившие там айны рассказывали руководителю экспедиции Мартыну Шпанбергу, что на Курильских островах «...людей множество, и никому те острова не подвластны».

В 1777 году иркутский торговец Дмитрий Шабалин смог привести в русское подданство полторы тысячи айнов на Итуруп, Кунашире и даже на Хоккайдо. Айны получали от

русских прочные рыболовные снасти, железо, коров, а со временем — и арендную плату за право охотиться вazole их берегов.

Несмотря на самоуправство некоторых купцов и казаков, айны (в том числе и эдоские) искали у России защиты от японцев. Возможно, бородатые большеглазые айны увидели в пришедших к ним людях естественных союзников, столь резко отличавшихся от живших вокруг монголоидных племен и народов. Ведь внешнее сходство наших землепроходцев и айнов было просто поразительным. Оно обмануло даже японцев. В их первых сообщениях русские упоминаются как «рыжие айны».

Успехи России на Курильских островах не остались незамеченными. В «Кратком географическом описании Курильских и Алеутских островов», выпущенном в 1792 году в Германии, отмечено: «...Матмай — единственный остров, не находящийся под русской властью». Японский математик и астроном XVIII века Хонда Тосиаки писал, что «...айны смотрят на русских как на родных отцов», так как «подлинные владения завоевываются делами добродетельными. Страны, вынужденные подчиняться силе оружия, в глубине души остаются непокоренными». Правитель Японии Танума Окицугу истолковал эти мысли по-своему. Он решил ускорить колонизацию Хоккайдо, срочно построить там новые укрепления и в качестве противовеса русскому влиянию на южных Курилах отправить на острова военные экспедиции, что заставило горстку русских поселенцев вернуться на материк.

Наступил 1855 год. Крымская война докатилась до Тихого океана. Англо-французская эскадра бомбардировала Петропавловск-Камчатский и укрепленный поселок на Урупе. Неопределенность с дальневосточными границами могла обернуться для Российской империи еще одной войной. Так появился на свет Симодский трактат, по которому к Японии отошли два самых густонаселенных и ближайших к Хоккайдо острова — Итуруп и Кунашир. Однако через 20 лет Япония все же сумела навязать России договор, по которому все Курильские острова переходили Стране восходящего солнца «в обмен» на южную часть Сахалина. Японцы перевезли всех северокурильских айнов — от Шумшу до Урупа — на маленький Шикотан. Сразу после переселения айны северян отняли и перебили всех собак: зачем бедным дикарям эти прожорливые животные? Потом выяснилось, что вокруг Шикотана почти не осталось морского зверя. Но ведь, в отличие от южан, северокурильские айны добывали пропитание охотой. Чем кормить переселенцев? Пусть займутся возделыванием огородов! Для людей, не имевших традиций обработки земли, этот эксперимент обернулся голодом. Украшенные

крестами кладбище, обычай давать детям русские имена да закопченные образа в углах — по словам капитана Сноу, это все, что осталось у бывших жителей северных Курил от тех времен, когда государство Российской империи оказывало им свое покровительство.

Быт и обычаи айнов состояли, казалось, из взаимоисключающих элементов. Они жили в землянках, обычных для народов побережья Охотского моря, но иногда строили каркасные дома, похожие на жилища уроженцев Юго-Восточной Азии. Они носили «пояса стыдливости» обитателей южных морей и глухую меховую одежду северян. До сих пор в их искусстве прослеживаются отголоски культур племен южного тропика, Сибири и севера Тихого океана.

Одним из первых на вопрос, кто такие айны, попытался ответить мореплаватель Жан Франсуа Лаперуз. По его мнению, они очень близки к европейцам.

Действительно, соглашаются противники этой версии, в Сибири и Центральной Азии жили когда-то европеоидные племена, но приведите доказательства того, что они вышли к берегам Тихого океана.

Доказательств нет.

Ряд советских ученых (Л. Я. Штернберг, М. Г. Левин, А. П. Окладников, С. А. Арутюнов) поддерживали теорию родства айнов с австралидами южных морей.

Посмотрите, говорили они, как похож национальный орнамент айнов на узоры, украшающие одежду новозеландских маори, наскальные рисунки Австралии, Полинезии и Меланезии. Те же ромбы, спирали, меандры. Айны — единственный народ северо-востока Азии, имевший ткацкий станок, и этот станок — полинезийского типа. Айны использовали отравленные стрелы. К тому же способ крепления отравленных наконечников сходен с тем, что применялся в Индонезии и на Филиппинах. Мало того, в айнских легендах рассказывается о сильном и слабом божествах, помогавших отравлять стрелы.

Самым великим духом айны считали Небесного Змея. И тут можно вспомнить о могущественной Змее-Радуге австралийцев, о Боге-Змее Микронезии. Суматра, Калимантан, Филиппины, Тайвань — на этой дуге находятся культуры, имеющие сходные с айнской элементы. Ученые предполагают, что все они вышли с материка Сунда, соединявшего в прошлом большую часть перечисленных островов, а вместе с ними, возможно, Японские острова и Сахалин с Юго-Восточной Азией.

Родственников Небесного Змея можно найти не только в легендах малайцев и полинезийцев, но и в эпосе монголов, легендах финикийцев, в сказаниях американских индейцев и на костяной бляшке, пролежавшей тысячи лет в земле на берегу Ангары. Так где же корни мифологии айнов? Кто они такие?

НОЧИ ПАДАЮЩИХ ПТИЦ

Внешне долина Джатинга ничем не отличается от сотен других в горах индийского штата Ассам. Точнее, это даже не долина, а просто крошечная впадина размером два на десять километров, окруженная лесистыми склонами. Посреди нее стоит маленькая деревня, где жизнь течет так же неспешно, как и сто лет назад. Лишь раз в году Джатинга оживает. К концу августа сюда со всей округи сходятся крестьяне, чтобы принять участие в необычном празднестве, название которого в переводе с ассамского звучит как «Ночи падающих птиц».

Это не преувеличение. В последние дни лета, когда ночи становятся длиннее, на деревенской площади вспыхивают костры. И вот ближе к полуночи в воздухе появляются стаи птиц. Они кружатся над самыми головами, так что их легко сбить бамбуковым шестом. А некоторые сразу падают на землю. Остается подобрать ниспосланную небом добычу, ошпарить и зажарить на костре для праздничной трапезы. «Птицепад» длится две-три ночи подряд, причем он регулярно повторяется на протяжении многих десятков лет. Жители Джатинги утверждают, что столь необычным способом боги вознаграждают их за праведность.

Впервые об этом странном явлении европейцам стало известно в 1957 году из книги «Дикая природа Индии», написанной английским чаеводом Е. Джи, который сам наблюдал такой «птицепад». Однако, поскольку автор

не был орнитологом, специалисты сочли рассказанное досужим вымыслом. Лишь двадцать лет спустя индийский зоолог Сенгупта заинтересовался необычным поведением птиц и отправился в горы Ассама.

Все оказалось именно так, как описал чаевод. Больше того, во время «птицепада» отдельные птицы залетали прямо в комнату, если там горел свет. По словам Сенгупты, они находились в полубессознательном состоянии и даже не пытались вырваться, когда их брали в руки. Такое состояние длится у птиц несколько дней. Все это время они сидят неподвижно, отказываются от пищи, но потом, выпущенные на волю, улетают.

О «феномене Джатинги» Сенгупта сообщил 50 видным орнитологам в Европе и США. Никто из них не смог дать объяснение «птицепаду». По их единодушному мнению, нигде в мире что-либо подобное никогда не наблюдалось. Зарубежные ученые изъявили желание поехать в Джатингу, однако сделать это оказалось невозможно, так как из-за неспокойной обстановки в Ассаме везд туда иностранцам был запрещен.

Недавно ею заинтересовались сотрудники управления лесного хозяйства Индии. По их заданию доктор Сенгупта занялся изучением «феномена Джатинги». Перед «птицепадом» возле деревни была сооружена металлическая вышка, на которой установили яркую электрическую лампу. И

все же, когда он начался, большая часть птиц слетелась в деревню к кострам.

Обнаружилась и другая любопытная закономерность. Долина тянется с юга на север. По обе стороны деревни лес абсолютно одинаков. В нем живут одни и те же виды птиц. Но вот летят они на костры только из северной части долины, причем лишь тогда, когда ветер дует с юга.

Доктор Сенгупта объясняет это так. Согласно последним исследованиям, птицы ориентируются по Солнцу, звездам, магнитному, а возможно, и гравитационному полю Земли. Некоторые способны различать даже незначительную разницу воздушного давления, например, на уровне пола и потолка в закрытом помещении. Они реагируют на перемены погоды, когда еще ничто не предвещает их. Вероятно, в Джатинге под деревней находится центр мощной магнитной аномалии. Однако она воздействует на птиц только при определенных погодных условиях и лишь в безлунные ночи. Именно тогда происходит что-то такое, что будит спящих в гнездах птиц. Они поднимаются в воздух и, привлеченные кострами, летят к деревне. Примечательно, что те пернатые, которые живут в самой деревне, в ночи «птицепада» остаются в своих гнездах, но зато и днем никогда не улетают из окрестные леса.

С. БАРСОВ

СООБЩЕНИЕ ПРАВЛЕНИЯ АССОЦИАЦИИ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ СССР

13—15 января в Москве состоялся учредительный съезд Ассоциации трудящихся объединений советских путешественников с объединениями путешественников зарубежных стран (Ассоциация путешественников СССР). Делегаты, представлявшие многочисленные объединения и клубы путешественников, экспедиции разного профиля, а также государственные, общественные и кооперативные организации приняли решение об учреждении ассоциации, утвердили ее устав, избрали президента, вице-президентов, правление и ревизионную комиссию. Проведена широкая дискуссия об основных направлениях и формах деятельности ассоциации, правах и обязанностях членских организаций. Президентом ассоциации избран Ю. А. Сенкевич.

Съезд заявил о возрастающей роли прямых человеческих контактов в решении глобальных проблем современного мира и необходимости уважения международных соглашений о праве человека на свободу передвижения. Ассоциация ставит своей целью содействие интеллектуальному и нравственному развитию людей, особенно молодежи и детей, вовлекая их в различные коллективные и индивидуальные путешествия.

Перед путешественниками открываются более широкие, чем раньше, возможности, в том числе и на международной арене. Ассоциация будет оказывать вступившим в нее коллективам моральную, правовую, организационную и материальную помощь, содействовать их взаимовыгодному сотрудничеству с зарубежными партнерами, развивать производство снаряжения для экспедиций.

Не будут обойдены вниманием и индивидуальные путешественники. Они, так же как и любые советские граждане, разделяющие провозглашенные принципы, смогут вступить в создаваемое в рамках ассоциации самостоятельное общество, устав которого предстоит разработать.

На момент съезда выразили желание стать учредителями ассоциации: журнал «Вокруг света», «Клуб путешественников» Центрального телевидения СССР, Географическое общество СССР, Всесоюзное агентство по авторским правам, Государственный комитет СССР по гидрографии и метеорологии, Государственный комитет СССР по труду и социальным вопросам, Московский акционерный инновационный банк, Ассоциация «Мир», Всесоюзное объединение «Сов-

экспортфильм», Государственный комитет СССР по народному образованию, Министерство внешних экономических связей (в лице внешнеторгового объединения «Тяжпромэкспорт»), советско-американский фонд «Культурная инициатива» и другие организации.

Этот список не закрыт. В соответствии с принятым на съезде уставом будет создан Попечительский совет ассоциации, в состав которого может войти любая советская организация, поддерживающая идеи ассоциации и желающая внести посильный вклад в осуществление ее задач.

Ассоциация путешественников СССР приглашает в свои ряды всех, кто готов работать вместе во имя достижения поставленных целей. Мы предлагаем деловое сотрудничество производственным объединениям, общественным организациям и движениям, всем гражданам СССР и зарубежных стран.

Временный адрес ассоциации: 125015, Москва, ул. Новодмитровская, 5а, редакция журнала «Вокруг света». Телефон: 285-88-85.

Расчетный счет ассоциации 161001 в Москворецком отделении Промстройбанка г. Москвы, МФО 201133, «Участник 02».

Филипп КУЗЕН

ПОСЛЕДНИЙ
СЕАНС

Однажды, когда у него были свободные деньги, Матюрен Морс проезжал через парижский пригород Уй и увидел кинотеатр. На дверях его висела табличка: «ПРОДАЕТСЯ».

Он остановил машину, вылез и оглядел неприветливую улицу. Огромные склады животного жира слева и колоссальное газохранилище справа нависали над когда-то веселеньким зданием. Здание уже давно потеряло прежний вид — его развели кислотные дожди, окись углерода и сульфаты из выбросов промышленной окраины. Двустворчатая дверь с заросшими пылью стеклами была выкрашена в некогда всеми любимый ярко-красный цвет, а две ручки опутывала ржавая цепь, на которой висел новехонький замок. Крохотный кинотеатр походил на мрачного клошара, попавшего в руки жандармов.

Матюрен сразу понял, что купит кинотеатр. По его телу пробежала горячая волна — наконец-то в руках у него

окажется то, что позволит ему отомстить за сорок лет бесцветной жизни. И поможет ему в этом крохотный кинотеатр, похожий на уголек от яркого костра прошлых лет, когда внутри его, над приподнятой сценой, взлетал зеленый бархатный занавес и перед сеансом выступали жалкие клоуны пригородов, затянутые в трико эквилибристи и потерявшие иллюзии иллюзионисты, извлекавшие из своих цилиндров миксоматозных кроликов.

Морс знал, что такие места существуют и словно созданы для таких, как он.

Матюрен вдруг вспомнил детские годы: когда-то и он был ребенком и не знал ничего прекраснее, чем сухая дробь барабана, под которую на маленькой мокрой сцене дергался вышедший из моды эстрадный певец, вынужденный соглашаться на все из-за вечной нехватки денег и полного отсутствия таланта. Сегодняшний Матюрен Морс, тот, который когда-то не решался пойти в артисты, тот, кто не поверил заключенной в его душе свободной личности и стал просто Матюреном Морсом, лояльно прожившим свои сорок лет, оказывая людям дрянные услуги, разглядел, что кинотеатр назывался «Селект», хотя

© «Allons au cinema» par Cousin Philippe, dans «L'oreille contre le mur», Ed. «Denoël», 1980.

© Перевод с французского, «Вокруг света», 1990 г.

Сегодня мы поговорим о французской НФ. Не о всей фантастике Франции, разумеется, — это чересчур широкая тема, — а лишь о некоторых деталях. Взять, например, премии и призы — то, что для нашей рубрики служит довольно важной характеристикой. Во Франции их немало. Есть Большая Приз французской НФ — заветная мечта всех фантастов. Есть премии «Аполло», «Дагон», издательская премия имени Жюль Верна (и в свое время я рассказу о них более подробно). Наконец, с 1974 года французские любители фантастики собираются на ежегодные конвенции¹, где читатели — преимущественно молодые — спорят, веселятся, обмениваются мнениями и книгами, выбирают лучшие произведения и лучших писателей и, разумеется, награждают лучших любительскими призами. Вот на одной такой конвенции и был отмечен рассказ молодого автора Филиппа Кузена «Пошли в кино» (в русском переводе — «Последний сеанс»). Причем мнение любителей было единодушным: рассказ достоин награды. Видимо, именно тогда и пришла популярность к Ф. Кузену — писателю (а он еще одаренный художник), который ныне считается яркой звездой на небосводе французской фантастики.

Возможно, не все вы согласитесь с мнением французских «фэнов»: кому-то из наших читателей произведение покажется просто-напросто «черным», иные расценят его как камешек, брошенный в огород кинематографа, третьи найдут подтверждение своей непоколебимой уверенности в том, что насилие в искусстве (в частности, на экране) прямо и однозначно вызывает к жизни насилие реальное.

Никким образом не желая навязывать свое мнение, хочу лишь обратить ваше внимание на ряд режиссеров и ряд филь-

мов, которые выстроил в своем рассказе Филипп Кузен. Да, среди лент, названных в произведении, есть типичные «фильмы ужасов»: «Психоз» Алфреда Хичкока, «Кинг-Конг» Дж. Гиллермина, «Резня мотопилой в Техасе» Тоба Хупера, «Челюсти» Стивена Спилберга, серия фильмов о вампире Дракуле. Но таких, между прочим, меньшинство. Большая же часть лент — совсем иного плана. Их сняли великие режиссеры: Жан Делануа («Собор Парижской богоматери»), Карел Рейс («Айседора»), Джон Форд («Форт Апач»), Артур Пенн («Маленький большой человек»), Хоуард Хоукс («Лицо со шрамом»), Николас Рей («Бунтовщик без идеала»), Алан Пакула («Клюты»), Дени де ла Патильер («Такси в Тобруку»), Ингмар Бергман («Змеиное яйцо»), Жан Люк Годар («Безумный Пьеро»), Элиа Казан («К востоку от рая»), Карл Теодор Дрейер («Страсти Жанны д'Арк»), наконец, Чарли Чаплин («Месье Верду»). Трудно заподозрить этих мастеров мирового кино в пропаганде насилия. Тогда о чем рассказ? Думаю, каждый читатель сам ответит на этот вопрос. Не знаю, как для кого, но для меня ключом послужил последний фильм, упомянутый Ф. Кузеню. На что уж безобидная мультипликация «Три поросенка» Уолта Диснея (кстати, получившая в 1933 году премию «Оскар»), — но и в ней можно усмотреть призраки смерти. Если, конечно, очень хочется усмотреть именно это.

Значит, все дело не в фильмах, а в нас: зрителях, посетителях галерей, читателях книг. Одни ищут искусства, другие стремятся удовлетворить то темное, что таится на самом дне человеческой природы. Филипп Кузен нашел очень точную метафору: этот мрак души убийствен. Писатель-фантаст на самом-то деле не обличает, а защищает кинематограф. Защищает от той части публики, что не воспринимает чувств и мыслей, но жаждет страстей. Увы, нередко к этой части публики присоединяемся и мы с вами.

И если бы в «Селекте» Матюрен Морс показал, скажем, «Чапаева», среди выходящих из зала зрителей обязательно недосчитались бы одного — захлебнувшегося...

Спорно? Наверное. Но в конце концов наша рубрика (и читательская почта как неотъемлемая часть ее) служит и для споров тоже.

Виталий БАБЕНКО,
ведущий рубрики

¹ Слово «конвенция» требует пояснения. В переводе с английского «конвенция» означает «собрание», «съезд». Так по традиции, начатой в Великобритании в 1937 году, а в США — годом позже, называются периодические неформальные встречи любителей фантастики во всем мире. Мы могли бы обойтись и русским переводом. Но — будем уважать полувекую традицию. Термин «конвенция» укоренился, вошел в лексикон уже и советских любителей фантастики, поэтому предоставим слову жить своей жизнью.

мальчишки камнями разбили все «е». От названия остались лишь согласные: «С...л...кт».

И это название, напомнившее о былом, зазвучало в унисон с его внутренним состоянием и окончательно склонило к решению о покупке.

Кинотеатр принадлежал внуку Жильбера Тосс-Ламбийота, короля немного кино, пользовавшегося когда-то громкой славой. Эрнст Тосс признался, что отец развалил дело деда, а сам он проявил полную бесхозяйственность и довел кинотеатр до полного краха. Короче говоря, «Селект» был назначен к продаже десять лет назад. Вернее, речь шла об уплате недоимок, которые следовало внести в кассу местной коммуны.

Ловкий делец Матюрен Морс совершил в тот день удачную сделку. А потому вечером, закрывшись в своем кабинете на шестьдесят восьмом этаже небоскреба в квартале Дефанс, он открыл бутылку вина и чокнулся с отражением в зеркале.

На следующий день Морс обзвонил подрядчиков, занимающихся переоборудованием зрелищных заведений, и принял их одного за другим в своей машине, стоявшей напротив «Селекта». Матюрен изложил им свои планы, выбрал самого дорогого, но и заставил подписать draconовские обязательства.

10 мая в восьми ведущих ежедневных газетах парижского округа появилось черно-белое рекламное объявление высотой 200 мм. В заказе на рекламу, подписанном Матюреном Морсом, уточнялось, что объявление должно в течение двух недель ежедневно появляться на одном и том же месте газет, как в дневных изданиях, так и в последнем специальном выпуске, и что любое сокращение площади рекламы повлечет за собой штраф, в сто раз превышающий сумму, выложенную заказчиком. Речь шла о сотнях тысяч франков, и даже самая крупная и влиятельная газета не могла себе позволить отказаться от дальнейшей публикации рекламы. Каждому главному редактору пришлось смириться с потоком протестов БПР (Бюро про-

верки рекламы), лиг охраны семьи и прочих организаций, пекущихся о защите человеческой личности. Две недели газеты публиковали рекламу Матюрена Морса:

КАЖДЫЙ ВЕЧЕР В «СЕЛЕКТЕ»

8 авеню Жофф, Уй (станция Уй-Каррер, отправление с вокзала Сен-Лазар)

О
Д
И
Н
Ф
И
Л
Ь
М
О

Б
Т
Р
Е
М
С
А
Н
Д
О

Новый кинотеатр в западном пригороде предлагает 100 своим зрителям испытать чувство невыразимого страха — один шанс из ста умереть той смертью, которая показана в фильме. Один шанс из ста умереть смертью героя фильма. Стоимость одного места — 1000 франков (новых).

(Дирекция не несет никакой ответственности за случившееся.)

Первый сеанс состоится 25 мая в 21.00.

Вечером назначенного дня в зеленом сумраке, разбавленном светом ртутных ламп промышленного пригорода, новый кинотеатр распахнул свои двери. Две мощные батареи кварцевых прожекторов высветили розовый фронтон с белой отделкой. В витринах, по обе стороны заново окрашенной двери, висели огромные черно-красные афиши с мрачным предупреждением: «ОДИН ФИЛЬМ, ОДНА СМЕРТЬ!»

Мигнул и засиял кровавый неоновый свет — на свежей известке фронтона вспыхнули буквы «Селект».

По маленьким извилистым улочкам потекли люди.

Мужчины, женщины, мужчины и женщины, тянувшие за собой примолкших, кусающих ногти от страха и возбуждения детишек. Старики с криливо сияющими глазами; нагло виляющие задницами юнцы; держащиеся за руки длинноногие девчонки-юбочки и шоколадные негры из гетто. Все они походили на вышедших из леса волков. Сотни волков. Излишне громко переговариваясь, они шли и как бы считали каждый шаг.

Но вот кто-то рванулся вперед, чтобы оказаться у кассы первым. И сразу затопали сотни ног — вслед за смельчаком бросилась вся толпа.

Через семь минут сто билетов по тысяче франков каждый были раскуплены. Двери «Селекта» захлопнулись, и два красных огня погасли. Тьму крохотного бело-розового зала с рядами красных бархатных кресел прорезал яркий луч, упершийся в экран. Сто пар глаз, похожих на белые луковички в банке с маринадом, разом повернулись в одну сторону и уставились в одну точку. От тоскливого предчувствия заняли сердца.

Во мраке захрипела Мелани Жанс.

Ровно в полночь двери распахнулись, бросив на освеженный дождем булыжник красноватый отблеск. Первые зрители вышли спотыкаясь, их одежды буквально вымокли от пота, а шеи свело от ожидания смерти. Несколько десятков зевак стояли снаружи, образовав двойную цепь. Они вслух пересчитывали живых, громко смеясь и крича: 92, 93, 94, 95... Молчание. 96, 97. В пламенной глотке «Селекта» еще двигались тени. Наконец вышли последние: 98, 99.

Толпа вздрогнула от неожиданного порыва холодного ветра.

Какая-то женщина застонала.

Мужчины вытянули шеи. Кто-то, нерешительно переваливаясь с ноги на ногу, двинулся вперед, засунув руки в карманы. Наконец люди отважились войти внутрь.

Мелани Жанс, сорока двух лет, специалист по информатике из Версаля, лежала в кресле с ножевыми ранами на теле. Ее судорожно сведенные пальцы сжимали желтый билетик, ее пропуск в ад.

Обстоятельства смерти попали в газеты Уя, Сартрувиля и Аньера. Но поскольку началось лето, парижские газеты, словно сговорившись, поместили сообщение на восьмой странице. В тот же день началось судебное расследование.

Морс поднял с пола синюю повестку, которую мотоциклист из префектуры департамента Ивелин подsunул ему под дверь, и пристроил ее между стаканом для полоскания рта и коробкой из зеленого пластика, где держал бритву «Жилетт» с двойным лезвием и кисточку для бритья. Затем выпил стакан воды, поздравил себя с гениальной идеей. Он был уверен, что отныне зал всегда будет полон.

Вечером у «Селекта» собралась толпа из двух или трех тысяч человек.

Матюрен снял афиши фильма «Психоз», тщательно свернул их в трубочку и заменил афишами, изображавшими входящее под воду судно и тонущих людей с черными провалами ртов и руками, протянутыми в сторону какого-то невидимого спасителя. Затем занял место в кассе.

В период между 26 мая и 1 июля, когда полиция закрыла заведение, умерли по порядку: Жози Ренольд, модельерша из Бри-сюр-Сен (ее нашли утонувшей в кресле после показа не признанного критиками «Титаника»); Леон Меркаде Буассо, банкир из Ливорно (случайно пришел на «Собор Парижской богородицы» и разделил участь Феба: он лежал в третьем ряду, наповал сраженный ударом кинжала); Зельда Тон, бакалейщица-пенсионерка из Ферте-

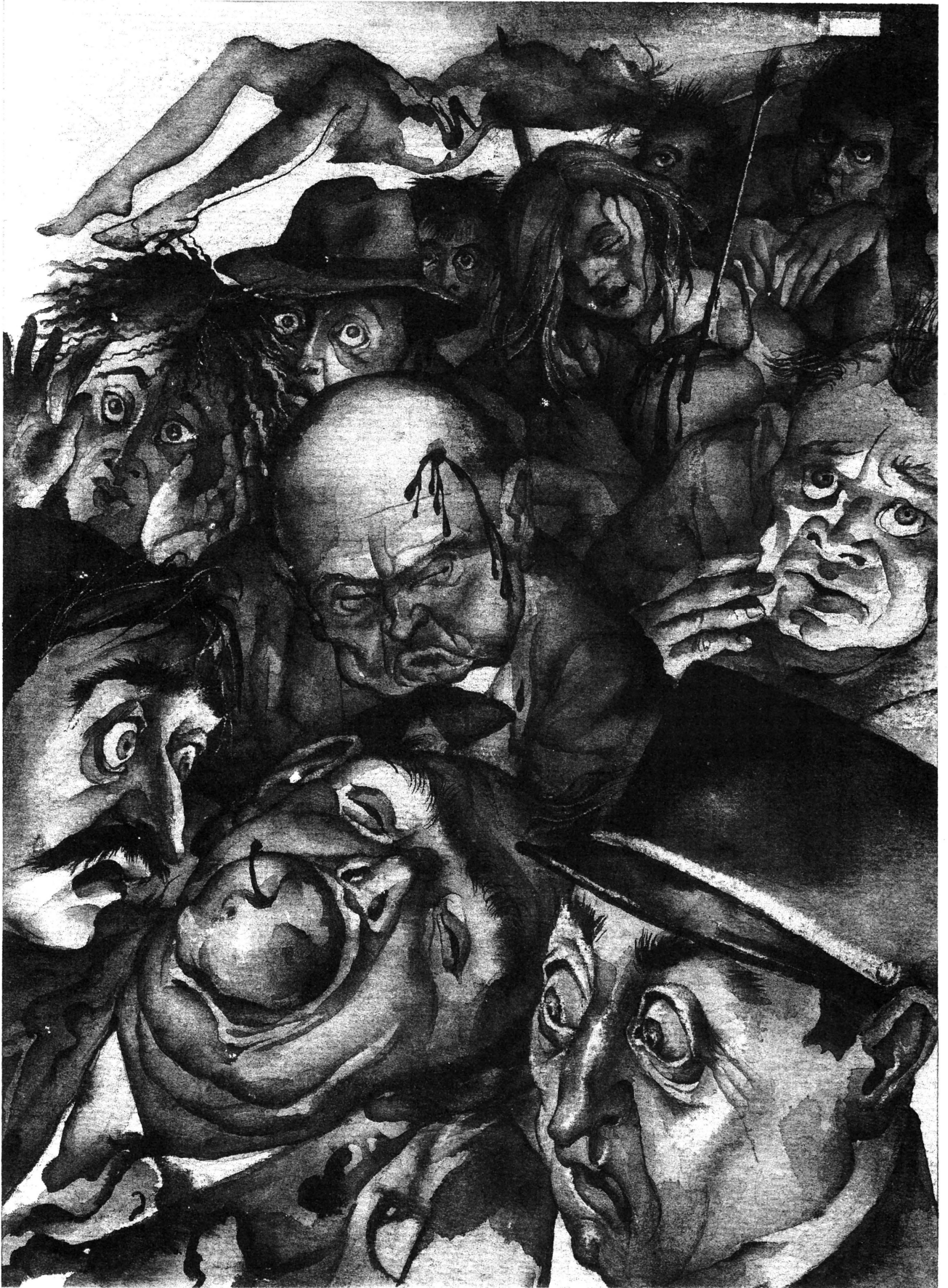
Мишар (заплатила 1000 франков, чтобы увидеть «Айседору», и умерла, как героиня, задушенная собственным шерстяным лилово-бежевым шарфом); цыган Чокнутый Шкаф (когда зажегся свет, он лежал с дыркой в черепе, совсем как президент в «Хищнике» с Лино Вентура в главной роли); Шарлотта Метан, парикмахерша из Уя (ее красное молодое тело было припилено к красному бархату стрелой, очень похожей на те, что со свистом рассекают воздух и убивают в «Форте Апач»); Эстер Розуар, кружевница с улицы Сантье (ей было двадцать лет, когда она вошла в кинотеатр, и более ста, когда ее вынесли с «Маленького большого человека»); Робер Лелон, печник из Энен-Льетара (прошлый сорока восемью пулеметными пулями и без единой целой кости, словно после падения с ужасной высоты, — ему очень хотелось вновь посмотреть «Кинг-Конг»); Манстер Ростен, держатель ночного бара в лесу Шангий (умер после нескольких очередей из «томсона» и пятнадцати попаданий из браунинга, как и его любимый герой, бандит, о жизни и смерти которого рассказано в знаменитом фильме «Лицо со шрамом»). Затем наступила очередь Жанин Орсенар, цветочницы из Тулона, бывшей замужем за учителем английского языка (она обожала Алена Делона и не однажды пересекала Францию, чтобы вновь и вновь увидеть «Непокоренного» Алена Кавалье. Она получила в бок такую же рану, как и ее идол, и умерла счастливой в первом ряду). На следующий день Н.-А. Торк, управляющий супермаркета, разделил ужасную участь героя «Резни мотопилой в Техасе». (В фильме, если вы помните, режиссер Тоб Хупер показал, как механической пилой разрезают убитого выстрелом в спину дровосека.) Сбор и вынос останков Н.-А. Торка дали вечерним газетам повод разразиться серией многословных статей и опубликовать фотографии шестнадцати полицейских с носилками, на которых лежали окровавленные части Торка. На следующий день местные радиостанции транслировали вопли вдовы, которая со всхлипываниями рассказывала, как муж накануне покинул ее, оставив с трясущимися от страха детьми перед телевизором, чьи передачи вдруг стали для него пресными.

Но вместо того, чтобы сбить нездоровое вождение толпы, страдания вдовы пробудили особый интерес: теперь перед кинотеатром по вечерам собиралось не менее пятнадцати автобусов телестудий, десятки машин с СВЧ-передатчиками национальных и зарубежных радиостанций, которые снимали и записывали интервью с тысячами обезумевших людей, решивших рискнуть своей жизнью. «Селект» был рассчитан только на сто зрителей, а потому с семи часов вечера у кассы началось столпотворение любителей острых ощущений, вооруженных шляпными булавами или ножами. Раненые насчитывались десятками к тому времени, когда прибывало подразделение жандармов и устанавливало ограждение.

5 июня в зал удалось проскользнуть некоему журналисту по имени Константен Обло, работавшему в Эн-би-си. Демонстрировался «Бунтовщик без идеала». Обло вел прямой репортаж с помощью крохотного микрофона. Описание атмосферы, царившей внутри «Селекта», захватило слушателей передачи. Однако ее конец был скромным, шум зала заглушил выдох — то был последний выдох Константена Обло, которого нашли после окончания фильма с рулевым колесом «олдсмобиля» в грудной клетке. Его бледное, запачканное засохшей кровью лицо выражало безмерное удивление.

А лицо Леоноры Смит-Тообелл, дочери известного панамского миллиардера, наоборот, было искажено ужасом, когда ее снимали с кресла, на котором Леонору распяли во мраке, как рабов в «Спартаке» Стенли Кубрика. На следующий день из зала вынесли труп Ангуса Мийара, австралийского студента, решившего испытать судьбу на «Империи чувств» (он был задушен и оскоплен и не мог рассказать, какие чувства при этом испытал). Впрочем, как и Антуан Лубуа, учитель из Иври, который до этого ни

Рисунки Н. БАЛЬЖАК

разу не видел «Челюсти» (челюсти не миновали его, разрез надвое в бархатном полумраке «Селекта»).

В четверг вечером давали «Клют» с Джейн Фонда. Ахмед Раши, культурный атташе посольства в Бонне, упал, не покидая кресла, с двухсотметровой высоты и лежал, усыпанный осколками оконного стекла. После сеанса зал походил на фарфоровую лавку, которую посетил слон. В пятницу цена за место в «Селекте» подскочила до 2000 франков, а Матюрен Морс открыл кресла моющим пластиком, гарантируя гигиену и облегчая труд уборщиц. И как раз вовремя, поскольку Эме Кракос подорвался на mine, как Морис Биро в «Такси в Тобрук» — бархат кресел не испачкался.

Эме Кракос мог позволить себе дорогую смерть. Как и Силом Разхе, импортер бамбуковых игрушек, расстрелянный из автомата, подобно герою «Мостов у Токо-Ри». Утром того же дня «Юманите» опубликовала злую статью, перепечатанную в полдень всей левой прессой: по какому праву пролетариат лишился права на страх в «Селекте»? Неужели смерть-как-в-кино — удел лишь богачей? Под палочкой умелого дирижера и при поддержке крупных кинематографических трестов, которым подчинялись прокатчики и пресса, разгорелся скандал, поднялась волна негодования: последовал запрос в парламент, началась закусильная борьба влиятельных сенаторов, были задушены в колыбели инициативы комиссара полиции Уя, следственного судьи и службы контрразведки. Матюрен Морс собирал синие повестки, письма с оскорблениями, которые даже не вскрывал, вызовы в мэрию и складывал все это в гильзу от снаряда, которая досталась ему от деда и служила подставкой для зонтиков.

Каждый вечер он выходил из квартиры, спускался в лифте в гараж и, сев в старый проржавевший «фиат», катил в пригород. Он был счастлив. Его сердце радостно билось при мысли о тех неприятностях, что он доставил людшкам. Матюрен открывал кассу в восемь часов, за десять минут продавал сто билетов, затем запер дверь с круглыми стеклами и шел в кинобудку. Бобины с вечерним фильмом уже лежали наверху. Неловкими движениями он ставил первую бобину на блестящую ось, вытягивал дьявольский серпантин, в котором пряталась смерть, цеплял его за зубцы привода и опускал рукоятки. Ровно в 21.00 голубоватый луч пронизывал черную сердцевину задымленного зала, исторгая из уст зрителей стон ужаса.

Прошедшая в июне серия фильмов о Дракуле погубила восемь человек! Мишеля Лансье, Франсуазу Ледюк, Ливосу Ваала, Гортензию Кразюки, Бернара Нуара, Роже-Луи Андревона, Филиппа Лузена и Д.-Т. Шолстица. Улыбка Матюрена превратилась в оскал, когда от чехла отклеивали самого известного из критиканов — Луи Миньона Халиби: он умер смертью одного из преследователей Дэвида Каррадина из «Змеиного яйца» Бергмана. Словно по сигналу появились злые критические статьи сначала в одном, а затем в другом еженедельнике, где печатались кинопрограммы.

Совершенно малозначительной сочли смерть Анжила Мезакона во время просмотра «Дай мне убежище», поскольку даже интеллигенция не признала эту ленту достойной внимания. Теодор Батик, дворник-сенегалец, умер в атмосфере полного равнодушия, но ужасная гибель Паулы Негро произвела эффект электрошока.

Эта кинозвездочка-метиска, едва умевшая связать два слова и испытывавшая массу унижений, за один вечер могла стать надеждой и опорой французского кино, если бы ее буквально чайной ложечкой не собрали с пола под креслами. В тот вечер крутили «Безумного Пьеро» Годара, в котором Бельмондо на свой манер разряжает взрывоопасную ситуацию. В Азии закончилась война. На Ближнем Востоке на убыль пошел разгул терроризма. Паула Негро стала героиней мировой прессы, а о «Селекте» заговорили на страницах газет от Лос-Анджелеса до Архангельска.

Словно по тонкому расчету, смерть следующих зрителей была завидно легкой: Роже Лапуант, фермер, мирно уснул вечным сном на откидном сиденье, как отец Джеймса Дина в фильме «К востоку от рая». Сенсо Лорренци, звукооператор из Греольера, отошел в мир иной с экзотической улыбкой на устах, как самоубийца с перерезанны-

ми венами из картины «Дьявол в миссис Джонс».

Когда страсти утихли, нормальное положение разом восстановилось: Андре Пенсо, упаковщица с завода электронных компонентов, сторела заживо, смотря «Страсти Жанны д'Арк» Дрейера. Она сэкономила на всем, чтобы купить себе место за 3000 франков. На порывшее кресло надела новый чехол, а на следующий день билеты буквально расхватала сотня истеричек. Судьба нанесла Аделине Маузер удар стрелой в спину: демонстрировали «Избавление».

Стоимость одного места подскочила до 4000 франков. Узнав об этом, премьер-министр произнес разгромную, но бесполезную речь. Несколько месяцев назад он сам принял решение о свободе цен, и это помогло Матюрену Морсу. Жертвой очередного вечера была некая беременная безработная, которая только накануне отказалась от места контролера на заводе безалкогольных напитков. Вместо того, чтобы, стоя у конвейера, истерять в кровь пальцы, она предпочла пойти на «Механический апельсин» и распрощалась с жизнью под ударами трости, как бродяга под мостом. Людей, даже тех, кто из вежливости пропустил без очереди эту не желавшую работать женщину, охватило тягостное недоумение.

В субботний вечер в конце июня у невысокого крылечка «Селекта» остановилось с десяток серых и черных лимузинов. Из них вылезли министр внутренних дел и тринадцать его ближайших сотрудников. Они вошли внутрь крохотного здания, заплатив четырнадцать раз по 5000 франков (новых), взятых из «черной» кассы министерства, и уселся в четырнадцать кресел, которые услужливо придержали для них жандармы. Они сидели, словно проглотив линейки. Презрительно выставив вперед подбородки и не разжимая губ, они от начала до конца просмотрели «Месье Верду». От них, как сказал позже один из зрителей, разлило лимонным лосьоном и чернилами от Ватермана.

За минуту до полуночи на пиджак министра внутренних дел хлынул кровавый поток: юный Лионель Бренуа лишился головы в тот момент, когда Чарли Чаплин шагнул к гильотине...

Побледневший министр и тринадцать его сотрудников встали и механическим шагом направились к выходу. Так было покончено с единственной версией, выдвинутой для обвинения негодяя-владельца «Селекта» и могущей дать логическое объяснение необъяснимой серии убийств. Ибо именно они сидели вокруг несчастного ребенка, к которому не мог подобраться ни один убийца. На следующий день все они вручили президенту республики совместное прошение об отставке, которая была тут же принята. Но было слишком поздно. Под сводами Бурбонского дворца разразился невиданный парламентский кризис: **чем занимается полиция? До какой степени падения мы дошли, если ребенка обезглавливают при стечении публики и на глазах высших представителей власти? Кто виноват???**

«Селект» превратился в объект паломничества. С пяти часов вечера маленький кинотеатр сиял нежными огнями в окружении черного кольца зевак. Предприимчивые дельцы купили завод и газовый склад, снесли их и построили гигантские трибуны, откуда хорошо просматривался кубик, покрытый розовой известкой, и его сияющий фронтон. Поспешно достраивался десяток ресторанов с видом на вход «Селекта» (на десерт — вынос трупа; сдаются внаем бинокли), укладывалась ВПП для легких самолетов, заканчивалась отделка для специального корпуса на восемь тысяч мест и прокладывалась дорога, соединяющая пригород с национальным шоссе. Матюрен Морс в смокинге из розового фая с серебряными галунами, в кроваво-красном галстуке и перчатках цвета сливочного масла высадился из вертолета на крышу «Селекта» под громкие крики толпы и вошел в свою дьявольскую клетку-кассу. Именно там его и арестовали шестнадцать полицейских из бригады борьбы с бандитизмом. Это случилось во вторник 1 июля в 20.00.

Он заработал к этому дню 16 826 329 франков. Целая бригада налоговых инспекторов бросилась изучать школьные тетрадки, служившие Матюрену Морсу бухгалтерскими книгами: записи были точны до последнего сантиметра. Разведка разослала своих людей по всей стране от Ком-

мерси-ан-Минервуа (где родился владелец кино-которое-убивает) до Сен-Жан-д'Арни (где он учился в лицее), а также прочесала Париж, куда двадцатидвухлетний Матюрен Морс прибыл, чтобы работать, как все люди. Два раза он выиграл в лото смехотворные суммы, однажды посетил Америку чартерным рейсом, проводил отпуск в Вандее на мельнице, которую откупил у дяди по материнской линии, почти не имел друзей, его родители давно скончались, политические взгляды и половая жизнь Морса были покрыты мраком тайны, а кроме того, он не верил в бога. Существо, как вы и я, которое умело прятало от других свои чудовищные наклонности. Жизнь обошлась с ним не очень сурово. Он вел малоинтересную и довольно пустую жизнь с редкими вспышками бунтарства, какую ведем все мы. Ничто в его жизни не предвещало, что однажды он купит этот маленький кинотеатр и превратит его в эпицентр гигантского умопотрясения.

Ничто! Однако в морг уже свезли тридцать два трупа. Газета «Матен» от 3 июля писала:

«Матюрен Морс, владелец кинотеатра-убийцы, предлагает следственному судье заменить его в «Селекте»!!!

Неожиданный поворот в деле «Селекта» — Матюрен Морс, содержащийся под стражей по требованию прокурора департамента Ивелин, предлагает следственному судье Жоржу Ола занять его место в кинобудке «Селекта». Таким образом он пытается доказать, что его присутствие там, где произошли тридцать два убийства, вовсе не означает, что он был инициатором преступлений или их исполнителем. С момента ареста бригадой борьбы с бандитизмом Матюрен Морс отрицал свое участие в этих убийствах. Не возражая, что идея пресловутой рекламы «ОДИН ФИЛЬМ, ОДНА СМЕРТЬ!» пришла в голову именно ему, он утверждает, что это был всего лишь рекламный трюк и не более. Решение следственного судьи Ола будет объявлено завтра. (От нашего специального корреспондента Гидеона Муано)».

4 июля в пять часов пополудни караван автобусов и полицейских машин миновал ворота Дворца правосудия и направился в Уй.

В бронированном фургоне «пежо» сидели жандарм-водитель, следственный судья Жорж Ола, помощник прокурора, Матюрен Морс меж двух жандармов, председатель коллегии адвокатов и адвокат, назначенный для защиты владельца «Селекта».

Огромная толпа четвертые сутки дневала и ночевала у «Селекта». Накрапывал дождь. Матюрен Морс вышел из машины, и небо осветилось от несметного множества фотовышек. Небольшая группа направилась к кинотеатру, утонувшему в гигантской толпе и скопище машин, тянувшимся до самого горизонта. Оказавшись у двусторонней двери со стеклами-иллюминаторами, Матюрен Морс с горечью заметил, что слой красной краски исцарапан и исписан сверху донизу. Штукатурка была ободрана — сотни маньяков растаскали ее на сувениры. А в новой неоновой надписи опять отсутствовали два «е», и название снова читалось: «С...л...кт».

«Слкт», «слкт»... Именно такой звук издавали подошвы, когда маленькая группа официальных лиц входила в заднюю дверь «Селекта». Матюрен Морс с усталым видом щелкнул выключателем, и маленький зал оскандился пастью с зубами-креслами, укутанными в пластик. В воздухе висел запах дешевой одеколону, но и он не мог перебить сладковатого аромата крови. Следственный судья повернулся к Матюрену Морсу и строгим взглядом уставился на него. Матюрен Морс отвел глаза в сторону.

Все сели.

«Уих-х-х» — зашелестели чехлы.

Кинемеханик префектуры гремел железом за окошечками кинобудки. Матюрен Морс откашлялся:

— Господин судья, я думаю, для удобства демонстрации и объективности заключения стоило бы заполнить зал. Ибо, если злая участь должна сразить одного из ста зрителей, все должно происходить в совершенно... э... нормальных условиях... Единственная разница будет состоять в том, что я буду здесь, а вы, господин судья, будете играть роль того гипотетического убийцы, которую без всяких доказательств навесили...

Два жандарма по его бокам дернулись и смущенно

посмотрели на судебного чиновника... Судья пожал плечами, встал и скинул плащ. Потом сухо промолвил:

— Будь по-вашему.

И удалился. Чуть позже в зал вошли несколько десятков жандармов, офицеры полиции, разведки, а также стукачи и сотрудники контрразведки. Когда зал наполнился, свет погас — только неярко светились желтые и зеленые лампочки над запасным выходом.

Матюрен Морс наклонился к соседу:

— Что сегодня дают?

Полицейский нервно дернул цепочку наручников и проормотал:

— Не знаю.

Кто-то в конце ряда шепнул:

— «Три поросенка» Уолта Диснея.

Волна истерического хохота прокатилась по рядам, заполненным официальными лицами, жандармами и тайными агентами всех видов. Матюрен Морс победнел:

— Это шутка?

Он повернулся к квадратным окошечкам кинобудки и крикнул:

— Вы шутите, господин судья? Вам хорошо известно, что в фильмах Уолта Диснея никогда не бывает убийств!! Вы хотите любым способом доказать, что убийца — я! А если сегодня никто в зале не погибнет насильственной смертью? Нечестный прием! Я...

Жандармы силой усадили Морса на место. Тот, что был слева, прошипел:

— Заткнись, Морс. Ты не видел фильма.

Экран засветился. Раздались звуки хорошо известной песни:

«Нам не страшен серый волк, серый волк...»

В неясном свете луча Матюрен различал призрачные лица, покрытые испариной страха,— все сегодняшние зрители «Селекта» смотрели в его сторону.

Ждать долго не пришлось. Посетило его сомнение или нет? Он был уверен, что злой волк не съест ни одного поросенка! Кадры фильма прыгали в его глазах, а песенка буквально ввинчивалась в спинной мозг, как ледяная игла. И когда он увидел сцену, в которой злой волк мечтает о зажаренном с яблоком в зубах поросенке, когда он увидел сладострастные движения злобного гурмана, облизывавшего красным языком острые белые зубы, он вдруг понял. Он понял, что настал его час. Матюрен Морс раскрыв рот, чтобы закричать.

Но тут распахнулись стальные дверцы адского крематория. Яростное пламя загнало неродившийся крик обратно в глотку Матюрена Морса.

Кто-то завопил, в воздухе разнесся противный запах горелого мяса. Вспыхнул свет, пробивший клубы густого дыма. Матюрен Морс еще слышал, как вокруг него поднялся ужасающий шум, в который ввелись отрывистые приказы, свистки, топот ног. Звуки отразились от стен зала, вернулись назад и утонули в обгорелом отверстии, которое когда-то служило ему гробом. Свет мигнул, ударил невыносимой болью по выпученным глазам.

Мрак. Боль. Шум.

Что-то мешало сомкнуться его челюстям, что-то горячее и сладкое. Потом его зубы сомкнулись, над ним склонились следственный судья, полицейский, адвокат, перепуганные зрители, не сумевшие сдержать приступы рвоты. Все это он ощущал, падая на дно колодца, где предстояло раставить его сознанию и погаснуть холодеющей искорке жизни. Он испуганно выдохнул:

— Мама...

И из последних сил, из последних сил измученной плоти выкрикнул:

— Это не я! Не я! Вам не понять! Я ни при чем, ни при чем! Это был рекламный трюк. Рекламный трюк...

Чуть позже полицейский, охранявший его подурмявившееся тело, похожее на зажаристого поросенка из мультфильма, заметил, что держит в руке яблоко. Печеное яблоко. Он нерешительно глянул на него, впился зубами в сладкую мякоть.

И обжег язык.

МОНБЛАНЫ НА ЭВЕРЕСТЕ

Уже больше трех десятилетий люди взбираются на Эверест. Давным-давно действует базовый лагерь, расположенный на высоте пяти с лишним километров. Сколько людей прошло через него — подсчитать, наверное, невозможно. А сколько они оставили после себя мусора — невозможно даже представить человеку, далекому от альпинизма. Местность вокруг базового лагеря давно превратилась в самую высокогорную помойку в мире. Чего здесь только нет — изношенные альпинистские принадлежности, палатки, стулья, упаковки от запасов пищи, консервные банки, картонные ящики... Есть мусор и более экзотический — пустые баллоны из-под кислорода, отслужившие свое пищевые машинки, видеомагнитофоны и даже компьютеры. Альпинисты — народ практичный. Не тащить же все это вниз, колы скоро носильщики дороги, а путь неблизок! — недоумевают они. Видимо, если бы восходители платили за оборудование из собственного кармана, а не из кармана богатого спонсора, многое изменилось бы. А пока... пока монбланы мусора на Эвересте продолжают расти.

КОЛЮЧАЯ ГВАРДИЯ

Если водитель автомобиля в Техасе вдруг замечает, что придорожный кактус пришел в движение и направился к нему, вовсе не обязательно тут же давить на тормоза и, закатывая глаза, проклинать нездоровый образ жизни. Вполне возможно, это не галлюцинация, а всего-навсего... представитель национальной гвардии.

Дело в том, что не так давно национальным гвардейцам, несущим патрульную службу на южных рубежах страны, выдали новую форму: зелено-коричневую и с иголками. По мнению дизайнеров, стражам порядка так легче сойти за кактусы. Этот маскарад им предписывается с той целью, чтобы удобней было подстергивать контрабандистов, нарушающих американо-мексиканскую границу. Эффективность новой меры пока не поддается анализу, но кое-какие неприятные последствия уже налицо: многие гвардейцы пригрозили подать в отставку, если их службу и впрямь превратят в маскарад.

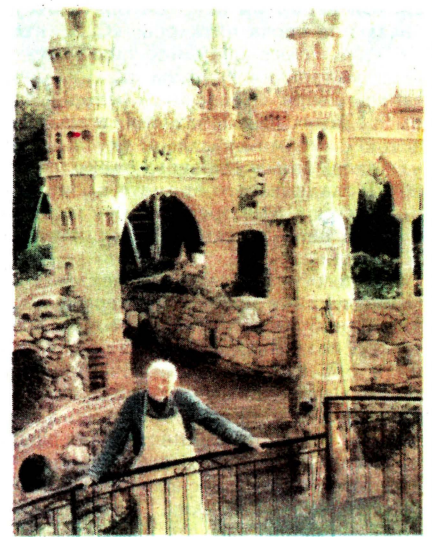

КОМПАС НА ОБОЧИНЕ

Обобщая опыт некоторых туристов, возьмем на себя смелость заявить: в прериях Северной Америки трудно заблудиться, даже если на руке нет компаса. Надо только знать, куда смотреть. Нет, не на Солнце — не всякий может определить страны света по дневному светилу. И не на звезды — опять-таки не каждый способен отыскать Полярную звезду. Надо смотреть под ноги — и искать растение, которое здесь так и называется: компасное. (Конечно, не худо знать его отличительные признаки.) Листья компасного растения всегда располагаются по линии север — юг. Разумеется, растение не было выведено специально для удобства путешественников, и его особенность имеет биологическое объяснение. При таком расположении листьев на них попадает меньше полуденного солнца, и испарение влаги в жаркую погоду идет не столь интенсивно.

ПАГОДА НА ПАМЯТЬ

Чарлз Библи немало поехал по свету. Раскладывая по альбомам открытки с видами ему показалось банальным, и он решил материализовать свои впечатления. Материализовать — в буквальном смысле: в саду Чарлза Библи (а живет он, будучи англичанином по происхождению, во Франции, близ знаменитых виноградников Божоле) стоят высеченные из камня афинский Парфенон, китайские пагоды, дворец персидского вельможи, даже замок Спящей Красавицы (это уже из области не географических, а литературных путешествий). Неужели еще одна причуда богача? Нет, назвать Чарлза Библи толстосумом вряд ли возможно: всю свою жизнь он тихо-мирно изготавливал корсеты и чинил обувь. Страсть к путешествиям пробудилась у спящего уже в пенсионном возрасте — примерно тогда же, когда родилась мысль попробовать себя в качестве камнереза. Инструменты скульптора оказались послушны Библи, и последние пятнадцать лет он трудится не покладая рук. Что еще можно сказать о Чарлзе Библи? Сейчас мастеру 79 лет, и он считает, что главная работа — впереди.

«КОСМИКИ» НА РИВЬЕРЕ

Эта школа пока единственная в Западной Европе. Расположена она во Французской Ривьере, но имеет отношение вовсе не к морю, а к космосу. Ибо называется это краткосрочное учебное заведение «Космический лагерь», а основал его Патрик Бодри — космонавт Франции № 2.

Условия приема очень просты. Любой землянин в возрасте от 10 до 77 лет может записаться в наш Лагерь и стать, как мы говорим, «космиком», — говорит Бодри. — Мы выдаем слушателям скафандр, то есть настоящий бортовой комбинезон со шлемом, и бортовой журнал — подобный тем, что имеются на «Шаттлах». А дальше...

А дальше «космики» (это приблизительный русский перевод английского слова «пейшн», буквально — «пространственник») знакомятся с приборами пилотской кабины «Шаттла», с помощью электронных тренажеров «выводят» корабли в космос, совершают операции на орбите и возвращаются на Землю, тренируют вестибулярный аппарат, даже испытывают на себе уменьшенную гравитацию Луны...

Конечно, в «Космическом лагере» больше детей, чем стариков. Какой мальчишка откажется надеть скафандр космонавта и посидеть за настоящим... ну, почти настоящим пультом!

Большинство подростков плачут, — рассказывает сотрудница космической школы Патрисия Сабуро, — но это тогда, когда пора ехать домой. Конечно, такое поведение недостойно истинных космонавтов, но зато ясно: им у нас было здорово.

ПЕШКОМ ЧЕРЕЗ ПЕКЛО

Пустыня Намиб — одно из самых негостеприимных мест на земном шаре. Здесь и на вездеходе-то люди чувствуют себя неуютно, не говоря уже о том, чтобы познакомиться с этой суровой раскаленной местностью в пешем порядке. И тем не менее пешеходы нашлись. Группа путешественников пересекла Намиб, не прибегая ни к механическим, ни к гужевым средствам транспорта. Одиннадцать человек из Великобритании, Зимбабве, Южной Африки и США справились с трудной задачей и даже сняли фильм о своем походе. Главная цель экспедиции — привлечь средства для Фонда охраны африканской природы.

МАРКИ НЕОБИТАЕМОГО ОСТРОВА

Считается, что клейкие марки появились лишь в XIX веке. Это не совсем так. Первые знаки почтовой оплаты с клеящим слоем датируются 1653 годом: их придумала влюбленная Никола Фуке главного казначея Франции во времена Людовика XIV. Однако впоследствии Фуке впал в немилость, лишился высокого поста (он был обвинен в заговоре и кончил свою жизнь в заключении), и история клейких марок на длительный срок пресеклась.

В начале нашего века существовали даже машинописные марки. Они были в ходу в Уганде, Таиланде, Албании, Колумбии... Вплоть до 20-х годов нынешнего столетия пишущие машинки были большой редкостью в этих (и многих других) странах, так что подделка таких почтовых марок до поры до времени была, в сущности, исключена.

Наконец, марки Редонды. Так называется небольшой остров в Карибском море, принадлежащий государству Антигуа и Барбуда. Остров, надо сказать, необитаемый, а марки между тем у него собственные. Их учредило правительство Антигуа и Барбуды в 1979 году, чтобы привлечь в страну туристов.

СУВЕНИРНЫЕ УНИТАЗЫ

Легкоатлеты толкают ядро, метают диск, копье и молот. На Горских играх в Шотландии спортсмены швыряют увесистые бревна. Палваны — богатые в наших среднеазиатских республиках — часто меряются силами, соревнуясь, кто дальше бросит тяжеленный камень.

В Калифорнии метают (толкают? бросают? швыряют?) унитазы. Ну, не по всей Калифорнии, а, по крайней мере, в городе Пласервилла. Состязание родилось не так давно, но уже получило название Всемирного чемпионата по метанию туалетов (отметим деликатность терминологии). Разумеется, «Всемирного» — ведь нигде больше в мире подобного, насколько мы можем судить, не происходит.

Впрочем, отчего же не швырять унитазы, если их достаточное количество и если спонсором чемпионата выступает мощная водопроводная компания? Суть не в том, что метают, а в том, как это обставлено. И здесь организаторам нужно отдать должное: правила чемпионата очень строги. Нельзя заступать за черту, неудачная попытка приравнивается к поражению и так далее. Участники разделены на три категории:

мужчины весом до 90 килограммов, мужчины весом свыше 90 килограммов и... дамы. Да, женщины тоже со всей деликатностью швыряют деликатные предметы сантехники.

Победителям вручаются денежные премии и призы — как легко догадаться, тоже унитазы. Только не настоящие, а уменьшенные — скажем так: сувенирные.

ЖИВОЙ ГРОМОТВОД

Никому не пожелаешь попасть под удар молнии — страшная энергия заключена в грозном разряде. Однако есть люди, которые чудом остались в живых и после прямого попадания молнии. В таком случае один американский лесничий вполне заслуживает титула «ходячего чуда света» семикратно, ибо молния попадала в него... семь раз! В 1942 году грозовой разряд молнии лишил его ногтя на большом пальце ноги, в 1969 году молния опалила брови, спустя год пострадало от ожога левое плечо, в 1972 и 1973 годах удары молнии выжигали ему волосы, в 1976 году коварный разряд повредил bravому лесничему лодыжку, а в 1977 году он получил довольно серьезные ожоги на груди и животе. Кстати, информация у нас довольно давняя. Если этот славный человек до сих пор жив, не исключено, что к нынешнему времени у него на счету уже восемь, а то и все десять электрических ударов судьбы.

ВОКРУГ СВЕТА

ЮМОР ПРОТИВ ДРАКИ

Полиция города Цинциннати сменила тактику. И тем самым открыла, может быть, новую страницу в трудном деле профилактики бытовых преступлений. Работники внутренних органов хорошо знают, какие драмы порой разыгрываются на бытовой почве, во что иногда превращается невинно начавшийся семейный скандал. Полицейские Цинциннати теперь поступают так. Получив вызов, приезжают в дом, где супруги таскают друг друга за волосы, не обращая ни малейшего внимания на разбушевавшихся хозяев, первым делом направляют к холодильнику и начинают невозмутимо поглащать всякие вкусные вещи.

— Увидев, как блюстители порядка набивают рты деликатесами, скандалисты, как правило, теряют дар речи, — делится своими наблюдениями автор «изобретения», полицейский психолог Роберт Рамон. — А потом, опять же как правило, начинают хототать. Поверьте, юмор — лучшее средство погасить любую, даже самую горячую ссору.

Средство хорошее, спору нет. Заметим от себя лишь следующее: чувство юмора все же срывается, как правило, тогда, когда оно есть.

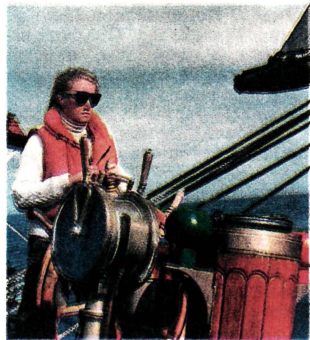

ПОПЕРЕК АВСТРАЛИИ

Путешествие Робин Дэвидсон стало сенсацией 1977 года. Еще бы, женщина в одиночку пересекла Австралию с караваном верблюдов! И вот спустя десять с лишним лет — новая сенсация. Четверо путешественников — американцы Пэт Дэйсарт, Питер Бунисар, Дейв Себулла и австралийка Карен Джеффери — тоже пересекли с верблюдами Австралию. Причем впервые в истории континента сделали это в направлении с запада на восток, пройдя за 198 дней почти пять тысяч километров от Стиппойнт, западной оконечности материка, до городка Байрон-Бей, на берегу Тихого океана.

Уже всего пришлось смельчакам в Большой пустыне Виктория, по которой они двигались целых девять недель. Один из них, Питер Бунисар, шел на колоссальный риск: за полтора месяца до похода врачи удалили у него селезенку. Бунисар скромно назвал путешествие «весьма рискованным».

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

На первой странице обложки: АТЛАНТИКА. Голландская шхуна «Те Вега» с советско-американским экипажем на борту пересекает океан. У штурвала участница плавания, американская студентка Ким Куранз, изучающая проблемы окружающей среды в университете города Провиденс.

О совместном советско-американском плавании рассказывает наш специальный корреспондент. Его первый очерк «Бег реки» читайте на странице 22.

Фото Дмитрия МАРТЫНОВА

Остро отточенные деревянные иглы татуировщика безжалостно вонзаются в тело Питоаи Тупоу, старосты деревни Фалиасиу-на-Уполу, которого вы видите на третьей странице обложки. Но даже искусному мастеру требуются сутки для того, чтобы покрыть сложным узором торс, нижнюю часть спины и бедра своего клиента.

Боль, стихающую на протяжении целого месяца, островитяне сравнивают с муками рожениц.

Оформление Н. МАНИКАЛО
Макет Г. Комарова
Технический редактор
И. Воробьева

Главный редактор
А. А. ПОЛЕЩУК

Редакционная коллегия:
В. И. АККУРАТОВ,
А. К. ГЛАЗУНОВ,
Ю. Ю. ЖИТКОВСКИЙ,
Р. Ф. ИТС,
А. П. КАЗАНЦЕВ,
В. А. ЛЕБЕДЕВ
(заместитель главного редактора),
В. И. НЕВОЛИН,
Н. Н. НЕПОМНЯЩИЙ
(ответственный секретарь),
Ю. А. СЕНКЕВИЧ,
В. Н. СОЛОВЬЕВ,
А. В. ХЛЕБНИКОВ,
А. А. ЧЕРНОСВИТОВ,
Л. А. ЧЕШКОВА,
А. Н. ЧИЛИНГАРОВ,
А. В. ШУМИЛОВ

Наш адрес:
125015, Москва, А-15,
Новодмитровская ул., 5а.

Телефоны:
для справок —
285-88-83, 285-88-68;
отделы:
«Наша Родина» —
285-89-83,
иностраный —
285-89-85,
науки —
285-89-38,
литературы —
285-80-58,
писем —
285-88-68,
иллюстраций —
285-89-36,
приложение «Искатель» —
285-80-10,
секретариат —
285-88-25

Телетайп (внутрисоюзный) —
114167 ЭССЕ «Вокруг света»
Телекс (международный) —
411261 ФАКЕЛ «Вокруг света»

По вопросам полиграфического исполнения журнала обращаться в типографию ИПО «Молодая гвардия», тел. ОТК — 285-80-92

Сдано в набор 23.01.90. Подп. к печ. 01.03.90. А02757. Формат 84×108¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Условн. печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт. 28,56. Учетно-изд. л. 11. Тираж 3 000 000 экз. Заказ 430. Цена 80 коп. Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

«Вокруг света», 1990, 1—64, ИПО ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 70142.

Макетируем журнал
(2-я страница обложки)

- 2 Алексей ВАСИЛЬЕВ**
Месяц в Англии, или Ненаучные открытия, сделанные в одной научной командировке
- 8 Михаил ЕФИМОВ**
Тропа вокруг Горок
- 10 Мурад АДЖИЕВ**
Молчаливые табасараны
- 15 Георгий ВИЛИНБАХОВ, Михаил МЕДВЕДЕВ**
Идущие львы настороже
- 18 Леонид КУЗНЕЦОВ**
Бухта ароматов
- 22 В. ЛЕБЕДЕВ**
Бег реки
- 28 В. ЗАДОРЖНЫЙ**
Муравьи на тропе войны
- 30 Курьер**
- 31 Ф. Р. ШТИЛЬМАРК**
Очарованный странник наших дней
- 32 Роберт ШТИЛЬМАРК**
Солнечное затмение
- 38 Павел ПАВЕЛ**
Моаи учатся ходить
- 42 Язык мой?**
- 43 Сергей СВИСТУНОВ**
Черное золото
- 44 Мери Инес ХИЛДЖЕР**
Прилетевшие с небес
- 47 Н. ЛОМАНОВИЧ**
«Настоящие люди»
- 49 С. БАРСОВ**
Ночи падающих птиц
Сообщение правления Ассоциации путешественников СССР
- 50 Филипп КУЗЕН**
Последний сеанс
Фантастический рассказ
- 56 «Пестрый мир»**
- 59 Луи БУССЕНАР**
За десятью миллионами к Рыжему Опоссуму

литься, правда, очень осторожно. И когда кто-то из дикарей высовывается, мы тут же посылаем пулю.

Проходят часы. «Саперы» удваивают усилия, пот струится по их телам. Однако ни один из них не жалуется, никто не думает об отдыхе. Что касается нас, то мы продолжаем следить за аборигенами. Стволы ружей жгут нам руки, камни, на которых мы стоим, поджаривают ноги. Но покинуть свой пост нельзя даже на минуту: аборигены неустанно следят за нами, и то и дело мы вынуждены убеждать их пулей, что им лучше оставаться на местах.

Три часа пополудни. Если мы не хотим умереть от жажды, то должны выбраться отсюда до наступления ночи. Все дышат порывисто. Кое-кто решил смочить рот капелькой коньяка, но от этого становится только хуже. Состояние наших бедных животных плачевное. Хватит ли у них сил вытащить нас отсюда?

Не сдавайтесь, храбрые «саперы»! Еще немного поработайте заступом, и подкоп будет закончен.

Аборигены, видя безуспешность своих атак и понимая, что мы одерживаем верх благодаря нашей бдительности, затихают.

Наконец-то! Подкоп вырыт. Работавшие выбираются из него один за другим. Теперь остается лишь, объединив усилия, сбросить скалу в ров.

Ободряющие возгласы, рычаги, ломы, деревянные колья — все, что может помочь усилиям людей, — пустой номер. Мы приходим в отчаяние.

Измученные, едва переводя дыхание, с расцарапанными руками, уставшие до предела, мы вынуждены признать свое бессилие: скала даже не шелохнулась.

Неужели такая огромная работа оказалась бесполезной и весь труд пропал даром? Нет, мы не сдадимся. Если наши руки слишком слабы, чтобы исполнить задуманное, мы прибегнем к последнему средству.

Бочонок пороха, который мы подложим под скалу, за одну секунду совершит то, на что нам потребовался бы месяц мучительных усилий. Мина готова. Шнур от бочонка протянут: на то, чтобы огонь дошел до него, требуется пять минут.

Робартс просит, чтобы ему оказали честь и позволили поджечь шнур.

Раздается оглушительный взрыв, и густой столб дыма вырывается из-под скалы. Все, как один, мы бросаемся вперед.

Ура! Скала перекрыла ров. Мы спасены! Да будет благословенна тень почтенного Роджера Бэкона!

Измученные путешественники покидают наконец это гибельное место, выстроившись в полном порядке, так сказать, повзводно, ибо теперь, когда аборигены следуют за нами по пятам, нельзя, чтобы хоть один человек отстал от плотно сомкнувшегося каравана.

Лошади почуяли близость травы. В воздухе потянуло влагой, и они ускоряют ход, так что мы едва успеваем за ними. Бедные мои собаки, их пасти в пене, бессильно висят языки.

Вот наконец благословенный лес!

Каменистая пустыня пройдена. Мы ступаем на траву. Здесь тень, здесь вода! Аборигены исчезли. И все же надо смотреть в оба и удвоить бдительность.

¹ Роджер Бэкон (ок. 1214—1292) — английский философ и естествоиспытатель, придававший большое значение опыту, как научному эксперименту.

Желая помочь старому аборигену, я взял горсть травы и, засунув ее в рот, стал энергично жевать. И едва сдержал крик!.. Каким же адским снадобьем Том собирается излечить моего друга! Мне казалось, что я жую кайенский перец, смешанный с раскаленным углем.

Если паралич не поддастся столь жгучему лекарству, придется отказаться от лечения.

Я решил освежить рот глотком водки, и она показалась мне настойкой просвиричника по сравнению с соком травы, которая, как купорос, сожгла мне небо.

Наконец Сириль открыл один глаз, потом второй и слегка пошевелился. Можно было считать, что он спасен. Чтобы ускорить выздоровление, старый чернокожий лекарь растирает на дощечке рукояткой револьвера остаток травы и делает нечто вроде пластыря, которым покрывает затем всю пораженную часть тела пострадавшего. Том просит у меня сигарету, прикуривает, садится на корточки, как факир, и бормочет непонятные слова.

— Ну что, дружище, что скажешь? Ему лучше?

— Лучше будет, когда снимешь.

— Тогда давай снимем эту траву.

— Нет еще.

— Когда же?

— Скоро.

Я успокоил встревоженных людей, ожидавших хоть слово надежды. Через четверть часа я помог Тому снять пластырь, от которого вопил и метался, как безумный, наш паралитик.

Тело моего друга стало красным, как вареный рак. Но до чего же отрадно было видеть эту красноту! Сириль пытается встать, но приподнимается лишь наполовину.

— Друг, — ласково говорит Том и дает ему волшебное зелье. — Ты ешь...

— Съешьшишь? Том говорит, чтобы ты жевал. Давай-ка быстрее!

— Э-хе-хе...

— Ничего. Жуй, скорее поправишься.

— Я... хочу... одеться.

Подобное возвращение стыдливости, выраженное прерывающимся голосом, заставляет меня улыбнуться. Мы выполняем его просьбу и, взяв под руки с двух сторон, ведем к тому месту, где расположились наши друзья, которых все еще не покидало беспокойство.

— Ты себя лучше чувствуешь?

— Конечно. Только ноги еще слабые. Но что это за чертовщина, которую я жую? — спросил он более твердым голосом. — Похожа на щавель...

— Как? У тебя не горит во рту?

— Нет. А почему должно гореть?

— Ну тогда жуй.

Я рассматриваю это растение — оказывается, оно совсем другое и похоже на обыкновенную кислицу. Его листья шириной в четыре и длиной в сорок сантиметров покрыты красными, как кровь, прожилками. Сок, который они выделяют и который я тоже попробовал, чтобы устранить жжение во рту, очевидно, хорошее нейтрализующее средство от ужасной травы.

Благодаря старому лекарю Сириль уже на ногах. Он выражает признательность своему спасителю, сперва так крепко пожав руку, что у того

Линия отреза

хрустнули кости, а затем, поскольку Сириль ничего не делает наполовину, дарит ему свои серебряные часы, на которые Том давно поглядывал с восхищением. С этого момента часы-луковица моего босеронца висят на шее у австралийца рядом с амулетом из зеленых камней, подобно платиновому медальону на шее модницы.

Отныне эти двое стали друзьями на всю жизнь.

Мы проделали всего несколько километров от места этого злосчастного инцидента, как вид леса (если так можно назвать поистине неправдоподобное скопление странной растительности) вокруг изменился. Деревья с резными листьями, пронизанными словно медными или цинковыми прожилками; восхитительный ручеек журчал среди цветов. Нас манила прохладная тень.

— Ура, друзья! — вскричал майор, переводя лошадь в галоп. — Два дня отдыха в этом местечке не помешают, не правда ли?

Наш старый друг скакал метров на двадцать впереди, и все пришпорили коней, чтобы как можно скорей бежать из пекла.

Когда майор пересекал последние метры раскаленной местности, спеша укрыться в столь желанной тени, его лошадь слегка задела боком огромный эвкалипт. Нам показалось, что от дерева отвалился кусок коры и упал на круп лошади позади седла. Вдруг животное подпрыгнуло, словно обезумев, и менее опытный наездник, чем майор, несомненно, бы свалился. Потом лошадь встала на дыбы, начала лягаться и брыкаться, а затем помчалась как стрела. Грива ее развевалась, она жалобно ржала, словно от сильной боли.

— Вперед, господа! — закричал лейтенант Робартс. — Случилось что-то необычайное. Поспешим, не жалейте лошадей!

С десяток наездников вознамерились помчаться вдогонку за майором.

— Нет, господа, вы оставайтесь, не надо всем. Мсье Б., вы со мной, и вы тоже, Ричард! Том, ты тоже следуй за нами, хорошо? Вперед!

— Бедный мастер Блэк! — проворчал Том, поглаживая свою лошадь. Он не без основания опасался мчаться на ней с такой бешеной скоростью.

Мы летели, как ласточки, за лошадью, которая неслась, закусив удила. Ее всадник уже не мог ничего с ней поделать.

— Если бы я посмел, — сказал Робартс, человек редкого хладнокровия и необычайно меткий стрелок, — я бы всадил этой взбесившейся лошади пулю в круп. Тогда бы она сбавила скорость.

— Ни в коем случае, — ответил я. — Конечно, я не боюсь, что вы раните майора, но при таком аллюре, если лошадь упадет, всадник погибнет.

Прошло четверть часа. Расстояние между нами и майором, которое составляло метров триста, значительно уменьшилось. Его лошадь, совершенно измученная, начала хрипеть; прерывистое дыхание вырывалось из раздутых ноздрей. Она была на пределе. Мы видели, как она вертит головой из стороны в сторону, два или три раза споткнулась, а затем тяжело повалилась на бок.

Старый офицер армии в Индии, безупречный наездник, был на ногах подлее благодаря тому, что некогда занимался вольтижировкой и смог вовремя соскочить. Майор был цел и невредим.

— Слава богу, майор! У вас все в порядке?

— У меня — да. Но я не знаю, что творится с моей лошадью — она словно взбесилась!

С полдюжины аборигенов кубарем летят среди камней...

красными перьями, а также гудящие бумеранги.

Мы все стоим на камнях, рядом с нашими «саперами», готовые их защищать. Враги находятся перед нами, вращают глазами и беспрестанно орут во всю глотку. Господи! До чего же они уродливы! Они более отталкивающие, чем страшны.

Ей-богу, это те самые дикари, с которыми мы встретились совсем недавно! У одного на голове красный колпак, который кто-то из поселенцев дал ему в обмен на бумеранг. У многих вокруг грязных тел повязаны платки и куски материи.

Нас разделяет тридцать метров, а аборигены собираются нас атаковать. Красный колпак, несомненно, на голове вождя: именно счастливый обладатель этого украшения командует всеми ими.

Внимание! Звучат шесть выстрелов. О! Ситуация меняется. С полдюжины аборигенов кубарем летят среди камней, и мы видим, как они корчатся в судорогах.

Тут же все остальные, а их более двухсот, рассыпаются во все стороны и благоразумно прячутся. Наши «саперы» хладнокровно спускаются с помощью веревок в вырытую яму и продолжают копать под основанием скалы. Их десять человек, почва рыхлая, и дело продвигается быстро.

Но вот мы, кажется, забыли о противнике, потому что он начинает шеве-

как горн.— Дорога перерезана рвом глубиной более ста футов!

Услышав эту новость, дрогнули даже самые мужественные. Мне хочется увидеть, что же там, впереди.

Я подхожу к краю рва. Все верно — никаких преувеличений. Ров шириной 15 и глубиной 30 метров круто обрывается вниз. Перебраться через него совершенно невозможно. Некоторые скалы возле него рассыпались, разбитые бурей, несомненно, достигшей здесь максимальной силы. Если бы мы находились в этом месте во время урагана, то молнии превратили бы в прах всех нас, наших животных и багаж. Что же касается самого рва, то это, конечно, последствие землетрясения.

Положение становится ужасным. Запас воды исчерпан, несмотря на крайне экономное его распределение. Арабские чистокровки держались долго, но если мы останемся в этой раскаленной печи еще двадцать четыре часа, менее выносливые из них погибнут. И тогда мы пропали!

Что делать? Какое решение принять? К счастью, нас много, и перед лицом опасности энергия каждого не только не ослабевает, но, наоборот, возрастает. Это не первый опасный отрезок пути и, вероятно, далеко не последний.

Наш канадец, человек, кажется, весьма изобретательный, предлагает взобраться на повозку, перебраться с нее на одну из наименее отвесных скал и спуститься с другой стороны. Затем нужно будет прорыть под скалой яму в рыхлом песке, собрать все силы и опрокинуть ее в ров, чтобы перекрыть его, и проехать потом, как по мосту.

План принят, и мы приступаем к реализации его первой части. Однако не успел один из путешественников добраться до вершины скалы, как тут же прижался к ней животом и затем поспешно сполз вниз, крикнув:

— Аборигены!

Хорошо, что он ретировался так быстро! Более пятидесяти туземных копий одновременно ударили в то место, на котором он только что находился, отлетели от скалы и упали к нашим ногам, не причиня вреда.

Аборигены! Возможно, те самые, которых мы так приветливо угощали и у которых после нашего гостеприимства настолько разгорелся аппетит, что они хотят теперь превратить в пищу и нас самих. Подлые люди, лишённые всякой благодарности, они сейчас ожесточились и, несомненно, решили воспользоваться нашим бедственным положением. Вот к нам приблизились две отталкивающих физиономии, которые отвратительно гримасничают. Ну что ж, тем хуже для них! Бах! Бах! — раздаются два выстрела, и оба лица исчезают. Аборигены долго вопят, потом наступает тишина.

Что же будет дальше? Положение осложняется. Мы не хотим погибнуть от жажды, и никто из нас не имеет никакого желания быть наколотым на вертел. Надо действовать! Половина мужчин с оружием на изготовку будут нести охрану, остальные займутся подкопом.

План канадца — единственно реальный для нас. Однако присутствие каннибалов значительно его осложняет. Но наши мужчины — храбрые люди, они намерены взять в руки заступы и мотыги, держа одновременно рядом ружья и револьверы, чтобы мгновенно отправить к праотцам любителей белой плоти. Речь идет о том, чтобы рыть яму под носом у врага, и они ее, безусловно, выроют. Наши бесстрашные, но благоразумные англичане изготавливают подобие вил, наматывают на них брезент и ставят перед собой. Эта преграда достаточна для того, чтобы не пропустить стрелы с

Когда мы спешили, лошадь майора сделала невероятное усилие, чтобы подняться и снова попытаться бежать, но наездник сумел удержать повод в своей железной руке, заставив ее лежать на месте.

Тут мы увидели то, что вызвало этот сумасшедший бег. Растянувшись на крупные лошади и спустившись по ее бокам, на ней находилось страшное безмянное нечто. Шероховатое и дряблое одновременно, напоминающее грязно-коричневый вздутый нарост, оно сжимало несчастную лошадь и, казалось, составляло единое целое с ее окровавленной кожей.

— Какое жуткое животное! — воскликнул я с отвращением. — Никогда не видел ничего более мерзкого.

— Вай ненд, — спокойно сказал Том, выхватывая длинный нож из ножен. — А, ты ешь кровь мастера Али! Погоди!

Слова у Тома не расходились с делом. Славный старый абориген разрезал во всю длину безмянную «вещь», и ее плоть, вязкая и дряблая, закрипела под стальным лезвием. Обнажилось нутро, полное крови, как у насосавшейся пиявки. Несколько секунд спустя это «нечто» комком грязного белья упало на землю.

Лошадь, вскоре успокоившись, повернула умную голову к своему спасителю, а потом попыталасьлизать свои бока, по которым сочилась кровь из более чем сорока маленьких отверстий.

Пока Том обмывал свежей водой ранки своего друга «мастера Али», мы рассматривали с любопытством, которое легко можно понять, странное существо, бившееся в последних судорогах.

Существо это имело примерно 70 сантиметров в длину, 20 в ширину и 8 в толщину. У него не было ни головы, ни глаз, к концам оно сужалось; поверхность шероховатая, как кора эвкалипта.

Я перевернул его ногой, и мы увидели живот, вид которого был страшен и отвратителен.

Расположенные в три ряда 75 или 80 отверстий, напоминающих присоски осьминога, расширялись, образуя ряд карманов, как у пиявки. И действительно, это была живая кровососная банка.

Том, наш опытный профессор по местной фауне и флоре, объяснил, что это животное обычно обитает в углублениях стволов деревьев и там ожидает свою добычу, о появлении которой его предупреждают несколько высокочувствительных волосков, единственный орган осязания, которым оно обладает.

Занимается животное только тем, что сосет: сок молодых деревьев, кровь животных с редкой шерстью, лягушек, ужей и голых аборигенов, которых оно застигает врасплох. Оно присасывается с такой силой, что только смерть может заставить его покинуть свою жертву.

Получив исчерпывающие сведения об этой опасной твари, мы вернулись во временный лагерь, где остальные участники экспедиции уже волновались по поводу нашего долгого отсутствия. Два столь ужасных потрясения за одно утро, которое мы испытали, это уже чересчур, особенно для путешественников в такой стране, как Австралия, которая, казалось, не таит в себе опасностей.

МакКруэли курил сигару, растянувшись в тени гигантской софоры, опустившей ветви почти до земли и создававшей тень, которой он наслаждался как сибарит.

— У нас нет никакой свежей пищи, — сказал он жалобно, ибо моральные

переживания никогда не отражались на его аппетите.

— Не беспокойтесь, дорогой МакКроули,— заметил я.— Вам же обещали жарить на завтрак одного из красивых голубых ара, таких жирненьких и вкусно пахнущих...

— Пожалуйста, прекратите эти гастрономические описания,— взмолился с комичным отчаянием МакКроули.

— Кстати, Робартс, посмотрите, как Том отечески выхаживает «мистера коня». А вы хотели пустить пулю в круп бедного Али. Вот было бы обидно!

— Погодите, у меня идея!

— Говорите, дружище!

— Мне жаль МакКроули. Если у нас нет подходящего жаркого, то для него этот день будет потерян...

— А... я угадал: вы хотите раздобыть для него длиннохвостого попугая ара.

— Именно.

— Робартс,— воскликнул МакКроули,— ваша дружба для меня — величайшее благо. Благодарю вас, я согласен потерпеть, а пока посплю немного...

— Нет, нет, вы пойдете со мной. Я хочу подстрелить для вас одну из заманчивых птиц, разворковавшихся там, на высоте четырехсот футов.

— Ну так и стреляйте, дружище!

— Однако я хочу продемонстрировать вам свою меткость, и мне будет приятно видеть ваше восхищение.

Лейтенант нехотя поднялся, надел парусиновую каскетку с надзатыльником, чтобы не обжечь шею на солнцепеке, и присоединился к нам.

Робартс захватил свой карабин, стреляя из которого в тире он показывал нам чудеса.

— Не иначе как вы решили удивить нас чем-то из ряда вон выходящим, мой друг!

— Это уж точно,— сказал Сириль, который пошел за нами, волоча ногу.— Чтобы сбить птицу, которая сидит так высоко, нужно быть воистину очень ловким и метким стрелком.

— Вы преувеличиваете, когда говорите об этой птице: через шесть секунд она упадет на землю.

— Вполне возможно, ведь вы так лихо стреляете из карабина, лейтенант! — Сириль говорил с искренним восхищением.

Тем временем Робартс, выставив вперед левую ногу, медленно поднял карабин. Через две секунды из дула вылетел белый дымок и прозвучал резкий звук выстрела, сопровождавшийся свистом. Все птицы испуганно разлетелись, и только одна, вцепившись лапкой в ветку и отчаянно крича, продержалась мгновение на макушке дерева, а потом оторвалась от своей опоры и стала медленно падать, распластав крылья.

— Bravo! — воскликнул я с энтузиазмом.

— Блестяще! — одобрил выстрел Сириль без тени зависти.

— Все-таки я поем мяса ары!..

Бедный МакКроули! Между выстрелом и поджариванием дичи на вертеле пролегла целая пропасть!

Птица не упала на землю. Летя вниз, она опустилась на большой лист приятного светло-зеленого цвета, шириной в два фута, толстый, мясистый,

— Назад? — переспрашивает сэр Харви.— Легко сказать. Как вы хотите повернуть здесь повозки?

Наши повозки едва не касаются бортами скал слева и справа.

— Дьявол! Мы — в ловушке!

Вдруг перед нами появляется высокий канадец, пролезший на четвереньках под повозками. Он шел впереди как разведчик.

— Что там такое, Фрэнсис? — спросил сэр Рид.

— Ошибки здесь нет, метр. Именно по этой дороге мы прошли утром, но, несомненно, в результате землетрясения произошли сдвиги почвы. Какое несчастье! Лес находится менее чем в двух лье отсюда, и там есть чистый источник.

— Что вы предлагаете, Фрэнсис?

— Надо отойти назад.

— Но как это сделать?

— Мы действительно не можем развернуть повозки. Но дышло каждой из них прикреплено двумя чеками. Я вытащу их и прикреплю дышло сзади каждой повозки. Распряженные лошади смогут тогда развернуться. Мы вновь их запрежем и запросто вытащим повозки из тупика.

— Bravo! — вскричали мы хором, услышав такой простой план, дающий реальный шанс выбраться из западни.

— Благодарю вас, Фрэнсис,— сказал скваттер.— Ступайте, мой друг, и быстро принимайтесь за работу.

После часа лихорадочного нетерпения мы трогаемся уже во главе каравана, не ускоряя аллюр лошадей, которые с таким же нетерпением, как и мы, стремятся поскорее выйти из каменистой пустыни. Пройдя менее километра, мы обнаруживаем место, где можно повернуть направо или налево, и, наконец, выбраться из ловушки, в которой оказались все 20 человек и 120 лошадей. Мы радостно обсуждаем перспективу достичь деревьев, пусть даже не отбрасывающих тени, свежей травы и водных источников.

Мисс Мэри идет пешком, опираясь на руку своего брата Эдварда, одаряя всех улыбкой. Сириль подошел к Келли, которая не в силах скрыть своей симпатии к моему товарищу. Они оживленно беседуют, и я улавливаю обрывки фраз.

— Ну, конечно, мсье... уверяю вас! Об этом знает у нас каждый в Англии...

— О, нет, мадемуазель, поверьте мне, что французы не едят это, а только лягушек. То, о чем вы говорите, не водится в наших реках. Не правда ли, мсье?

Я улыбаюсь, но не отвечаю, предоставив моему товарищу без помех читать лекцию об амфибиях насмешливой ирландке.

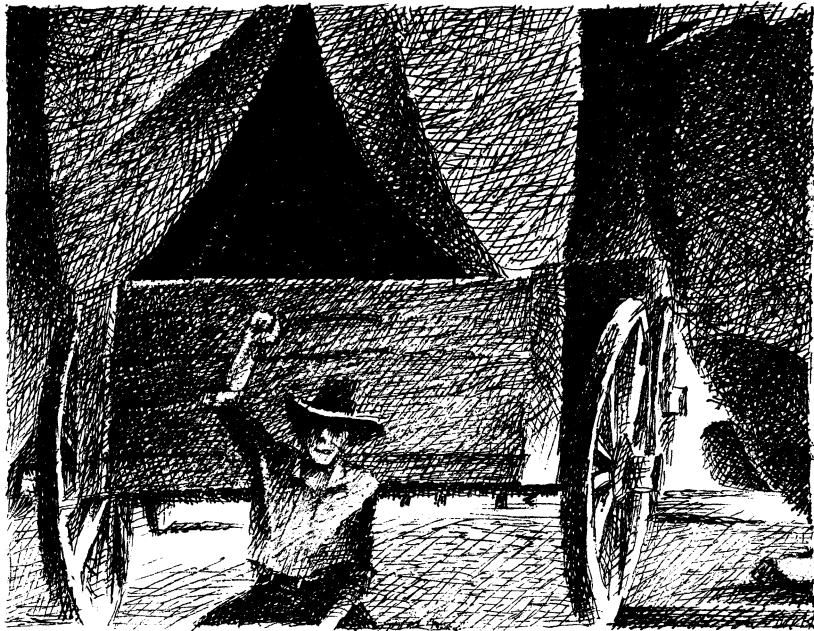
— Эдвард,— говорила мисс Мэри своему брату,— я надеюсь, что мы еще застанем его живым. Бедный отец, как он должен был страдать!

— Да, милая Мэри, мы его разыщем, я тоже на это надеюсь. Провидение не оставит его своей милостью!

Меня трогает эта привязанность детей, которая не ослабевает перед лицом трудностей. Их надежда порождена твердой верой, которая заслуживает наилучшего исхода.

— Стоп! — раздается внезапно громкий возглас впереди. И волнение сразу охватывает всех путешественников, которые немедленно останавливаются.

— Мы не можем пройти дальше! — продолжает тот же голос, звучащий,

Вдруг перед нами появляется высокий канадец, пролезший на четвереньках под повозками.

ми буквально уходит из-под ног, и вы поймете, сколько воды одновременно обрушилось на наш лагерь. К счастью, мы находимся на возвышенном месте, в противном случае наверняка погибли бы под толщей воды.

Ураган длится одну минуту. Это страшное проявление гнева капризного существа, именуемого природой Австралии, прекращается столь же внезапно, как началось. Смолкают раскаты грома, гаснут молнии, рассеиваются тучи, и снова светит солнце...

Мы с радостью встречаем появление дневного светила, поскольку промокли до нитки. Но температура достигает 45° , и наша одежда быстро просыхает.

Караван вновь трогается в путь, проходит пятьсот-шестьсот метров, и тут в голове нашей колонны раздаются возгласы разочарования. Движение снова прекращается. Что еще случилось?

Робартс, которому не терпится узнать причину остановки, забирается на брезентовый верх последней повозки, за которой следуем мы.

— Ну что там?

— Беда! Дальше дороги нет!

— Как — нет дороги?

— Путь преграждает скала, огромная, как дом. Надо поворачивать назад.

резной до половины длины. Вдруг при соприкосновении эти резные зубчики листа, сворачиваясь на наших глазах, стали сжимать птицу, словно щупальца, и, будто запрятанная в темницу, она исчезла из-под носа у разочарованного гурмана.

Все расхохотались.

— Придется вам все-таки есть сушеное мясо: во второй повозке его запасы еще не тронуты.

— Давайте подождем, может, она еще упадет.

— Если вам угодно, стерегите птицу. Что до нас, то мы пойдем завтракать. Пока!

— Прошу вас, подождите пять минут! Признайте, что мы наблюдали нечто весьма любопытное. А вы, мсье Б., как ученый-натуралист можете расширить свои познания.

— Да, это поистине удивительно, — признал я, польщенный, что меня назвали ученым. — Прямо-таки тайна какая-то...

— ...к которой я сейчас подберу ключ, — подхватил МакКроули. — В конце концов, не съест же меня этот лист.

— Лейтенант, лейтенант, — воскликнул испуганно Сириль, — не трогайте его! Ведь только что меня сразил лист, словно удар грома. Божь, и вас может постигнуть несчастье.

— Дружище, я такой же упрямый, как вы. Я дотронулся рукой до этого листа, а там посмотрим.

МакКроули храбро положил сжатый кулак на самую середину сети прожилок листа, лучики которого, искрясь на солнце, были раскрыты как веер. Мы видели, что явление, которым сопровождалось поглощение ары, повторилось: зубчики листа обхватили кулак МакКроули и сжали его.

— Хм, любопытно... — произнес лейтенант, не моргнув глазом. — Такое впечатление, что на мне слишком тесная перчатка... Однако никакой боли... Вот жмет сильнее... Черт! Рука онемела!

— Ради бога, — я не на шутку забеспокоился. — Достаточно для эксперимента, прошу вас.

— Да будет вам, дружище. Еще немножко терпения: мы проделываем физиологический опыт. Когда настанет время, я попрошу вас срезать ножом этот проклятый лист, сжимающий мою руку словно клещами. Странно... У меня такое ощущение, будто руку жжет горчичник... Стало по-настоящему больно... Кажется, что миллион раскаленных иголок впился мне в руку... Хватит! Срезайте!..

Я моментально отсек лист. Полминуты спустя он отпал от руки МакКроули. Она необычайно распухла и приобрела мертвенно-бледный цвет, вены вздулись и стали похожи на веревки... Крошечные капельки крови или скорее сукровицы, медленно сочившиеся из руки, позволяли мне определить присутствие жидкости, расстраивающей функционирование организма, подобно соку дрозера ротундифолия, которую изучал знаменитый Дарвин и которая обладает свойствами, делающими это плотоядное растение похожим на животных.

Мы стали внимательно рассматривать это странное дерево. Оно гораздо ниже своих соседей, по высоте не превосходит шести-десяти футов. У него нет ствола в обычном понимании. Ветви дерева, на которых распускаются цветы, похожи на георгины, правда, не уступающие по размеру кочану капусты, образуют концентрические круги, отстающие друг от друга на

равном расстоянии. На верхушке они соединяются конусом, увенчанным букетом. Листья резные, как у веерной пальмы, но толстые, как у алоэ, и имеют множество маленьких коротеньких трубочек, густо их покрывающих, словно волоски щетки. В отверстиях каждой трубочки сверкает, подобно опалу, крошечная капелька.

— МакКроули, — сказал я после завтрака, — исследовав этот уникальный образец растительного мира, я делаю вывод, что дерево съест нашу птицу.

— Уверен, что так оно и произойдет, — согласился он. — В следующий раз Робартсу нужно будет лучше выбирать свою цель. Впрочем, и эксперимент, который мы проделали, тоже научит нас кое-чему.

Наши предположения подтвердились. На следующее утро лист принял свой первоначальный вид, а на земле мы обнаружили скелет ары, к которому еще прилипало несколько перьев.

— Ну и чудная страна! — пробормотал Сириль. — В ней можно найти пятачок метровой величины, что запросто высосут кровь из лошади, дерева, способные без труда убить человека, и листья, пожирающие птиц величиной с курицу.

Ей-богу, чудная у тебя страна, старина Том!

Глава VII

Внезапно, безо всякого перехода, без малейшего изменения характера местности, которое могло бы навести на эту мысль, мы очутились перед знаменитой каменной пустыней. Последние деревья, едва достигающие десяти метров, словно монастырской стеной отгораживали колоссальное пространство, где были повсюду разбросаны валуны всевозможных форм и размеров. До самого горизонта тянулась покрытая камнями пустыня, лишенная всякой растительности. Ее почва — мелкий песок, сухой и белый, — отражала солнечные лучи с такой же интенсивностью, что и солончаковая корка бесплодной земли в Тунисе. Впрочем, еще накануне нас предупредили об этом явлении разведчики, которых мы постоянно высылали вперед. И хотя каждый из нас знал о геологическом феномене, представшем нашему взору, мы были не просто удивлены, а буквально потрясены увиденным.

Ничто не говорило о том, что эти камни были вулканического происхождения. Создавалось впечатление, что они просто свалились с неба, или, если рассуждать более рационально, были занесены сюда в ледниковый период перемещением масс снега и льда, наподобие морен Швейцарии. По последним опубликованным сведениям Географического общества Мельбурна, каменная пустыня имеет не менее пятидесяти километров в ширину и около ста шестидесяти в длину.

Наши странствия через каменные нагромождения, словно воздвигнутые перед самым центром континента какой-то злобной волшебницей, растянулись на три дня. Емкости с водой еще полны, но все равно мы скупно распределяем ее между людьми и животными. Запас травы, заблаговременно сделанный на последних зеленых лугах, каждая лошадь несет на своей спине.

Нам приходится прилагать значительные усилия, чтобы расчистить путь. Вот кто-то воюет с помощью лома с глыбой весом в тонну, которую он тщетно пытается сдвинуть. Потом берется за домкрат — напрасные усилия. Приходится использовать подюжины лошадей и канат. Чистокров-

ки напрягают свои мощные мускулы так, что трещат кости! И наконец скала выползает из углубления, переворачивается два или три раза: путь свободен. А через сто метров все начинается сначала. И это при изнурительной жаре, когда камни настолько раскалены лучами солнца, что к ним невозможно притронуться.

Ночь такая же жаркая, как день, ибо каждая каменная глыба отдает накопившееся тепло, и всем нам приходится получать слишком большую часть этого дара.

О боже, когда же мы выберемся из этого ада!

...И все-таки мы продвигаемся вперед, и я надеюсь, что завтра, вероятно, доберемся до свежей воды, которая покажется нам божественным нектаром в сравнении с той, что мы пьем сейчас. Наша вода нагрелась до такой температуры, что еще чуть-чуть, и можно будет заваривать чай, не кипятя ее.

Сегодня утром герр Шэффер ускакал на разведку со своими соотечественниками. Они возвращаются в полдень с радостными лицами. Камни, которые разбросаны впереди на этом раскаленном песке, по размеру еще крупнее, но зато более редки, и наши разведчики обнаружили между ними нечто вроде дороги, по которой караван пройдет без особых усилий.

Можете себе представить, с каким восторгом восприняли мы эту новость! Действительно, пора выходить из этого пекла, потому что запасов воды и фуража осталось всего на полдня. Совершенно необходимо накормить и напоить лошадей, иначе нам не выбраться...

Вдруг мрачная туча заволакивает солнце. Тотчас начинает темнеть — чудовищные тучи покрывают все небо: черные, с синевой, окаймленные зловещими ободками цвета меди!.. Это буря, застигшая нас совершенно неожиданно, подобно внезапному катаклизму в атмосфере, стремительная, как мощный взрыв упавшего астероида.

Мы находимся в узком каменном проходе, где повозки могут двигаться только гуськом; направо и налево — камни по три-четыре метра в диаметре, касающиеся один другого и образующие подобие стены...

Караван останавливается. Как раз вовремя! Раздается удар грома, и одновременно молния прочерчивает черное небо с востока на запад. Можно подумать, что это какой-то сигнал.

Две секунды спустя, словно некий титан сгреб в руку все грома́ двух полушарий и сбросил их в одной точке, удары грома достигают неимоверной силы. И уже не отдельные молнии рассекают тучи, а миллионы их вспыхивают в секунду, без малейшего перерыва. Одновременный залп множества артиллерийских орудий — просто невинный хлопок петарды по сравнению с оглушительным грохотом грома.

Лошади оцепенели от страха. Они дрожат, склонив головы. Наши лица стали смертельно бледны и как бы фосфоресцируют, освещенные этим дьявольским светом. Неужели мне почудилось? Кажется, что земля под ногами заколебалась. Трудно разобраться в наших ощущениях: мы ослеплены и оглушены.

Но вот все сомнения исчезли: эта атмосферная конвульсия невиданной силы передается земле. Нас сбивает с ног. Подняться удалось лишь через полминуты, ибо землетрясение длилось тридцать секунд.

Едва мы успели прийти в себя, как ураган вступает в новую фазу. Представьте себе ливень, мгновенно затопляющий местность, когда земля под ва-

8-11

ВСЕМИРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Окончание. Начало на стр. 43

После подъема на холм подходим к церкви Санта-Ифигения — одной из жемчужин Ору-Прету. Лики святых в этом храме черны, но не от свечного нагара. Они черны, так сказать, «от рождения», как и кожа прихожан. Церковь строили и молились в ней рабы. Часть средств пожертвовали те, кто выкупил себя из неволи. Но основную часть денег получили иным способом...

Намывая золотой песок, рабыни норовили набить его себе под ногти, сыпали на волосы. Некоторые ухитрились уносить самородки в прическах. Все это — для создания храма своим, «черным святым». Но рабам опасно было в одиночку ходить с подношениями к месту строительства. Поэтому, чтобы отвести подозрение, они устраивали праздничные шествия с пением и танцами. Вот и назвали улицу по кружащимся в стремительном африканском ритме юбкам...

Индекс 70142
Цена 80 коп.

